

ПРЕДИСЛОВИЕ К КОММЕНТАРИЮ

Д. С. Лихачев говорил, что любой памятник неисчерпаем. Но тем труднее отличить находку от миража и обманки, трактовку от «вчитывания» в текст того, чего в нем нет. Потому помимо Д. С. Лихачева на разных этапах этой работы моими собеседниками и консультантами были филологи и лингвисты О. А. Державина, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, А. А. Зализняк, Т. В. Рождественская, В. А. Дыбо, А. В. Дыбо, С. Л. Николаев, А. А. Гишпиус, М. Н. Толстая, Н. И. Милотенко, И. С. Пекунова, Л. В. Зубова, А. Г. Бобров, историки Глеб Лебедев, Евгений Рябинин, Сергей Белецкий, Игорь Арзамасцев, Геннадий Поляков, поэты Давид Самойлов, Валентин Берестов, Александр Аронов, Анатолий Кобенков, Вадим Черняк, Михаил Яснов, Олег Хлебников, Мария Игнатьева.

Приношу сердечную благодарность всем авторам «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»», без которых эта книга не была бы написана.

Работу по восстановлению в тексте «Слова» утраченных древних синтаксических, грамматических и орфоэпических норм по моей просьбе сделала А. В. Дыбо. Результат этой работы — первый опыт научной реконструкции текста протографа. Принципы реконструкции изложены А. В. Дыбо в специальной статье (см.: *Чернов*. С. 419–464).

Структура комментария была определена характером нашей совместной работы: текст построен в форме диалога переводчика и лингвиста. После прозаического перевода каждой из песен следует комментарий переводчика, причем выноски из текста «Слова», обозначенные жирным шрифтом, представляют собой цитаты, приводимые по изданию 1800 г. (с минимальными конъектурами и без сохранения пунктуации). Все комментарии А. В. Дыбо оформлены в виде подстрочных примечаний. Списки сокращений, используемых здесь и далее, приведен на с. 353–355.

Андрей Чернов

Здесь мне принадлежат примечания только касательно спорных мест толкования и, соответственно, морфологического и синтаксического разбора текста «Слова». В языковом отношении в наибольшей степени надежным из доступных широкому читателю нам кажется комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина (в книге: *Слово о полку Игореве*. Л., 1985). Я хотела бы здесь дать лишь некоторые поправки, обусловленные развитием древнерусской диалектологии за последние двадцать лет. Это развитие, в первую очередь связанное с исследованиями языковых особенностей берестяных грамот, позволяет по-новому оценить многие места «Слова», ранее ставившие читателя, знакомого со «стандартным древнерусским», в недоумение.

Анна Дыбо

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ

1. 1. Не пристало ли нам, как бывало, братья, начать старым складом печальные повести¹ о рати Игоревой — Игоря Святославича? Начаться же той песни по былям нынешнего времени, а не по замыслению Боянову. Ибо вещей Боян, если кому хотел творить песнь, то летел мыслью-белкой по Древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Сказывают, когда поминал он битвы начальных времен, то напускал десять соколов на стаю лебедей. И какую лебедь настигали, та прежде песнь пела² старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедию перед касожскими полками, красному Роману Святославичу. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещи персты на живые струны воскладывал. Струны же сами славу князьям рокотали.

¹ Начальную фразу «Слова» переводят также: «Не пристало бы нам, братья, начать старыми словами скорбных воинских повестей <песнь>...» (Н. А. Мецкерский, перевод реконструированного текста в кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 36), т. е. интерпретируя родительный падеж множественного числа как определение к пропущенному слову, стоящему в винительном падеже. Исходя из принципа минимальной правки, мы склонны видеть здесь родительный падеж множественного числа как прямого дополнения с партитивным оттенком при *начати*. Многочисленные примеры такого управления имеются как в древнерусских, так и в старославянских памятниках: *не смѣяхуть ни они сихъ начати, ни си онѣхъ* («Повесть временных лет», лето 6524); ст.-слав. *не обльнихъся начяти нареченнаго съчиненья* (Супрасльская рукопись) и др. (Такое же решение принято в комментарии В. И. Стеллецкого — *СДЛ*. С. 239.) Напротив, родительный принадлежности не характерен для древнерусского языка — см.: *ДНД*. С. 158–159.

² Буквально: «Которую [сокол] настигал — та [лебедь] первой пела песнь».

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїи о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Игорь Святославич (2 апреля 1151 — 29 декабря 1202) — сын Святослава Ольговича, внук Олега Святославича, с 1180 г. князь новгород-северский, с 1198 г. — черниговский. По сообщению Ипатьевской летописи, «и нарекли ему имя в святом крещении Георгий, а мирское имя Игорь». Б. А. Рыбаков предполагает, что Игорь крещен в честь его дяди, убитого киевлянами в 1146 г. и провозглашенного невинноубиенным (*Рыбаков. С. 125*).

Поход Игоря против половецких ханов Гзака и Кончака начался в апреле 1185 г., но еще в 1181 г. Игорь в союзе с половцами (Кончаком и Кобяком) боролся на стороне Святослава Всеволодича за киевский престол. Киевский князь Рюрик Ростиславич бросил против него Мстислава Владимировича и черных клобуков. Войска претендентов были разбиты, а Игорь с Кончаком бежали с поля боя в одной ладье.

Комментарий Д. С. Лихачева: «В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что исторические события сильнее, чем его характер. Его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями эпохи, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния плохи, и это потому, что над ним господствуют предрассудки и заблуждения эпохи. Тем самым на первый план в “Слове” выступает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины» (*Лихачев. С. 127–128*).

Летопись отмечает ревность Игоря к славе своего двоюродного брата Святослава Всеволодича Киевского: *Того же лѣте слышавъ Игорь Святославличъ оже шель Святославъ на Половць призва к собѣ брата своего Всеволода и сыновця Святослава и сына своего Володимѣра...* (*Ипат. Стб. 633*). В 1183 г., не приняв участия в походе Святослава, честолюбивый Игорь сам идет на половцев. Это была репетиция (в том же составе действующих лиц) его будущего большого похода в Поле. С того, что Игорь затеял поход 1185 г., «завидуя чести Святославовой», начинается и перевод летописной повести В. Н. Татищева (см. с. 343).

...старыми словесы трудныхъ повѣстїи...

Ссылка на *старые словесы* говорит об ориентации на песенную традицию дружинной поэзии, в которой должны были сохраняться уже ушедшие из живого языка полугласные звуки «ъ» (подобие короткого «о») и «ь» (смягчающее предыдущую согласную короткое «э»), что, собственно, и подтверждается многочисленными рифмами, аллитерацией и звукописью текста. (Подробнее см.: *Чернов*. С. 121 и след.)

В древнерусском языке *трудный* — печальный, скорбный. Так же и в современных брянских говорах (*Козырев* 1976. С. 94)³. Но поскольку большинство «скорбных повестей» должно было повествовать о ратных делах, полагаю, это слово могло существовать и в значении «воинский», «ратный». Тем более, что в церковных текстах встречается *трудьникъ* — духовный ратник⁴.

³ Обобщающий «Словарь русских народных говоров» доведен до буквы «С», поэтому мы не можем подтвердить или опровергнуть узкую диалектную принадлежность этого значения (как и в некоторых других случаях — *сраштити, троскотати, чаица*).

⁴ Семантика «воинский» довольно натянута. Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «...Поэтому одни (первые издатели, В. А. Жуковский, Н. С. Тихонравов, А. А. Потебня, А. С. Орлов, В. И. Стеллецкий) перевели: печальные, горестные, другие (М. Д. Деларю, С. В. Шервинский, И. А. Новиков, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев): воинские, ратные» (*Мещерский, Бурыкин*. С.441). Начнем с того, что список переводчиков взят из *СССРПИ* (Т. 6. С. 68), причем допущена ошибка: Д. С. Лихачеву приписан предыдущий по тексту справки перевод Е. В. Барсова («рассказы страдны — боевые»), тогда как реально Д. С. Лихачеву принадлежит (и правильно выписан в тексте справки) перевод «горестное повествование». Значение др.-рус. прилагательного *трудьнии* в «Словаре-справочнике» представлено подзначениями «требующий больших усилий», «тяжелый, бедственный, мучительный», «находящийся в затруднительном положении», «изнеможенный, усталый», «усердный, старательный». Этот список вполне соответствует тому, что мы находим у *Срезневского* (Т. 3. С. 1009): «грудный, затруднительный», «находящийся в затруднении», «утомленный трудом», «страдающий», «печальный», «тяжелый, опасный». На тех, кто перевел это слово как «воинский», «военный» и подобное, могли повлиять следующие значения других производных от *трудъ*, выписанные у *Срезневского*: *трудьникъ* — «борец», перевод *греч. ἀγωνιστής* — «ревнитель, соперник», *трудоуьникъ* — «борец, боец, воин» (перевод того же греческого слова, кроме того, в латинском соответствии одного из текстов стоит *Dei miles* — «Божий воин»); по примерам во всех случаях идет речь, так сказать, о бойцах духовного фронта, подвижниках, противостоящих дьяволу

О жанровых и конструктивных особенностях зачина «Слова» см.: Чернов. С. 93 и след.

Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

Полагают, что «былина» здесь не жанр песенной словесности, а «истинное происшествие, былъ» (так в архангельских и псковских говорах). Считается, что сказители былин обычно называли их «старинами»⁵, а заимствованный из «Слова» жанровый термин «былина» — сугубо кабинетного происхождения. Однако В. А. Козырев приводит брянскую параллель: *...эта ш былина, эта ш была так ф стѣрину* (записано в Трубчевском районе Брянской области; далее — Трубчевск; Козырев 1975. С. 64). То есть былина — это не сказка, а миф. А поскольку, по определению М. И. Стеблина-Каменского, миф — это то, во что верят, можно предположить, что и Боян называл свои «славы» и «плачи» былинами.

Как показал О. В. Творогов, ни автор «Задонщины», ни ее переписчики это слово уже не понимали (Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1960. С. 315).

Боян, дружинный песнотворец XI столетия, семикратно упомянут в «Слове». Он назван певцом князя Святослава Ярославича (внука крестителя Руси Владимира Святославича), правившего в Киеве в 1073–1076 гг., то есть за век до центрального героя «Слова» Святослава Всеволодича (шестое поколение от Владимира Святославича). Боян пел «старому Ярославу» (Ярославу Владимировичу Мудрому, скончавшемуся в 1054 г.), «храброму Мстиславу» (Мстиславу Владимировичу Тмутороканскому, умершему

и совершающих духовные подвиги. Употребление каких-либо производных от *трудъ* в прямом значении «воин, солдат» или «воинский, солдатский, военный» в древнерусских текстах, по-видимому, не встречено, так что такое толкование слова *трудньши* остается произвольным.

⁵ Комментарий заимствован у Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина, но не слишком точен. Так называли былины сказители в XIX–XX вв., причем неясно, на всей ли русской территории или только на Севере. Слово с ударением на первом слоге зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка» Д. Н. Ушакова; его нет у Даля и нет в источниках по древнерусскому языку, так что, как называли произведения соответствующего жанра в XII в., остается неизвестным.

в 1036 г.). Боян слагал славы «красному» (то есть еще юному) Роману Святославичу (Роман — Тмутороканский князь, сын Святослава Ярославича, был убит половцами в 1079 г.). Далее говорится, что Боян сочинил «припевку» Всеславу Брячиславичу Полоцкому (умер в 1101 г., но печально прославился своими междоусобными походами еще в конце 1060-х).

Боян назван «вещим». Этот эпитет равнозначен словам «волхв» или «кудесник». В «Слове» еще только о князе-оборотне Всеславе Полоцком говорится, что у него «вещая душа».

Считается, что поэт XII в. называет Бояна «любимцем государя Олега». Но это интерпретаторская ошибка. В «Слове» не сказано, что Боян дожил до междоусобных походов Олега Святославича, деда Игоря и Всеволода Святославичей, и отсутствуют упоминания о припевках Бояна Олегу. Хронологические рамки творчества Бояна ограничены примерно 1020–1076 гг.

Видимо, два фрагмента из поэм Бояна процитированы в «Повести временных лет». Один из них описывает Лиственскую битву 1024 г. между двумя героями «Слова» — Мстиславом Тмутороканским и Ярославом Мудрым. Стихотворная загадка, под которой, полагаю, читается имя Бояна, процарапана под куполом «лестничной башни» Софии Новгородской (см.: *Чернов. С. 295*).

О Бояне в наиболее древнем Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» (XV в.) сказано (цитирую в переводе): «Прежде всего восхвалим вещего Бояна, искусного киевского песенника. Тот вещей Боян, возлагая свои золотые персты на живые струны, пел славу русским князьям, — первому князю Рюрику и Игорю Рюриковичу, а также Святославу Ярославичу и Ярославу Владимировичу, восхваляя их песнями и гусельными ярыми словами...»

Отметив влияние «Слова о полку Игореве» на «Задонщину», оговоримся, что ее автор знал о Бояне не только из «Слова о полку Игореве». Из «Задонщины» следует, что, воспевая своих современников Ярослава Мудрого и его сына Святослава, Боян сравнивал их дела с делами первых русских князей — Рюрика и Игоря Рюриковича (то есть он, как и поэт XII в., «свивал славу двух сторон времени»). В «Слове» о Рюрике и его сыне не говорится, ведь автор ограничивает временные рамки своего повествования «от Старого Владимира до нынешнего Игоря», но поэт сравнивает современных ему князей с князьями X–XI вв. Из этого

надо сделать вывод, что помимо «Слова о полку Игореве» автор «Задонщины» знал какие-то былины (будем пользоваться привычным термином) Бояна, видимо, бытовавшие в дружинной среде как минимум до конца XIV столетия.

Боян (Баян) — имя тюркского происхождения⁶. Баяном звали брата хана Аспаруха, покорившего дунайских славян и включившего их в состав аварского каганата. Довольно распространено это имя у болгар. На Руси оно встречается в трех новгородских берестяных грамотах (одна 80-х гг. XI в. и две XII в.). На стене киевской Софии обнаружена процарапанная по штукатурке запись о покупке княгиней Всеволодовой (женой князя Всеволода, матерью центрального героя «Слова» Святослава Всеволодича) за 700 гривен «Бояновой земли», и нельзя исключить, что эти земли некогда принадлежали киевскому песнотворцу. С. А. Высоцкий датировал эту запись второй половиной XII в. (Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 71).

Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы.

В 1833 г. Н. А. Полевой предположил, что под мыслью надо понимать какого-нибудь зверька или птичку, ибо очевидна *по-степенность* сравнений: дерево, земля, облака — мысль, волк, орел. После этого «мысль» стали исправлять на рысь, соловья и даже горностая. В 1854 г. петербургский филолог Н. П. Корелкин в рецензии на перевод «Слова», выполненный Н. В. Гербелем, писал: «Покойный Полевой, а вслед за ним и незабвенный Пушкин думали, что слово *мысль* здесь описка, что по аналогии с серым волком и сизым орлом тут должен быть какой-нибудь зверок, мышь например. Мы случайно узнали, что есть такой зверок, который именно бегаёт по деревьям — не мышь, а мысь. В Псковской губернии Опочецком уезде мысью называют белку, или векшу». Позже

⁶ Личное имя *Vojanъ* зафиксировано еще у дунайских болгар (тюрков, ближайших родственников нынешних чувашей) в надписях VIII–X вв. и, видимо, тождественно чув. *пуйан* — «богатый», общетюрк. *баян* — «богатый» — производному от глагола *baj* — «становиться богатым», см.: ЭСТЯ. Вып. 2. С. 28–29.

оказалось, что «мыслью»⁷ белку зовут кое-где и в Новгородской губернии, и на Среднем Урале. Е. В. Барсов во втором томе трехтомного исследования «“Слово о полку Игореве” как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (1887–1890 гг.) предположил, что в авторском тексте читалось «мысль мысию» (с выносным «л»), но переписчик опустил «повтор», и осталось «мыслью». Барсова поддержал О. Н. Трубачев, заметивший, что в праславянском языке существовало слово *mys-tl-ь* (мелкий зверек), которое затем превратилось в *mysl'* и мысль. Д. М. Шарыпкин в статье «Боян в “Слове о полку Игореве” и поэзия скальдов» (ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 14–22) указал, что в скандинавской традиции по Мировому Древу снует именно белка, переносящая вести из Верхнего мира в Нижний.

При этом в данном фрагменте текста, если следовать логике образа, ни без «мысли», ни без «белки» не обойтись. Другое дело, что в оригинале могло и не быть слова, дублирующего написание «мыслью», и одна лексема могла означать и мысль, и белку одновременно. (О Мировом Древе и о *Мысленом Древе* см. с. 141.) Это явление в поэзии и зовется «темным стилем» (подробнее см.: Чернов. С. 78 и след.).

Шизый орел

Выражение *конь... шизый* обнаружено в новгородской берестяной грамоте XII в. (№ 735), найденной в 1991 г.

Старый Ярослав

Ярослав Владимирович Мудрый. Новгородский, а потом великий киевский князь. Умер в 1054 г.

Д. С. Лихачев указывает, что: «о “старом Ярославе” автор «Слова» не говорит ничего конкретного. Он упоминает его в связи с тем, что ему, Ярославу, пел свои песни Боян, и упоминает о Ярославовой славе Новгорода. Ярослав, следовательно,

⁷ Не *мысль*, а *мысль* зафиксирована в современных диалектологических источниках, родственна лат. *mustela* и осет. *mustaellaeg* — «ласка». См.: ЭССЯ. Вып. 1. С. 22. Мысль, о которой писал Н. П. Корелкин, — либо его ослышка, либо сзакующее псковско-смоленское произношение слова «мышь».

для автора “Слова” не только киевский князь, но и новгородский: с ним связывает он начало новгородской славы, как в Новгороде связывали с ним начало новгородской независимости. Это представление о Ярославе автор “Слова” не мог почерпнуть из “Повести временных лет”, — оно взято им из народных представлений, при этом по преимуществу новгородских» (*Лихачев*. С. 85). Но, видимо, мы имеем дело с цитатой из Бояна (см.: *Чернов*. С. 110).

Храбрый Мстислав

Черниговский и тмутороканский князь Мстислав Владимирович, брат Ярослава. Умер в 1036 г. В «Повести временных лет» сохранилась стихотворная строфа о его битве с Ярославом Мудрым (см.: *Чернов*. С. 107). Старшим современником автора «Слова» был второй Мстислав Храбрый (скончался в Новгороде в 1180 г., похоронен в Софии). Как и Игорь Святославич Новгород-Северский, Мстислав Храбрый II носил христианское имя Георгий. Новгородцы почитают его как святого (вероятно, за его борьбу с владимиристо-суздальскими князьями Андреем Боголюбским, Михаилом и Всеволодом Юрьевичами) и именуют Георгием Храбрым. Автор «Слова» поминает его детей — «всех трех Мстиславичей». Поэт играет на совпадении имен и эпитетов двух Мстиславов, обманывая читателя и тут же уточняя, что речь о том Храбром Мстиславе, который зарезал Редедю, а не о современнике Автора. Поэтому здесь уместно процитировать мнение Б. А. Рыбакова: «У автора “Слова о полку Игореве” каждое выражение, каждый намек представляет собою точное указание (понятное современникам), с которым мы обязаны считаться» (*Рыбаков*. С. 97).

...иже зарѣза Редедю...

В «Повести временных лет» под 1022 г. рассказано о поединке Мстислава с касожским вождем Редедей. (Касоги — древнее название одного из кавказских племен, осетинское *касэз*⁸ — кабардинец, черкес). Этот стих аллитерацией (...*зарѣ*... *за-Ре...де-дю*) словно бы имитирует некий прием боевого единоборства. (Кинув касожского князя Редедю на землю, Мстислав убил его не мечом,

⁸ Читается приблизительно *кэсэз*; о происхождении см.: *Абаев*. Т. I. С. 588–589.

а засапожным ножом.) Ритмический рисунок этого стиха совпадает с *еще кому хотяше* («Боян... если кому хотел песнь творить...»).

Красный Роман Святославич

Тмутороканский князь, внук Ярослава Мудрого. Убит союзными ему половцами в 1079 г.

**...нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.**

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин, ссылаясь на то, что местоимения «они» и «сами» стоят в форме множественного числа мужского рода и тем самым согласованы со словом «персты», а не со словом «струны», полагают, что речь идет о перстах Бояна (*Мещерский, Бурькин. С. 443*). Однако А. В. Дыбо обратила мое внимание на то, что песнь поют «лебеди», а не «соколы», и, значит, славу князьям рокочут не персты, а именно «живые струны»⁹.

Глагол *въскладати* (возлагать, прикасаться сверху) известен древнерусским памятникам XI в. В *СРНГ* попал с пометой «фольклорное». В брянских говорах употребляется как нейтральное: *Въскладай адиялки на сена, мяхше бути* (*Козырев 1975. С. 120*).

Сегодня уже трудно поверить, что распространению глагола «рокотать» (особенно в поэзии) мы обязаны «Слову». Это слово не найдено в древнерусских памятниках, хотя звучит, как отмечает В. А. Козырев, в псковских и брянских говорах, а также в других славянских языках. *Рокотати* — говорить невнятно (*брян., иск.*). По Далю *рокотать* — грохотать, звучать, зычно перекатываясь. Изредка это слово встречается в фольклорных песенных текстах (*Козырев 1975. 108–109*).

⁹ Формы именительного падежа множественного числа *a*-склонения на *-и* (в отличие от стандартно-древнерусских на *-ы*) встречаются в «Слове» — ср. ниже: *яругы имъ знаеми, ...сабли изьострени*. Из других относительно ранних памятников такие формы известны, например, по Лобковскому Прологу (XIV в.). В диалектологическом отношении они могут соответствовать современным ареалам распространения форм множественного числа предикативов типа *ради, богати* (независимо от рода). Возможно, они появляются в тексте «Слова» в результате деятельности псковского переписчика XV–XVI вв. (см. статью А. В. Дыбо в издании: *Чернов. С. 419–464*).

1.2. Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, что стянул ум крепостью своею¹⁰ и заострил сердце свое мужеством¹¹, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что солнце прикрыло тьмой всех его воинов¹². И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше быть убитым, чем плененным. Сядем же, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон!» Обожгло князю ум желание, и страсть изведать Дона великого оказалась сильнее знаменния. «Хочу, — сказал, — копье преломить о край поля Половецкого, с вами, русичи! Хочу голову свою сложить, либо испить шеломом из Дона!»¹³.

¹⁰ Буквально: «натянул ум своей силой».

¹¹ Ср.: «В приведенном словосочетании нельзя рассматривать форму “сердца” как родительный падеж неполного объекта» (*Мещерский, Бурыкин С. 444*). Но, вообще говоря, глаголы неполного действия с приставкой *по-* очень часто требуют прямого дополнения в родительном падеже, см. многочисленные примеры в *Срезневском*. В «Слове» далее: *да позримъ синего Дону*, пример такого же управления.

¹² Буквально: «Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что все его воины прикрыты от солнца тьмой». Наиболее вероятное толкование ситуации — солнце видно, но войско — под тенью (неполное затмение?).

¹³ Вариант перевода: А любо испить шеломом Дона. — А. Ч. Вариант маловероятен, было бы по крайней мере так: *а любо мьнь испити...* — А. Д.

...отъ старого Владимира до нынѣшняго Игоря...

Здесь очевидна модель традиционного библейского оборота, использованного до автора «Слова» составителем «Повести временных лет».

Старый Владимир дважды упоминается в «Слове», и кажется, что образ его двойся. В этом персонаже можно видеть и крестителя Руси Владимира Святославича, и усмирителя половцев Владимира Мономаха. Первую точку зрения отстаивал Д. С. Лихачев, вторую — Б. А. Рыбаков.

Как приверженец распространенного по всей ойкумене в конце XII в. «темного стиля» автор «Слова» вовсе не хочет быть стопроцентно понятным слушателю или читателю, он создает загадки, которые мы должны разгадывать и при этом ошибаться, поскольку поэт сознательно сбивает слушателя с толку, предлагая ему ложные решения. Древнерусский стихотворец играет не только поэтическим словом, но в некоторых случаях и именами князей (см., например, с. 209). Однако он сам и подсказывает верное решение поэтической головоломки: не упоминая о Рюрике, Вещем Олеге, Игоре Рюриковиче и Святославе Игоревиче, автор начинает с первого христианского государя Киевской Руси. Пока звучит текст, слушатель сам должен сообразить, что Владимир Мономах относится к четвертому от Владимира Святославича поколению, а в «Слове» говорится о двух князьях второго поколения и о четырех князьях третьего. Следовательно, «Старый Владимир» не есть Владимир Мономах.

Вот и скандинавские саги «Вальдемаром Старым» именуют только Владимира Святославича. (*Старый*, как разъяснила скандинавист Татьяна Джаксон, и значит *первый, начальней*.)

Владимир Мономах, впрочем, тоже появится в «Слове», только назовет его поэт «Владимиром, сыном Всеволода». Именно о Владимире Мономахе в летописи сказано, что он «пил золотым шлемом Дон» (*Ипат.* Стб. 716), и это его победоносный и легендарный поход 1111 г. столь неудачно спародировал весной 1185 г. Игорь Святославич. Запись о золотом шлеме Мономаха относится уже к началу XIII в. Это или цитата из «Слова», или цитата из некролога Владимира Мономаха, сохранившаяся лишь в некрологе его праправнука Романа Галицкого. Но в любом случае поход Игоря сопоставляется с походом Мономаха 1111 г. (Подробнее об этом см.: *Чернов.* С. 278.)

...иже истягну умь крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Этот фрагмент построен не на метафоре кузнечного дела, как в 1950 г. предположил И. Д. Тиунов (см.: *СССПИ*. Вып. 2. С. 167), но, как заметил еще А. С. Пушкин, на метафоре натягивания лука. Поясним и уточним: Игорь сначала стягивает «крепостью» свой ум (натягивает тетиву на лук или натягивает сам лук), после заостряет сердце мужеством (при натягивании лука пальцы держащей стрелу правой руки оказываются напротив сердца лучника), исполняется ратного духа (в основе метафоры — задержанное перед выстрелом дыхание) и наводит полки на землю Половецкую (лучник прицеливается).

После этого можно ожидать, что и сам поход будет стремительным, как полет стрелы (см. карту на с. 135 и реконструкцию маршрута: *Чернов*. С. 255 и след.). В. Н. Добровольский ссылался на «старинную» идиому *стянутый умь* — ум, устремленный к цели (*Добровольский В. Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии*. 1905. Вып. 3–4. С. 309; цитирую по: *Козырев 1975*. С. 81). В. Ф. Миллер и А. А. Потебня предлагали читать *и стягну*. Но в этом нет необходимости: *истягнути* — стянуть (церковная форма глагола).

Игорь вышел на половцев на Пасхальной неделе во вторник 23 апреля 1185 г. Это день его небесного покровителя Георгия Победоносца. По Ипатьевской летописи, в поход с Игорем отправились его брат Всеволод Трубчевский и Курский, племянник Святослав Ольгович из Рыльска, сын Владимир из Путивля. Ярослав Всеволодич Черниговский по просьбе Игоря дал ему, как сообщает летопись, «Ольстина Олексича, Прохорова внука с ковуями» (отрядом черниговских тюрков, которых еще называли берендеями). На девятый день похода 1 мая в 3 часа 25 минут по киевскому времени на берегу Донца Игорь увидел «солнце, стоящее, как месяц».

Замечательно описание этого затмения у Лаврентьевского летописца (цитирую в переводе): «В год 6694. Месяца мая в первый день, на память святого пророка Иеремии, в среду, под вечер было знаменье в солнце, и стало так темно, что людям можно было звезды увидеть, и в глазах зелено было, и солнце как бы в месяц превратилось, а из рогов его словно уголья

Поход Игоря и Всеволода Святославичей 23 апреля – 12 мая 1185 г.

Составил А. Чернов

- > Движение Игоревых войск
- ====> Движение половецких войск
- · · · · Граница Руси и Поля половецкого
- Место, где Игорь наблюдал солнечное затмение 1 мая 1185 г.

горящие исходили. Страшно видеть людям знамение Божие» (*Лавр.* Л. 134).

По Ипатьевской летописи, Игорь спросил у дружины, что может означать солнечное затмение, и получил ответ: «Не на добро это знамение». Игорь возразил: «Братья и дружина! Тайны Божией никто не знает, а знамению Бог творец, как и всему миру своему. А что нам сотворит Бог — на добро или на зло, то нам и увидеть».

Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступы, искусити Дону великаго.

Комментарий к этому месту Н. А. Мещерского и А. А. Буркина: «Фраза может быть понята трояко. 1) Разожгло¹⁴ князю ум желание (похоти), и жалость (страсть) ему знамение заступы. Это предложенное А. И. Соболевским и Р. О. Якобсоном толкование текста следует признать наиболее аргументированным и грамматически, и семантически. В таком случае “спала” — форма 3 лица единственного числа аориста от глагола “спалати”, “умъ” — прямое дополнение в винительном падеже единственного числа, “похоти” — сильное желание. 2) Пришло князю на ум желание: тогда “спала” — форма перфекта 3 лица единственного числа женского рода от глагола “спасти”: при слове “умъ” необходимо вставить предлог “на” (ср. словосочетание “всласть на ум”). 3) Н. М. Дылевский видит в “спала” существительное со значением “огонь”, сближая его с однокоренными образованиями в славянских языках (*Дылевский Н. М. “Спала князю умъ похоти” в “Слове о полку Игореве” // Стоянов Людмил. Исследования и статьи за творчеством му. София, 1961. С. 317–331*); “похоти” при этом прочтении — сказуемое в форме аориста 3 лица единственного числа от глагола “похытити” (с опиской¹⁵)» (*Мещерский, Буркин. С. 444*).

¹⁴ Буквально — «Сожгло князю ум желание и жажда ему заслонила знамение».

¹⁵ Безусловно, должно быть принято первое прочтение; *похоти и* — довольно стандартная описка вместо *похоть и* с дублированием *и* перед следующим *и*. Глагол *палати* неоднократно встречается в «Слове» с разными приставками.

Заступити/заступати

Преграждать путь (*брян., псков., смол.*). (*Козырев 1975. С. 79–80; 123–124*). См. ниже: *Солнце ему тьмою путь заступае...*; *Заступивь королеви путь...* В селах Карачевского района на Брянщине (далее — Карачев) говорят: *Щто ты мне путь зьступил, атайди!* (*Козырев 1975. С. 80*).

...конец поля Половецкаго...

Д. С. Лихачев «концом поля» считал ближний его край, но чешский славист Славомир Вольман (1952) заметил, что имеет в виду дальняя граница Поля Половецкого, поскольку тут же речь ведется о «великом Доне» (*ЭСПи. Т. 1. С. 229*)¹⁶.

Русичи/русичи

Мнение Д. С. Лихачева: «...форма эта — русичи — характерна для племенных названий, подчеркивающая происхождение от легендарного предка; радимичи — потомки легендарного Радима, вятичи — потомки легендарного Вятки. В названии же русичи подчеркивается просто, что они “одного деда внуки”, а дедом их назван Дажьбог. И в этом проявляется временная эстетизация, столь типичная для “Слова”» (*Лихачев. С. 58*).

В «Повести временных лет» говорится, что при Вещем Олеге в Киеве словене, чудь и русь прозвались Русью. Но византийский автор Псевдо-Симеон (конец X в.) пишет, что у росов был некий могущественный правитель Рос (имеется в виду Вещий Олег), от коего «росы получили свое имя». (*Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 115.*) Отсюда может происходить и известный лишь по «Слову» этноним *русичи*, то есть потомки Роса/Руся.

¹⁶ Здесь *конец* синтаксически, скорее всего, предлог, управляющий родительным падежом, со значением приблизительно «о, об, около» (ср. украинское *кінець стола* «у стола»), так что вряд ли осмысленным может быть вопрос о том, какой конец поля имеется в виду.

...а любо испити шеломомь Доу.

Здесь *любо* может читаться не только как союз «либо», но и как наречие «любо». Ср. со словами Святослава по Ипатьевской летописи (969 г.): *Не любо ми есть в Киевѣ жити, хочю жити в Переяславици в Дунаи, яко то есть среда земли моеи...* (Ипат. Стб. 55)¹⁷. Да и Всеслав Полоцкий в «Слове» кидает жребий *о дѣвицю себѣ лобу*.

¹⁷ Во фразе Святослава, во-первых, имеется глагол-связка, без которого наречие не может служить предикатом предложения: *есть*; во-вторых, определено, кому «не любо» (*ми* «мне»). Поэтому это правильная фраза раннедревнерусского языка. Ни того, ни другого нет в гипотетическом предложении из «Слова», поэтому при таком толковании это не может быть правильной фразой раннедревнерусского языка. Следовательно, здесь правильно читать *любо* именно как союз «либо».

1.3. О Боян, соловей старого времени! Когда бы ты эти рати воспел, скача соловьем по Мысленному Древу, летая умом под облаками, свивая славы свои вокруг сего времени, рыща тропой Трояна через поля на горы, так бы ты пел песнь Игорю, внуку того [Трояна]: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галки стаями летят к Дону великому!» Или так бы тебе петь, вещий Боян, Велесов правнук: «Кони ржут за Сулою. Звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новеграде. Стоят стяги в Путивле!»

О Бояне, соловію стараго времени...

Боян назван «соловьём старого времени». В Новгороде археологи обнаружили гусли середины XI столетия с вырезанным на них сбоку именем владельца: новгородского гусляра звали «Словиша».

...свивая славы обаполы сего времени...

Это «обаполы» обычно понимают как «с двух сторон», «по обе стороны». Такое чтение хорошо подтверждается примерами из древнерусских сочинений (см.: *СССПИ*. Вып. 4. С. 126), но сама конструкция «с двух сторон этого времени» современному человеку может показаться абсурдной. Однако, как показывает Д. С. Лихачев, средневековое представление о времени отлично от нашего. Мы отсчитываем время от себя, и для нас завтра «впереди», а вчера «сзади». Средневековый человек смотрел на время как бы со стороны. В «Слове», например, сказано, что князья хотят похитить «переднюю славу» и поделить славу «заднюю». Это показывает, что «передняя слава» — слава прошлого, а «задняя» — грядущая. Такое же употребление встречается в Ипатьевской летописи под 1146 г. (*Лихачев Д. С.* Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве» // *Известия Отделения литературы и языка АН СССР*. Т. VIII. 1949. Вып. 6. С. 552). В брянских говорах: *Самую заднюю убирають картошку, эта уш пасля усих, к синтибрю* (*Козырев 1976*. С. 98)¹⁸.

Представляется, что для перевода выражения «обаполы сего времени» лучше воспользоваться диалектным значением слова «обаполы», зафиксированным в «Словаре» В. И. Даля — вокруг.

Комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина: «автор, противопоставляя свой стиль Боянову, вместе с тем “свивает их” (славы, то есть свои хвалебные песни. — А. Ч.), вводя в текст извлечения из песен Бояна или намеренно меняя стилистическую окраску в подражание его слогу. По-видимому, сочетание разных стилей могло быть узаконенным художественным приемом. Ф. Петрарка в одном из своих сонетов (Parte I, XL, S'amore o Morte // *Petrarca Fr. Il canzoniere*. Milano, 1908. P. 57) говорит, что “ткет

¹⁸ Однако поговорка «задним умом крепок» — общерусская. — А. Ч.

новую ткань” (*tela novella*), сплетая “стиль новых и древнюю речь” (*lo stil de moderni e'l sermon prisco*). Глагол *сплетати* для обозначения поэтического творчества хорошо известен (отсюда наименование стилей: плетение словес, извитие словес) и обычен для средневековой поэзии» (*Мещерский, Бурыкин. С. 446*).

Мысленное Древо

М. Халанский и Н. В. Шарлемань предположили, что под «Мысленным Древом» надо понимать музыкальный инструмент Бояна (лютню или гусли). Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин пишут: «Выражение “мысленное дерево” может быть поставлено в связь с древнеанглийским *glēo-bēam* или *gamen-wudu* — “дерево веселья”, “дерево радости” и является, таким образом, заместительным словосочетанием для обозначения музыкального инструмента (см.: *Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 46*). В. Ф. Ржига, отмечая, что “растекаться мыслью по древу” означает поэтическое творчество, приводит параллель из скальдической поэзии, где выражение “дерево песен, покрытое листвою славы”, обозначает поэтическое произведение (*Ржига В. Ф. “Мысленное дерево” в “Слове о полку Игореве” // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1943. С. 111*). Цитируемый текст принадлежит Эгилю Скаллагримсону — одному из самых известных скальдов» (*Мещерский, Бурыкин. С. 445*).

Такое отождествление может быть лишь вторичным, поскольку Мировое Древо — известная всем народам мира древнейшая модель Вселенной. В. Н. Топоров в первом томе энциклопедии «Мифы народов мира» (М., 1980. С. 398) пишет: «При членении Древа мирового по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) части».

При этом с верхней частью связываются птицы (часто именно орел), со средней — копытные, изредка пчелы, а в более поздних традициях и человек, с нижней частью — змеи, лягушки, мыши, бобры, рыбы, иногда медведь или фантастические чудовища хтонического типа.

До нас не дошли сколько-нибудь подробные описания славянского варианта Мирового Древа, поэтому воспользуемся скандинавской его моделью и для начала процитируем (с некоторыми

сокращениями) автора электронной мифологической энциклопедии (www.mythology.narod.ru) А. Александрову:

«Иггдрасиль (др.-исл. Iggrasill), в скандинавской мифологии Древо Мировое — гигантский ясень, являющийся структурной основой мира, древо жизни и судьбы. Иггдрасиль определяет “вертикальную проекцию” пространственной модели мира скандинавской мифологии, соединяя различные миры (небо, землю, подземный мир).

Иггдрасиль покрыт медвяной влагой, и поедающая его листья коза Хейдрун питает неиссякаемым медвяным молоком павших в бою воинов (эйнхериев) в Вальхалле. Как вечнозеленое древо жизни Иггдрасиль пропитан живительным священным медом поэзии.

На вершине Иггдрасиля сидит мудрый орел, а между его глазами — ястреб Ведрфельнир (“Полинявший от непогоды”), корни Иггдрасиля гложут дракон Нидхёгг и змеи. Перебранку между орлом и драконом переносит снующая по стволу белка Рататоск (“Грызозуб”) — своеобразный посредник между “верхом” и “низом”. На среднем уровне четыре оленя щиплют листья Иггдрасиля. Кроме того, олень Эйктюрмир (“С дубовыми кончиками рогов”) и коза Хейдрун едят его листья, стоя на крыше Вальхаллы. Три корня Иггдрасиля простираются, согласно “Старшей Эдде”, в царство мертвых, к великанам и людям».

Мнение Д. С. Лихачева: «По-видимому, все же правы А. Н. Майков (“Слово о полку Игореве”. Несколько предварительных замечаний об этом памятнике // “Заря”, 1870, январь. С. 127) и А. А. Потебня (Малорусская народная песня по списку XVI в. // В кн.: Слово о полку Игореве. Текст и примечания. Изд. 2-е. Харьков. С. 229), что в “Слове” в некоторых случаях упоминается языческое дерево жизни, притом неизменно сочувствующее русским» (Лихачев. С. 51).

Заметим, что древнерусский поэт рисует принципиально отличную картину Древа, лишь формально сохраняя три яруса его вертикального членения (крона — ствол — корни). На самом деле Нижний мир (с корнями Древа и драконом) в модели автора «Слова» отсутствует. Под пером поэта-христианина Древо трансформируется, и вместо Нижнего мира мы видим земной мир (его эмблема в «Слове» — рыскающий волк), а Срединный мир (ствол Древа) становится исключительно миром мысли, песнотворчества, миром «соловья Бояна». При этом «Древо» названо

«Мысленным» (воображаемым), и, следовательно, для автора XII столетия оно не мировоззренческая идеологема, а поэтическая реальность. Поэтому автор и предпочитает оговориться, что речь всего лишь о метафоре, связанной к тому же с языческой архаикой. Известно, впрочем, что после укоренения христианства на севере Европы с конца XII или начала XIII в. языческие мифологемы на некоторое время перестали восприниматься как антихристианские и вместе с древними богами перешли в разряд метафор. Очевидно, что-то подобное происходило и на Руси¹⁹.

...рища въ тропу Трояню чресь поля на горы. Пѣти было пѣсь Игоревн, того внуку...

По наблюдению А. В. Дыбо, «того внуку» синтаксически соотносится с именем Трояна. Это значит, что метафорически Игорь, имеющий претензии на лавры государя-завоевателя, — правнук Трояна (как Боян — правнук Велеса). В обоих случаях Троян и Велес воспринимаются автором как обожествленные персонажи древних времен.

О Трояне исследователи спорят уже два века. Первоиздатель писали: «Кто сей Троян, догадаться ни по чему не возможно». В 1816 г. Н. М. Карамзин предположил, что речь идет о римском императоре конца I — начала II в. н. э. Траяне, который, построив мост через Дунай, завоевал даков и возвел в западном Причерноморье знаменитые Траяновы валы.

Однако в «Хождении Богородицы по мукам» (XII в.) о язычниках-славянах говорится: *Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша*. Того же мнения и автор XVI в. (цитирую в переводе): «...возомнили многих богами, Перуна и Хорса, Дья и Трояна, и иных многих, которые были старейшинами: Перун в греках, Хорс на Кипре, Троян был царь в Риме» (см.: *СССПИ*. Вып. 6. С. 58; *ЭСИИ*. Т. 5. С. 131–137).

Можно согласиться с анонимными древнерусскими книжниками: мало того, что императором Траяном славяне должны были

¹⁹ Образ «Мысленного Древа» может восходить и к христианской образованности автора «Слова» (см.: *СССПИ*. Вып. 3. С. 123). Ср. такие выражения, как *грозд мысленной лозы и древо разумное* (Григорий Назианзин), или *купина умная, неопально горящая*, — из ирмоса на Рождество Богородицы.

пугать детей, он еще и оставил после себя огромные валы, закрывшие Римскую империю с востока и вплотную подошедшие к территории тогдашнего расселения славян. Поэтому вполне естественен провинциальный культ Траяна, его обожествление и некая связь с ограничением территории (и вообще с землей, как это следует из «Слова»). Троян четырежды упоминается в памятнике: 1) тропа Трояна; 2) века Трояна; 3) земля Трояна (Причерноморье); 4) седьмой век Трояна (время, когда Всеслав Полоцкий «бросает жребий» на предмет овладения «полюбившейся ему девој», то есть Киевом). Считается, что с хронологической точки зрения в последнем примере не все ладно (от Всеслава до римского Траяна десять веков, а не семь), но по-древнерусски век — это не сто, а тысяча лет. Впрочем, представляется, что прав Д. С. Лихачев, и эпитет «седьмой» здесь означает «последний», то есть имеется в виду — на исходе языческой Руси. При том, вероятно, главной для автора «Слова» была именно ассоциация бога Трояна с землей: дело в том, что числительное 7 в древнерусской письменной традиции записывалось буквой «З» (земля), а игра на буквенном значении цифр вообще характерна для этого текста. (См. комментарий на с. 181 к *...пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: половци идутъ отъ Дона...*).

Мнение Б. А. Рыбакова: «Резкое возрастание количества римских денариев, зарытых в Среднем Поднепровье, наблюдается именно с императора Траяна. Огромная империя Траяна и постоянные войны в Европе и Азии требовали непрерывного пополнения продовольственных запасов; среднеднепровский рынок хлеба был важным элементом в экономическом балансе империи. Высокий уровень притока серебра держится в лесостепи несколько веков вплоть до гуннского нашествия. Это объясняет нам, почему автор “Слова о полку Игореве” упоминает “Трояновы века” как счастливую эпоху славянского прошлого. <...> Очевидно, эпическая память восточных славян сохранила и имя Траяна, и воспоминание о благоденствии в последующие века (до трагического “времени Бусова”, т. е. до конца IV в. н. э.)» (Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987).

Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин: «Наиболее правдоподобным представляется мнение И. В. Ягича, согласно которому Троян “Слова” — это результат наложения воспоминаний об императоре Траяне на народные представления о божестве Трояне (*Jagič V. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. Zagreb, 1867.*

Кн. 1. С. 99). Текст сербских народных преданий о короле Трояне, передвигавшемся на большие расстояния ночью до петухов, чтобы не быть застигнутым солнцем, близок легенде о Всеславе Полоцком, на что обратил внимание уже Ф. И. Буслаев (*Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Русская народная поэзия. СПб., 1861. Т. 1. С. 385–391*). На основании того, что в южнославянских легендах о Трояне встречаются змеборческие мотивы, можно думать, что Троян как божество древних славян восходит к иранскому пантеону, где ему соответствует Траэтаона — победитель дракона (*Топоров В. Н. Траэтаона // Мифы народов мира. Т. 2. С. 523–524*). Параллели к иранским мифам о Траэтаоне имеются в скифской мифологии (*Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 81–86, 128*)» (*Мещерский, Бурькин. С. 446*).

Тропа Трояна

Б. А. Рыбаков (*Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 434–436*) со ссылкой на А. С. Орлова (*Слово о полку Игореве. М.; Л. 1938. С. 92–93*) указывает, что дорога императора Траяна дважды упоминается в византийских источниках в связи со славянами — у Феофилакта Симокатты (начало VII в.) и во всемирной хронике Феофана Исповедника (родился около 760 г.), охватывающей с 284 по 814 г.

У Симокатты речь, в частности, идет и о «тропе Трояна» (заметим, что в подлиннике употреблено именно родственное русскому слово *ατραλός* — тропа²⁰): «Коментиол, как будто пробудившись от какого-то долгого сна, решил избавиться от болезни. Поэтому он отправился в Новы и, желая пройти так называемой *Траяновой военной дорогой*, собрал там некоторых из местных жителей и потребовал, чтобы они дали проводника; он торопился провести зиму в Византии. Местные жители отсоветовали Коментиолу идти *этой тропой*. Придя в гнев, двоих из тех, которые ему это говорили, он велел казнить. Тогда жители Нов сказали Коментиолу, что нет у них человека, который смог бы показать ему этот путь, но что за двенадцать миль отсюда остался еще глубокий старик ста двух лет от роду; они утверждали, что он знает военную дорогу

²⁰ См.: *Фасмер. Т. 4. С. 105.*

императора Траяна. (См.: *Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957. С. 178–179.)

Император Траян строил не только оборонительные валы, но и военные дороги. Эта дорога Траяна, как отмечают историки, проходила по территории нынешней Болгарии с севера на юг и вела из Паластола (город на Дунае близ городка Байкала) через римскую крепость Мелту (ныне Ловеч), Диоклетианополь (Хисаря) к Филиппополю (Пловдив)²¹.

Открыв «Атлас мира», можно убедиться, что двухсоткилометровая трасса и впрямь переваливала через Гем (Северные Балканы) по *Троянскому перевалу* (название это на географических картах дожило до наших дней).

Частично сохранилась и сама дорога Траяна. Чуть северней Троянского перевала на ней расположен городок Троян, где туристам показывают руины римской крепости. А поскольку известный славянам путь в Византию вел по проложенной Траяном военной дороге через горный хребет, понятно, почему в «Слове» сказано, что Боян «рыскал во тропу Трояна через поля на горы». Недаром же и столетний старик, на рубеже VI и VII вв. знающий дорогу Траяна, живет близ селения со славянским названием Новы. При этом местные жители (очевидно, также славяне) называют военную дорогу Траяна «тропой». Это вполне естественно, ведь речь идет о тропе через горы, а главные перевалы на Балканах — Шипкинский, Вратник и Троянский (последний находится всего в пятидесяти километрах западней Шипки).

Упоминание о тропе Трояна в контексте выступления Игоря в поход говорит о том, что автору «Слова» были известны какие-то песни Бояна, в которых речь шла о славянских походах на Византию середины I тысячелетия или о походах Святослава Игоревича. И потому идущий за Шеломя «тропой Трояна» (сейчас бы сказали *тропой войны*) Игорь Святославич (еще один исторический перевертыш «Слова») поименован «того <Трояна> внуком». В варианте Бояна фраза Игоря *любо испити шеломомь Дону* должна была бы относиться к Святославу и звучать *любо испити шеломомь Дунаю*. При этом под Шеломенем Боян должен был бы иметь в виду Стару-Планину — вытянувшийся в виде разогнутой

²¹ Некоторые историки полагают, что труднейший участок этой Трояновой дороги (через Гем) проходил по наиболее высокому перевалу к долине Струмы. Однако Струма находится западнее, а здесь течет река Стряма. — А. Ч.

подковы пятисоткилометровый хребет в северной части Балкан, который и отделял славян от Византии (о Шеломене в «Слове» см.: Чернов. С. 267).

**Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици ста-
ды бѣжать къ дону великому...**

Первый вариант припевки, приписываемой автором Бояну, весьма двусмыслен: можно понять, что «галки» — половцы, а можно — что полки Игоря не соколы, а галки. Вторая припевка сочинена самим автором «Слова», поскольку это Игорь пошел в поход из Новгорода-Северского, а его сын Владимир из Путивля. В этом контексте и упоминание о звенящей в Киеве славе также относится к обстоятельствам похода Игоря: в 1183 г. он уклонился от участия в общерусском походе на Поле Половецкое, организованном его двоюродным братом Святославом Киевским.

Велес/Волос

Древнерусский бог скота и богатства. Волосом, «скотым богом», клянутся при заключении договора с греками Олеговы дружинники в 907 г. и воины Святослава в 971 г. Имя Велеса встречается в одном из списков «Хождения Богородицы по мукам» (XII–XIII вв.), где сказано, что язычники *Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша*. В «Житии Авраамия Ростовского» говорится, что в Ростове старец разрушил каменный идол Велеса.

Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров реконструировали миф, лежащий в основании культур многих, в том числе и индоевропейских народов (см. их работу: «Исследования в области славянских древностей», М., 1974.). Они назвали его «основным мифом». Согласно основному мифу, бог неба раз в год поражает огненной стрелой выползшего на камень змееподобного бога земли. И после этого начинается очистительный дождь.

Христианство вытеснило этот мифологический сюжет праздником Преображения Господня. Отмечается он 6 августа по старому (19 августа по новому) стилю. Известно, что на Дунае в этот день у славян было принято устраивать охоту на змей. Наши предки считали, что, семь лет пролежав под гнилой колодой, змея, которую за то и звали подкольной, в день Преображения выползает на бел-горюч камень и оборачивается мифологическим змием.

Еще в 1884 г. Е. В. Барсов приводил русские топонимы, связанные с культом Велеса: Велесово — село во Владимирской губернии, Велесово ребро — возвышенность в Ярославской губернии.

В Киеве идол Велеса, как полагают, стоял отдельно от всего языческого пантеона, на Подоле. Известно и чешское проклятие XV в.: «к Велесу за море» (пожелание смерти).

В славянском варианте основного мифа бог Верхнего мира — Перун, а бог Нижнего мира — Велес. Космографические представления новгородских словен, как полагал археолог Г. С. Лебедев (см. его монографию «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси», СПб., 2005), и сегодня живы в топонимике реки Волхов, которая начинается с Перыни (первая возвышенность при истоке, где некогда существовало капище Перуна), а заканчивается деревушкой Велешей (в VIII–X вв. это последняя возвышенность Волхова на тогдашнем берегу Ладожского озера в двух километрах ниже Старой Ладоги). И сам Волхов, как предположил историк Д. А. Мачинский, должен был делиться порогами на «Верхнюю» и «Нижнюю» реку. От финского названия «Алоде-йоки» (Нижняя река) пошло и скандинавское (Альдегья), и русское имя города Ладоги, ставшего с приходом сюда Рюрика первой столицей Руси. Позже и озеро Нево (по городу) получило имя Ладожского. Любопытно, что скандинавские саги называют Нижнее Поволховье «Ормаландом» (Страной Змей). В конце 1990-х гг. выяснилось, что и сегодня жители крохотной деревни Велеша помнят, кто такой «Велес». Они называют его «Велеш» (*так!*) и полагают, что это имя жившего здесь в древности рыбака или бога (см.: Чернов А. Из Ладоги с любовью // Terra incognita. srb.ru. 2003. № 1. С. 4–14). Видимо, на месте деревеньки некогда существовало капище Велеса. Между этим местом и Старой Ладогой находится и погребальное урочище «Сопки» с известной по новгородским летописям «Олеговой могилой» (согласно северной летописной традиции, Вещий Олег погиб от укуса змеи близ Ладоги). А в Георгиевской церкви Старой Ладоги сохранилась фреска (80-е гг. XII в.), на которой Георгий едет с флажком, а Змея-Велеса, выползающего из реки, ведет на убрусе (пояске) дева Елисава.

Т. А. Бернштам так объясняет вариантность имен Велес/Волос: «Велеса через его прибалтийские “водные” корни можно более соотнести с северо-западными (приморскими и озерными) землями к водным культам... Волос... является персонификацией

лесного культа... поскольку имя Волос приписывается и архаическому “хозяину” поволжских лесов в облике медведя (так называемый “медвежий культ”), и более позднему идолу и злему духу лесных пастбищ Ростово-Ярославского края» (*Бернштам Т. А.* «Слово» об оппозиции Перун–Велес/Волос и скотьих богах Руси // Канун. Вып. 2. СПб., 1996. С. 104–105). Далее автор поясняет, что эпитет «скотий» в летописном выражении «скотий бог» означает не только бога домашнего скота, но и бога «лесного скота» — диких зверей. (В «Слове» это подтверждается обращением Бояна в волка.)

Христианским заместителем Велеса, по народным поверьям, становится святой Георгий. И это вполне объяснимо той же старолadoжской фреской: победитель Змея-Велеса должен был наследовать и его функции.

Уже после выхода статьи Т. А. Бернштам в Новгороде в слое XII в. археологами найдена металлическая ручка от сосуда, выполненная в виде раскрывшего пасть змея. А на загравке змея пристроился медвежонок. Совмещение образов змея и медведя С. Л. Николаев обнаружил и в финно-угорских языках: «гондыр» на языке коми — многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей, а удмуртское «гондыр» — медведь.

Можно допустить, что Волос был богом лесных кривичей, а Велес — богом ильменских словен, переселившихся в VII–VIII вв. из Польского Поморья в нижнее Поволховье и основавших в устье Волхова напротив Велеша каменно-земляную крепость Любшу, открытую в 1997 г. археологом Евгением Рябининым (*Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 196).

А. В. Дыбо полагает, что *Волосъ* и *Велесъ* — разные диалектные рефлексy одного и того же слова, **velsъ*²². Однако в одних славянских диалектах бог Нижнего царства мог быть медведем (скажем, у живших в лесах кривичей), а в других — змеем (у словен, которые активно контактировали со скандинавской культурой и сами были мореходами). Видимо, не случайно в «Повести временных лет» форма *Велесъ* не встречается (только *Волосъ*): для христианского книжника Велес из-за своей змеиной природы

²² См. о возможности разного отражения полногласных сочетаний в различных древнерусских диалектах в работе: *ДНД*. С. 39–40.

должен был ассоциироваться с библейским змием. И потому его появление в договоре Олега и Игоря с греками было крайне нежелательно.

Д. С. Лихачев пишет:

«Как показал Е. В. Аничков, в Древней Руси существовало два взгляда на происхождение языческих богов. Согласно первому взгляду, языческие боги — это бесы. Взгляд этот опирался на Библию, высказывания апостолов и отцов церкви. Языческие боги названы бесами во Второзаконии (82: 16–17), в Псалмах (105: 37), у апостола Павла (1-е Послание к Коринфянам, 10: 20). Взгляд этот усвоен был нашей древнейшей летописью в рассказе о варягах-мучениках и о крещении Руси, в рассказе летописи под 1067 г. и т. д. Этот взгляд требовал умолчания имен богов, упоминание которых считалось греховным. Е. В. Аничков обращает внимание на учение Иисуса Навина — “не вспоминайте имени богов их” (Иисус Навин, 23: 7) — и на слова псалма “не упомяну имен их устами моими” (15: 4), которые объясняют нежелание древнерусских книжников называть имена древнерусских богов и даже особую формулу древнерусских поучений, отмечающих, вслед за рано переведенной в славянской письменности проповедью Ефрема Сирина против вновь впадающих в язычество, что о последнем “срам” говорить.

Этот древнейший взгляд на язычество, как отмечает Е. В. Аничков, по мере успехов борьбы с язычеством сменяется более спокойным к нему отношением. Развивается второй взгляд на язычество: языческие боги не заключают в себе ничего сверхъестественного. Боги — это простые люди, которых потом обоготворило потомство. Еще в “Речи философа” сказано, что люди творили кумиры “во имяна мертвых человек, овем, бывшим царем, другом храбрым и вольхвом, и женам прелюбодейцам”» (Лихачев. С. 25–28).

Называя Бояна «внуком Велеса», автор «Слова» трактует Велеса как родоначальника поэтов. В этом вновь нетрудно усмотреть опосредованную связь с «медом поэзии» скандинавского ясеня Иггдрасиль (напомним, что скандинавский мировой змей живет в корнях Иггдрасиля). Для автора «Слова» Велес с соблазненным Еву библейским змием напрямую не связан. Велес — это обожествленный предок. Вероятно, Боян сам называл себя внуком Велеса, и автор «Слова» знает это из песен Бояна, которые бытовали в дружинной среде по крайней мере

несколько поколений. В этом случае Велес автора «Слова» родом из Подунавья²³.

Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубить въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ.

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин пишут: «Сула — пограничная река, отделявшая русские земли от территории постоянных кочевий половцев. Возможно, этот запев в манере Бояна следует понимать так: “Кони русских воинов ржут за Сулой — весть о победах достигла Киева”. То, что здесь упомянут Киев, указывает на конец речений, имитирующих манеру Бояна, и на начало повествования о походе Игоря. Эта фраза не принадлежит к собственно авторской речи “Слова”, так как Киев не играл никакой роли в организации похода» (*Мещерский, Бурькин. С. 447*).

Комментарий Д. С. Лихачева: «Едва только вражеские кони появились за пограничной рекой Сулой, как слава о русской победе над врагами уже звенит в Киеве. Едва только трубы затрубили в Новгороде-Северском, созывая войска, как войско (“стязи”) уже собралось в Путивле (южный пункт Новгород-Северского княжества, откуда новгород-северские войска выступали против половцев)» (*Лихачев. С. 205*).

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин считают, что Бояну принадлежит лишь первая фраза пассажа. Однако текст «Слова» наверняка был рассчитан на устное воспроизведение (как, впрочем, и большинство древнерусских текстов). Кавычки же в устной речи можно поставить только одним способом — указанием на то, кто произнес данные слова. (Собственно говоря, Автор так и поступает, когда ему это нужно.) Из чего же следует, что фраза о Киеве «не принадлежит собственно авторской речи»? Справедливо, что Киев не принимал участия в подготовке тайного похода Игоря и Всеволода на половцев, поскольку поход 1185 г., в частности, и был вызовом, брошенным Святославу Киевскому, но смысл всей

²³ Возможность «южного» происхождения Велеса при «северном» Волосе неплохо согласуется с фактом совпадения древнего *eIT > *oIT в восточно-славянских диалектах (ср. рус. *молоко* и *болото* при южно- и западно-слав. *млько* и *блато*). Интересно было бы попытаться связать распределение рефлексов этого имени по славянским диалектам с распределением названий мифического племени великанов *велет/волот* (см. о них: *Фасмер. Т. 1. С. 288, 344*).

«припевки Бояна» в другом, и для того чтобы понять это *другое*, необходимо переключиться с логики привычного нам формально-логического мышления на логику поэтическую. Сделать это не так уж и трудно, надо только держать в уме летописную ситуацию 1185 г. и условия авторской игры: «Или так бы ты пел, Боян, Игорю...» При том, что данную припевку автор «Слова» сочиняет за Бояна (а поэтически — вместе с Бояном), комментированный перевод должен быть примерно таким: половецкие кони (кони Кончака) уже перед Сулой, но слава прошлогоднего похода еще не отзвенела в Киеве (и кружит победителям голову), а при этом Игорь созывает полки в Новгороде-Северском, и полки его сына Владимира уже стоят в Путивле.

Древнерусский поэт рисует страшную картину неминуемой трагедии тем стилем, который в XX в. был назван телеграфным. И начало следующей песни («Игорь ждет милого брата Всеволода, и молвил ему Буй Тур Всеволод...») — только продолжение мнимой цитаты из Бояна²⁴.

²⁴ Очень смелое рассуждение. Скорее его можно рассматривать как сделанный с точки зрения современности исторический комментарий к тексту, но не толкование текста. На будущее неудачное для героя повествования развитие событий автор «Слова» разве что иронически намекает, приписывая Бояну «ура-патриотический» текст.

ВТОРАЯ ПЕСНЬ

2. 1. Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый, — ты, Игорь, а оба мы — Святославичи! Седлай, брат, своих борзых коней, а мои-то уже готовы, оседланы перед Курском. А птенчики мои куряне — бывалые воины: под трубами запеленуты, под шеломами взлелеяны, с конца копыя вскормлены. Пути им ведомы, овраги им известны, луки их натянуты, колчаны раскрыты, сабли наточены. А сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы.

Перейдя Донец, войска Игоря подошли к Осколу, где два дня ждали идущего из Курска Всеволода Святославича.

Всеволод (ок. 1155–1196) — родной брат Игоря, князь трубчевский и курский. Ипатьевская летопись сообщает, что он был *во Олговичехъ всихъ удалъе, рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ, и всею добротою и можьственною доблестью, и любовь имъяше ко всимъ* (Ипат. Стб. 696). Эпитет Всеволода — *Буй Туръ* (Могучий дикий бык). Туры водились на Руси до середины XVII в. Ипатьевский летописец сообщает, что Игорь взял с собой *брата Всеволода ис Трубечка*, но после, надо думать, под влиянием «Слова» уточняет: «Всеволод шел иным путем из Курска» (Стб. 638). В двойном эпитете князя заключена анаграмма обоих его городов: *БУИ ТУР — ТРУБечь — КУРЬскъ*.

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя.

Поэтическая логика этого богато аллитерированного монолога Буй Тура (Яр Тура) Всеволода на прозаический язык может быть переведена примерно так: «Солнце насылает на нас тьму, но для меня есть один свет — ты, светлый Игорь, а мы оба — Святославичи». Другими словами, Всеволод кидает вызов Солнцу. И далее будет сказано, что перед битвой с моря пойдут тучи, желая «прикрыть четыре солнца» (четырёх русских князей, участников похода), а в третий день битвы «два солнца (Игорь и Всеволод) померкнут...», и для Игоря «ослабеет свет солнца». В своем монологе Всеволод опирается на две весьма прозрачные реминисценции: 1) крестителя Руси Владимира Святославича называли Владимиром Красное Солнышко (надо думать, прозвище появилось потому, что он первым стал печатать на Руси золотую монету со своим на ней изображением); 2) во время литургии священник произносит формулу приглашения к причастию: *Святая святым!* и в ответ хор общины поет: *Един свят, Един Господь Иисус Христос...*

Принято считать, что ответом *Един Свят...* верующие исповедуют, что никто из людей сам не может быть святым, что только Господь может сделать человека причастным своей святости. Пародийным парафразом этого и звучат начальные слова монолога Всеволода: *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ — свѣтлыи ты, Игорю! Оба есвѣ — Святъславличя!..* (И, вероятно, не случайно формула

священника и формула хора здесь переставлены.) Не только выше Солнца, но и выше самого Иисуса Христа в ратной своей гордыне ставит Всеволод брата (да и самого себя). За такой вызов оба князя заплатят страшную цену.

...а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди...

В Ипатьевской летописи многократно встречается выражение «ездить напереди» — быть в разведке (в сторожевом полку) или идти в авангарде. Вероятно, Всеволод говорит не о том, что его воины готовились к походу загодя, а о том, что они постоянно сторожат восточные рубежи северских земель. В. А. Козырев отмечает, что современным русским народным говорам «напереди» в значении «прежде, заранее» не известно (*Козырев 1975. С. 131*). Однако заметим, что есть русское выражение «знать наперед» (о «передних» и «задних» временах см. на с. 238).

...а мои ти Куряне свѣдоми къмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломи възмелѣяны, конецъ копія²⁵ въскръмлени...

Интересную старофранцузскую параллель к заключительной части монолога Всеволода обнаружил А. Д. Михайлов в пергаменном кодексе второй половины XIII столетия (F. Fg. 837 (апс. 7218) Парижской национальной библиотеки). Кодекс содержит лишь стихотворные произведения. В одном из стихотворений, озаглавленном «Une branche d'armes?», читаем: «Кто юноша-рыцарь? Тот, кто под мечом был рожден, и среди шлемов молоком вспоен, и в собственном щите взлелеян, и мясом льва вскормлен, и средь страшного грома убаюкан...» Исследователь отмечает, что все стихотворение не лишено пародийной окраски. (Подробнее см. сб.: Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 87.) Впрочем, еще Н. А. Мещерский нашел параллель к этому месту «Слова» в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: римляне *яко родившеся с оружием, николи отлучаются ихъ* (*Мещерский, Бурькин. С. 448.*)

Заметим, что и в этой части речь Всеволода иронична: *куряне* — жители Курьска, но существовало и слово *куря* — птенец,

²⁵ *Конец копья* — «с копья», т. е. такой же предлог, как в случае *конец поля*.

птичка (см.: Белова О. В. Славянский бестиарий. М., 2000. С. 154). В переводе на прозаический: «А мой-то курские птенчики — опытные воины...»²⁶.

Замечательно и упоминание Всеволода о том, что для его курян «пути ведомы, яруги знаемы». Яруги — овраги, но в степи это балки (зачастую поросшие лесом). На всхолмленной местности южного Подонцовья передвигаться всего удобнее вдоль берегов сухих балок, и тот, кто знает расположение яруг, знает Поле.

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин: «Къмети — отборные воины. Слово это известно в древнерусских памятниках, однако первые издатели не поняли и, неверно разделив текст на слова (“къ мети”), дали перевод: “в цель стрелять знаючи”. На их ошибку вскоре указал Н. М. Карамзин. В первом издании своей “Истории Государства Российского” он повторил мусин-пушкинский текст “Слова” и отразил это в своем пересказе, но уже два года спустя (1818) во втором издании он исправил текст цитаты из “Слова” и оговорил: “къметями назывались слуги и дружина” (*Карамзин Н. М. История Государства Российского: 2-е изд. СПб., 1818. Т. 3. С. 219–220; примеч. 263, 272. См.: Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и “Слово о полку Игореве” // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 48–49*)» (*Мещерский, Бурькин. С. 447*).

...луци у нихъ напряжени, тули отворени...

Н. А. Мещерскому принадлежит такое наблюдение: «Обычно в качестве параллели к этому месту приводят место из “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия: “лукъ напряжень” (Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и др.). В более исправном тексте

²⁶ *Куря* — прежде всего «детеныш курицы, цыпленок», второе значение — «взрослая курица или петух» (так в словарях: *Срезневский. Т. 1. С. 1380; Слов. XI–XVII. Вып. 8. С. 142–143*). При том, что от *куря* форма множественного числа — *курята*, вряд ли ассоциация с *куряне* — принадлежность сознания автора «Слова», а не современного интерпретатора — А. Д. «Темный стиль» устроен так же, как буквы-инициалы в древнерусских книгах: ассоциация не требует точного совпадения контура, для нее достаточно лишь графического намека. Однако в каждой загадке, даже самой замысловатой, должна быть заключена и подсказка. В данном случае это парадоксальное и смеховое сближение *курян-курят* со словом *кмети* (в брянских говорах и сегодня *кметьё* — опытные, сметливые люди, см.: *Козырев 1976. С. 98; по Далю кметь* — земский воин, ратник). — А. Ч.

хронографической редакции в данном месте читается: “лукъ съпряженъ”, что оправдывается окружением целого — иудеи говорят о бессилии сопротивляться римлянам. Следовательно, данное место может приводиться как параллель только к словосочетанию “луци съпряже” в плаче Ярославны» (*Мещерский Н. А. Из наблюдений над текстом «Слова о полку Игореве» // Вестник Ленинградского государственного университета. 1976. № 14, вып. 3. С. 85–86*).

...сами скачють, акы сърыи вльци, въ полѣ ищучи себе чти, а Князю славъ.

Ю. М. Лотман писал: «Честь подразумевает материальную награду (или подарок), являющуюся знаком определенных отношений. “Слава” подразумевает отсутствие материального знака. Она невещественна и поэтому в идеях феодального общества — более ценна» (*Лотман Ю. М. Об оппозициях «честь», «слава» в светских текстах Киевского периода // Ученые записки Тартуского университета. 1967. Вып. 19. С. 105*). Однако сошлюсь на мнение, высказанное в Изборнике Святослава (1076 г.): «Слава человеку от чести отца его». В Ипатьевской летописи под 1231 г.: «не погубим чести князя своего» (*Ипат. Стб. 765*). Эффектный вывод Ю. М. Лотмана страдает некорректностью и в отношении текста «Слова». Если бы все было так, то Игорь с Всеволодом не сказали бы друг другу перед походом, мол, прошлую славу сами *похитим*, а грядущую сами *поделим*, и Святослав Киевский не смог бы упрекнуть Игоря и Всеволода в том, что они *нечестно* задумали одолеть врага и «нечестно проливали кровь поганых». Разумеется, дружинники безымянны и «славу» добывают своему князю. Они составляют основу военной касты, и их привычное дело — искать себе пропитание («материальные знаки») в тех кампаниях, которые справедливо называются «захватническими войнами». Но тем же самым, только в несравнимо больших масштабах, во время военных походов или мирного сбора дани озабочены и их князья. Поэтому «честь» столь же материальна, сколь и слава зависима от подтверждающих и обеспечивающих ее «материальных знаков». В противном случае при феодальном устройстве общества были бы просто невозможны никакие оборонительные действия: защищая от врага свой город, те же дружинники дерутся вовсе не за звонкую монету, но за жизнь и честь своих соплеменников.

Слава — всеобщее признание заслуг, людская молва, а честь — понятие прежде всего внутреннее, нравственное (и потому по самой своей природе в довеске славы не нуждающееся). Именно поэтому честь нематериальна и не требует овеществления. А «слава» может превратиться в «похвальбу», как это произошло с Борисом Вячеславичем, которого «слава на <Божий> суд привела», или с Олегом Гориславичем, чья громкая слава основана на том зле, которое этот князь принес Руси.

2.2. Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь преграждало, ночь стонала ему грозою, птицы свистом зверей пробудили. Но взвился Див, кличет на вершине Древа, велит прислушаться земле неведомой — Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский истукан. А половцы непроторенными дорогами побежали к Дону великому. Скрипят их телеги в полночи, точно лебеди подпущенные. Игорь к Дону войско ведет. Уже птицы по дубравам стерегут его беды²⁷, волки грозу бережат по оврагам, орлы клекотом на кости зверей созывают, лисицы лают на алые щиты. О Русская земля! Ты уже за Шеломенем! Долго ночь гаснет. Заря свет зажгла. Туман поля покрыл. Щебет соловьев уснул. Говор галок пробудился. Русичи перегородили широкие поля алыми щитами, ища себе чести, а князю славы.

²⁷ *Игорь къ дону вои ведетъ уже бо бѣды его пасеть птиць подобію.* Обычная конъектура *по дубію* (подразумевается, таким образом, потеря переписчиком хвостов ука: Ѣ > о) требует перевода, приведенного выше. При этом он вызывает определенные сомнения: а) в древнерусском у *пасті* нет значения «стеречь с дурными намерениями», только «оберегать» и «запасать»; б) при *пасті* «оберегать» прямой объект должен быть одушевленным, а «запасать» здесь странно семантически. Возможно, следует читать *птиць по подобію*. Тогда перевод может быть: «Вот уже от урона оберегает (или руководит) его (войско) как детей» (что, конечно, в данном контексте возможно только в качестве сарказма).

Тогда выступи Игорь князь въ златъ стремянь...

Как указывают многие комментаторы, эпитет «золотой» — атрибут княжеской власти. Далее последуют «золотой шлем» Буй Тура Всеволода, «Золотое слово» Святослава Киевского, пятикратно «золотой (и один раз златокованный) престол», «золотое седло», «златоверхий терем», «золотое ожерелие». Но обратим внимание на то, что дважды этот высокий эпитет будет снижен: «золоченые шлемы» (речь, видимо, о боярах-воеводах) и «золоченые стрелы» Гзака и Кончака (надо понимать, что автор не признает половецких правителей равней русским князьям).

По Ипатьевской летописи, после встречи на берегу Оскола братья направились к речке Сальнице. Там к ним присоединились посланные «языка ловить» лазутчики («сторожа»). Они сообщили, что видели половцев, которые «ездят в доспехах» (видимо, это была разведка Кончака, каким-то образом предупрежденного о походе Игоря). Лазутчики рекомендовали Игорю или напасть на половцев немедленно, или отступить, *яко не наше есть веремя*. Игорь возразил, мол, если вернуться без боя, *то соромъ ны боудеть поущеи смерти*. Князья приняли предложение «сторожей», поход был возобновлен и продолжался всю следующую ночь.

**...нощь стонуши ему грозою птичь убуди свисть звѣринь
въ стазби дивъ кличеть врѣху древа...**

Перевод первоиздателей: «...грозная восставшая ночью буря пробуждает птиц; режут звери стадами; кричит филин на вершине дерева...». О том, сколь непосилен был в конце XVIII в. труд толкования этого фрагмента, говорит то, что в последнем дошедшем до нас рукописном тексте «Слова», который был сделан со сборника Мусина-Пушкина для Екатерины II, слова *свисть звѣринь въ стазби* вообще отсутствуют.

В Диве видели и филина, и удода, и дозорного половеца. Однако некое женское божество Дива упомянуто в списках древнерусских языческих богов еще в XIV в.: *И словеньскимъ языкъ кланяется виламъ и Мокошьи, Дивь, Перуну...* (СССПИ. Вып. 2. С. 29)²⁸.

²⁸ Ср. болг. *самодива, самовила* — мифологические персонажи женского пола, связанные с ветром, с вихрем и подобным.

Д. С. Лихачев пишет: «Многобожие в отличие от монотеизма всегда отличалось терпимым отношением к «чужим» богам. В связи с этим отметим, что и Див явно “чужой”, а не русский бог, и “тмутораканьский блъван”. <...> Ведь клича с дерева, какое-то языческое божество — Див обращается к “чужим” странам: «велить послушати земли незнаемѣ (так чаще всего именовалась, даже и в «Слове», половецкая степь), Вльзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тмутораканьский блъванъ». Страна могла быть названа по главному божеству, которому в ней поклонялись и где стояли идолы (ср. многочисленные топонимы по названиям идолов: Перынь, Волотово, Велесово и т. д.)» (*Лихачев. С. 28–29*).

Принять это можно лишь отчасти: архаический Див уже не воспринимается христианином-автором как один из прародителей. Это (согласимся с Л. В. Соколовой; см.: *ЭСПи. Т. 2. С. 113*) — враждебное, а потому и «чужое» существо. В брянских говорах *див* — леший, то есть, как и в «Слове», на Брянщине он и сегодня ассоциируется с лесом, а, вероятно, и живет на дереве. (*Суетенко В. Гимн русскому народу: гипотезы, догадки, предположения // Литературная Россия. 1980. 5 сентября. № 36.*)

Див сидит на вершине Древа. Но Грифон и Сирий венчают старинные русские прялки, а на прялках XIX в. это место иногда занимает двуглавый орел. (Приношу благодарность за эту подсказку писателю Леониду Латынину.) Как выглядел Див, мы узнаем, сравнив три его изображения XII столетия (см.: *Чернов. С. 76*).

Первое обнаружено мною на археологической капители портала Борисоглебского собора в Чернигове (20-е г. XII в.). «При раскопках Борисоглебского собора было найдено несколько белокаменных капителей, покрытых великолепной резьбой явно романского характера», — пишет исследователь древнерусской архитектуры П. А. Раппопорт (*Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 49.*) Г. К. Вагнер называет это существо «драконовидным барсом» (*Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993. С. 62*). Но ничего «кошачьего» в этом образе нет: на вершине Древа (капитель колонны) сидит и впрямь «драконовидное» крылатое существо с птичьими лапами и клюет плоды Древа.

Второй портрет Дива обнаруживаем на арке бронзовой напестольной сени XII в. из Вщижа. Это работа русского мастера

Константина, чье имя есть на отливке. Вщиж — город на Брянщине, в котором до своей смерти в 1201 г. сидел Владимир, второй сын центрального героя «Слова» Святослава Всеволодича Киевского. Две арки найдены при раскопках середины XIX в. в алтаре разрушенной Батыем церкви. Сегодня они хранятся в ГИМ (Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. М., 1953. С. 98–120). Див на вщижских арках в той же позе и так же клюет плод Древа, как на капители из Чернигова. А под ним дракон-Велес, заглатывающий свой хвост. Б. А. Рыбаков, и сам копавший Вщиж, указал на то, что арка представляет из себя модель языческой вселенной, а держат ее оформленные в виде голов ящеров вертикальные штыри. Но грызущих свои хвосты (или корни Мирового Древа) дракончиков историк не разглядел и на Дива внимания не обратил.

В верхней части арки еще одно изображение Дива.

И ту же композицию находим на наруче (браслете) из киевского Тереховского клада (XII — начало XIII в.). Вновь сверху Див, клюющий то ли плод, то ли собственное крыло (превратившееся здесь в чудовищную лапу), а под ним дракон. (Полностью воспроизведение этого наруча см.: Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. Ил. 15).

Див в «Слове» противопоставлен знамени солнечного затмения. Солнце и гроза предупреждали Игоря о роковой опасности, но Див с вершины Древа объявил «незнаемой земле» о походе, и после этого отступать уже нельзя. При такой логике это место отсылает нас к походам Святослава Игоревича, последнего русского языческого князя. В «Повести временных лет» под 964 г. есть стихотворный фрагмент (видимо, из наследия Бояна, см.: Чернов. С. 106), где о Святославе сказано: *И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити»*. Объявив это, Святослав идет на Оку и Волгу. А в «Слове» Див «велит послушать земле неизвестной... Волге, Поморию...». Удивительным образом и лексика «Слова» совпадает с лексикой летописца. В летописи в этом отрывке (помимо прочего) звучат слова *възмужавшу, вои многи*, а также редкое слово *пардус* (гепард). Но это в «Слове» Игорь и Всеволод скажут «помужествуем сами», Ярослав Черниговский будет назван эпитетом «многовая», а гепард, с которым в летописи сравнивается Святослав, мелькнет в «Слове» в негативном плане в виде выражения «половцы, как выводок гепардов». Налицо прямая отсылка

к летописи. И фраза: *Хочю на вы ити* также откликается в «Слове» кратким монологом Игоря: *Хошу бо рече коніе приломити... Хошу главу свою приложити....* Разница лишь в том, что не Игорь, а Див произносит горделивую свою угрозу «незнаемой земле». Из этого следует, что Див — воплощение темной языческой архаики, гордыни и агрессии. Для Игоря он оказался сильнее Божьего знамения. И потому при втором упоминании о Диве (уже после поражения Игоря) будет сказано, что хула нашла на хвалу, нужда на волю, а Див бросился на землю²⁹.

...птичь убуди свистъ звѣринъ въ стазби дивъ...

Возможны следующие переводы первой части предложения: 1) «Птица свистом разбудила зверей»; 2) «Свист зверя разбудил птиц». Традиционный перевод близок ко второму варианту. Было прочтено *свистъ звѣринъ*. Указывалось даже, что в степи свистят суслики.

Если следовать логике метафоры, то Солнце не пускало князя в Поле, ночь стонала грозой, птицы свистом пробудили зверей³⁰. И, видимо, те завывали, как перед бедой. (Через несколько строчек, когда Игорь продолжит поход, птицы вновь будут звать к зверям: *Орли клетомъ на кости звѣри зовуть...*)

При таком чтении от слова *звѣринъ* у нас остаются *звѣри* (в винительном падеже множественного числа) и одно «лишнее» *нъ*. Это *нъ* — противительный союз или частица «но». В *СССПИ* читаем: «Начинательный союз. Выделяет новый эпизод, новую мысль, сохраняя общее противительное значение “однако”» (Вып. 3. С. 166; см. также: *СПИВЛ*. С. 185–193). В тексте первоиздателей все написания союза и частицы *нъ* даны через «ъ»: *нъ своя вѣщія...; не было нъ...; нъ нечестно одолъсте...; нъ рекосте...; нъ се зло...; нъ розно ся...; нъ часто бѣды...; нъ часто врани...; нъ уже княже...*

Это «однако» и становится ключом к данному отрывку: небесное знамение и сама природа предупреждают Игоря о смертельной опасности, но Див велит ему продолжать поход. Без частицы

²⁹ Учитывая, что выделение союза *но* перед пассажем о Диве — лишь одно из многих возможных чтений (см. ниже), политическую атрибуцию образа Дива нельзя не рассматривать здесь как довольно произвольную.

³⁰ Конечно, для такого чтения следует предполагать опущенные издателем выносные буквы: *птичь убуди свистъ^{Мв} звѣри*.

«но» это место неудобочитаемо. Невозможно представить, что после сообщения о солнце и грозе, препятствующих походу Игоря, через запятую идет сообщение о Диве, предупреждающем всю «землю незнаемую».

В 1891 г. В. А. Яковлев предложил читать *збися*. Это 3-е лицо единственного числа аориста от *збитися*. В 1926 г. такое чтение горячо поддержал академик В. Н. Перетц (*Перетц В. Н.* «Слово о полку Игоревім» — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Київ, 1926. С. 172.). Глагол *збитися* — 1) подняться, забраться наверх. В *СССПИ* находим пример из онежской былины: «Ударил он змею было по хоботам, / Отшиб у змеи двенадцать тых же хоботов, / Сбился на змею да он с коленками...»; 2) сорваться, освободиться, порвав путы. В «Сказаниях про храброго витезя про Бову Королевича» (XVII в.): «и добрый конь богатырский з 12 цепей збился; уже пробивает последние двери» (*СССПИ*. Вып. 2. С. 112).

Оба значения вписываются в логику метафоры: 1) Див взлетел на вершину Древа; 2) Див очнулся и, порвав путы, встрепенулся на вершине Древа.

И хотя Игорь пошел в Поле тайно от Святослава Киевского (да и половцам он не собирался сообщать, что «идет на вы»), Див своим кликом предупредил «землю незнаемую». А дальше мы узнаем, что Див бросится на Русскую землю и станет терзать ее.

Вернемся к фрагменту *въ ста*. Легче всего увидеть в нем глагол *въста*, ведь ниже в издании 1800 г.: *Въстала обида въ силахъ Дажь-Божя внука. Вступиль дъвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы...* Если убедить себя, что автор «Слова» мог написать: «восстал, взвился Див...», то останется лишь поздравить читателя с еще одним (формально безупречным) текстологическим монстром, ведь пластически логичному движению Девы Обиды (восстала, вступила, всплескала) противопоставлено явно избыточное поведение Дива (восстал, но еще и взвился, кликнул). Похоже, что в случае с загадочным Дивом переписчик, дойдя до «параллельного» места со столь же загадочной Девой Обидой, наконец «прозрел» (тем более что исправить ему в первом случае, как мы покажем ниже, надо было всего две буквы). Теоретически эту правку мог сделать и древнерусский книжник, и первоиздатели. Но те не виновны, поскольку в их издании *Въстала обида...* записано в два слова, а *въ стазби Дивъ* в три. Это может означать, что не первоиздатели, а средневековый редактор «прояснил» поведение Дива через поведение Девы

Обиды и получил формально связный текст. Тот текст, который до нынешнего дня остается «темным местом».

Однако А. И. Мусин-Пушкин вспоминал, что рукопись «Слова» была «писана на лощеной бумаге в конце летописи...». Учтивая это, можно предположить, что *ста* — неверно прочтенная маргиналия, ссылка на летописную статью *въ <льто> 6360*. (Записывалось тремя буквами под титлом³¹: «*сѣтѣ*»). Речь о помете автора (или читателя) в протографе (или в одном из списков), помещенной над строкой, но после внесенной переписчиком в текст:

сѣтѣ
 ПТНУЪ ОУБОУДИ СВНСТЪ^{МЬ} ЗВЪРН ПЪ ВЪЗБН^{СА} ДНВЪ

Известно, что в тексте «Слова» первоиздатели (или предшествующий им переписчик) не заметили многих выносных букв. Если маргиналия была написана мелко, или текст был затерт, то *сѣтѣ* (над *въ*) легко принять за глагол *въста* («встал, восстал»). Так и возникло загадочное *въста зби*.

Чем примечателен 6360 год (852 г. от Р. Х.)? Это ключевая дата русской летописи, год «начала Русской земли». В статье, помеченной этим годом, высчитывается число лет от Адама до греческого царя Михаила и от Михаила до написания первой редакции «Повести временных лет». Там же, в частности, сказано, что от Александра Македонского до Христа — 333 года.

Поход Игоря состоялся в лето 6693 (1185 г. от Р. Х.), но это как раз 333-й год, если считать от летописного «начала Руси». Заметим, что число триста тридцать три — это половина библейского «числа Зверя». Видимо, кто-то из древнерусских книжников «Слова» обратил внимание на эту параллель.

А. Г. Бобров установил, что мусин-пушкинский сборник с «Хронографом» происходил не из Спаса-Ярославского, а Кирилло-Белозерского монастыря, и древнейшая его часть, видимо, была составлена Ефросином Белозерским на рубеже XV–XVI веков (см.: *Чернов*. С. 18; 47–50). И именно Ефросин в «Кратком летописце» делает попытку высчитать дату ратных деяний Александра Македонского, отнимая 333 года от Рождества Христова (указано

³¹ Титло или титлос — надстрочный знак в виде волнистой черты, указывающий на то, что слово записано в сокращенном виде.

мне А. Г. Бобровым. См.: Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 256).

Помета с датой начала Русской земли должна была комментировать текст поэмы, указывая на онтологическую детерминированность Игорева похода (и явления небесного знамения, которым князь пренебрег) именно в лето 6693 г. А если так, то перед нами древнейшее текстологическое наблюдение древнерусского книжника.

Полагаю, что маргиналия была записана без предлога «въ», и читать надо *възбися*³². А переписчик понял, что Див не только «взвился», но и «восстал». Первоиздатели не заметили выносного «ся» и возникло абсурдное *свистъ звѣринь въ стазби*.

Трудный для понимания текст подсказывает исследователю ложные параллели и трактовки. Скажем, еще в начале XX в. Ф. Е. Корш предложил чтение *свистомъ звѣрии въ стада зби* (свистом зверье в стада сбилось). И в этом случае оказалось виновато то же «Слово». Вспомним: *Галици стады бѣжати къ Дону великому*.

Начальное «свист звериный встал» (или «звери в стада сбились») поэтически столь же невероятно, как дублирование глагола в случае «восстал, взвился Див».

Проверим естественность нашего чтения на переводе:

Вот тогда князь Игорь
в злато стремя вступал,
выезжал он в чистое поле.

Солнце ему тьмою путь преграждало,
ночь ему грозою стонала,
птичьим свистом зверей пробудив.

³² Во-первых, написание *збися* в значении «сбился» для раннего текста невозможно (озвончение приставки съ- в ранних текстах не зафиксировано), следует тогда предполагать, что соответствующая ошибка сделана переписчиком XVI в. с текста XVI же века, скорее всего белорусского (что не невозможно, но нежелательно, так как представляет собой умножение сущностей — предположение еще одной стадии переписывания). Во-вторых, глагольная приставка съ- предполагает направление движения вниз, что подходит для нападения героя-человека на змею, но не подходит для взлета Дива на вершину дерева. Более или менее приемлем вариант *възбися*.

Но взметнулся Див,
с вершины Древа кличет,
велит внимать земле неизвестной...

Разумеется, можно отказаться от гипотезы о вписанной в текст маргиналии и читать «как написано»: *...ночь стонуци ему грозою, птичь убуди свистъ^{мв} звѣри. Нь вѣста, збисѣя Дивъ, кличеть върху Древа...*³³. Но это представляется насилием над поэтическим текстом³⁴.

...велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскій блѣванъ.

Части «земли неизвестной»:

Волга — это в первую очередь Волжская Булгария, на которую за год до похода Игоря на половцев успешно ходил Всеволод Большое Гнездо.

Поморие — северное побережье Азовского моря и Причерноморье.

Посулие — левобережье реки Сулы, на котором русских городов уже не было.

³³ То, что в первом издании явно ошибочное словоделение, не вызывает сомнений. Единодушно признается, что следует читать *свистъ звѣринь вѣста...* «Надо полагать (вслед за Н. С. Тихонравовым, В. Н. Щепкиным, А. С. Орловым), что *зби* представляет собой внесенную в текст маргиналию “зри”: “перевернутое” *р*, сходное с *б*, характерно для скорописных почерков конца XVI — начала XVII вв. — времени, которым обычно датируется мусин-пушкинская рукопись “Слова»» (*Мещерский, Бурыкин. С. 448*). При этом можно читать так: *Ночь, стонуци ему грозою, птичь^{мв} убуди свистъ^{мв} звери. Нь вѣста дивъ, кличеть върху дрѣва...* Еще одна возможность: *Ночь, стонуци ему грозою, птичь убуди свистъ; зверинь вѣ вѣста. Дивъ кличеть върху дрѣва...* (т. е. «ночь... разбудила птичий свист, поднялся звериний вой»); предлагаемая правка — пропущенное издателем дублирование *вѣ*, разделенных незаметным *і*; написание слова *вой* через *ѣ* — проявление обычной для «Слова» графической особенности записи *о* через *ѣ* (см. мою статью в издании: *Чернов. С. 419–464*). Возможны также различные сочетания из предположенных конъектур.

³⁴ Читателю таким образом предлагается выбирать между насилием над поэтическим текстом и насилием над принципом минимальной правки? — *А. Д.* Да, если принцип минимальной правки не обеспечивает максимально приемлемого чтения. — *А. Ч.*

Сурож (ныне Судак) и *Корсунь* (Херсонес Таврический, теперь на территории Севастополя) — греческие колонии в Крыму.

Тмуторокань — древнерусский город на Таманском полуострове, возникший на месте хазарского города Таматарха. В 965 г. князь Святослав Игоревич, разгромив хазар, основал Тмутороканское княжество. Ко времени создания «Слова» отрезанная половцами Тмуторокань фактически отпала от Руси.

Тмутороканский болван — каменное изваяние, истукан. Однако это вряд ли обыкновенная каменная баба, каких в Поле Половецком было множество (в Тацинском районе Ростовской области на реке Быстрой последняя была похищена только в 2000 г.). Г. Ф. Корзухина предположила, что возле Тмуторокани должен был стоять маяк, а маяки в эллинистическую эпоху венчались статуями (*ЭСИ*. Т. 1. С. 132). Но Лихачев считал, что под «тмутороканьским бльваномъ» в «Слове» скорее всего разумеется не маяк, не статуя, не столп или сосуд, а именно идол, что чаще всего и означало слово «болван».

Поволжье, Посулье, Поморье, морские порты Сурож, Корсунь и Тмуторокань были под властью Кончака. Так что именно его «земле незнаемой» Див велит приготовиться и «послушать». В этом, вероятно, есть и доля иронии автора «Слова»: христианин Игорь, в отличие от язычника Святослава, пошел в поход тайно, не поставив о том в известность даже Святослава Киевского, и надеялся, что его набег застанет Кончака врасплох.

В конце XII в. «незнаемая земля» делилась на Белую и Черную Куманию. Белая (западная) Кумания — приднестровские и приднепровские половецкие объединения. Центром Черной Кумании был Северский Донец. В Черную Куманию входили Нижняя Волга, Посулье, Поморье, Придонье, Крым (Сурож, Корсунь), Тамань (Тмуторокань) и Предкавказье.

...лебеди роспущени.

Обычно правят на *лебеди роспужени*. Однако это место проясняет выписка А. С. Пушкина, сделанная им из «Урядника соколиной охоты» Алексея Михайловича (никак не откомментированная ни самим Пушкиным, ни исследователями): «Пущенная птица — для обучения сокола». А сравнение скрипящих в ночи половецких телег со стаей испуганных лебедей основано на том,

что *кумане* (одно из известных на Руси самоназваний половцев) можно перевести как *лебедяне*³⁵.

Вльци грозу въсрожать по яругамъ...

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин пишут: «Глагол “въсрожати, въсрожити” в древнерусских памятниках не встречается. В современных брянских говорах обнаружено слово “всражить” —

³⁵ Такое отношение к этимологии этнонима «куманы» действительно бытует среди читателей «Слова», ссылаются обычно на книгу Н. А. Баскакова «Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”» (М., 1985), где стоит: «Quw “лебедь” + афф. мап > половец, лебедянин» (с. 73). Толкование Н. А. Баскакова довольно произвольно. На него, несомненно, очень сильное влияние оказала его работа с горно-алтайским диалектом племени куу-кижи (этот этноним действительно переводится как «лебединцы»). Еще тюркский по языку «лебединый» этноним засвидетельствован для двух монгольских племен в Туве (*ак куулар* — «белые лебеди» и *кара куулар* — «черные лебеди»). Все остальные тюркские лебединые этнонимы очень предположительны (хотя среди тюркологов эта мифология весьма распространена) — см.: *Менгес*. С. 65–67. Из этнонимов «Слова» более или менее фонетически приемлемо (но совершенно не обязательно) возведение к названию лебедя «ковуи» (но если, как это часто делают, связывать его с шорским этнонимом *кобуи* — то последнее соотносится скорее не с названием лебедя, а с названием дупла), однако про половцев и их тотем вопрос остается открытым. Для пратюркского языка реконструируется два названия лебедя: **kugu* (превращается в *куу* примерно в XV в. по текстам, в памятниках XIV в. еще *кугу* — см.: *Clauson EDT*. P. 609) и **kuba* (созвучно пратюрк. **kuba* — «бледный»). Слово «бледный» зафиксировано в XI в. как *куба* и в 1303 г. в половецко-латинском словаре («Codex Cumanicus») как *кув*. Как случилось, что слово *половцы* явилось народной интерпретацией этнонима *ку-ман* (по аналогии с такими этнонимами, как *тюрк-мен*) при помощи слова *куба* — «бледный», можно понять из рассуждения в работе: *Менгес*. С. 69–71. Но хронологически фонетические изменения в тюркских языках проходили таким образом, что здесь нельзя предполагать действительного происхождения этнонима *куман* от названия бледного цвета, или названия лебедя, а также лебединого тотема для соответствующего этноса. Однако славянское слово «половцы» весьма вероятно, действительно переинтерпретация *куман* через *кув-ман* (в связи с тюркским «лебедем» или «бледным»), но именно как дезимологизация, не как тотем, а как дразнилка (ср. нынешнее *тюрки* — *чурки*). Тогда такое же происхождение может иметь и вся лебединая символика, связываемая с половцами не самими половцами, а соседними народами. Ср. еще страну *Леведию* — родину племени *туркой* по рассказу Константина Багрянородного о происхождении венгров.

разбередить (*Козырев 1976. С. 96*). Однако заслуживает внимания и предлагавшаяся конъектура: “върожать, ворожать” (И. М. Снегирев, Ф. Е. Корш). Возможно, что написание “въсрочать” могло возникнуть из “ворожать — вѳрожать” с омегой, не разобранный первыми издателями» (*Мещерский, Бурькин. С. 449–450*).

Но В. А. Козырев не приводит варианта *всражить*, а только *восрашитъ* — взѳерошить, в переносном смысле — разбередить. В обоих случаях смысл одинаков: волки воют в оврагах, и это приближает грозу. Возможно, существовало поверье, что волк воет перед бурей или сечей.

Слово *всрашати* лишь однажды мелькает в древнерусских памятниках XI–XII в. (см.: *СССПИ. Вып. 1. С. 149*). Править *всрочать* на *всрашати* предложил А. А. Потемня (его поддержали А. С. Орлов и Д. С. Лихачев).

Всрашыла быбъръм виски, всрашыла — эта ж адно и то жа, што взйаршыла (записано в Карачеве В. И. Чагишевой). В том же Карачеве В. А. Козырев записал: *Уи так тъмнавала, так галосила, аш ую душэньку мне всрашыла* (*Козырев 1975. С. 66*). Значит, в переносном значении *всрашати* — разбередить.

Яруга

Овраг, буерак, крутобокая лощина (по Далю это слово рязанское). В древнерусских памятниках не встречается. В. А. Козырев отмечает, что это слово найдено лишь в рязанских и брянских говорах (*Козырев 1975. С. 116*).

...лисицы брешуть...

Лисицы брешуть злей волка, и брешуть, и гавкють. (Записано в Трубчевске. *Козырев 1975. С. 118*.)

Шеломя

Считается, что «шеломя» — это гряда холмов. При этом не вполне понятно, что называется «Русской землей» — территория или русское войско (как полагали первые издатели). Б. А. Рыбаков писал, что шеломя — водораздел Днепра и Дона (*Рыбаков. С. 234*). Наша точка зрения зафиксирована на карте, см. с. 135.

Длго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала...

Еще один пример «темного стиля». «Долго ночь меркнет» может быть понято как «ночь спускается» и как «ночь угасает», то есть наступает утро, а форма глагола *запала* может быть и аористом 3 л. ед. ч. от *запалати* (зажечь), и перфектом 3 л. ед. ч. от *запасти* (погаснуть). Одна заря превращается в другую, и, играя на этом, автор «Слова» наглядно демонстрирует слушателям, как коротка ночь и сколь краток отдых ратников. (О таком у Пушкина «Одна заря сменить другую...».) В стихотворном переводе, чтобы сохранить двусмыслицу, я счел возможным передать это таким образом: «Долго меркнет мгла. Заря свет расплела».

2.3. Поутру в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, умчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и драгоценные оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами начали гати мостить по болотам и топким местам — и всякими драгоценностями половецкими. Альый стяг, белая хоругвь, альый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу! Дремлет в поле Олегово храброе гнездо — далеко залетело. Но ведь не было рождено оно на обиду ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону великому.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганяя плъкы половецкыя...

По Ипатьевской летописи, подойдя к Сюурлию, русские увидели половцев. Те, через реку «пустив по стреле на Русь», начали отходить. Их преследовали полки Святослава Ольговича, Владимира Игоревича и Ольстина, которые захватили половецкие вежи (кибитки кочевников) и богатый полон. Передовые части вернулись к следовавшему за ними «помалу» Игорю только к ночи. Игорь предложил немедленно отходить, но Святослав сказал, что его коням нужен отдых. Решено было ночевать. Наутро оказалось, что русские окружены. (Подробнее см.: *Чернов*. С. 255 и след.)

Аллитерацию этого отрывка (*ня-по-пта-по-по...*) еще в середине XIX в. заметил П. П. Вяземский, сын поэта и горячий поклонник русской старины. В Ипатьевской летописи о том же и почти теми же словами: *Заутра же, пятъку наставшу, во обьднее время, устрътоша полкы половъцькыи...* (*Ипат.* Стб. 639). На это обратил внимание В. Н. Перетц (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 84). Объяснить это можно, пожалуй, лишь заимствованием из «Слова»: две богато аллитерированные строки, врезавшиеся в память летописца, процитированы, как это часто случается, не совсем точно. Видимо, экспрессивный глагол *потопташа* смутил монаха скоромной ассоциацией (*потоптали*, как петух курицу). Но если летописец заимствует из «Слова», значит, оно действительно звучало в Киеве в конце лета или осенью 1185 г.

Описание этой первой стычки с половцами и захвата добычи выполнено в традициях откровенных двусмыслиц скоморошьей культуры.

В церковном уставе Ярослава Мудрого говорится, что за *умчание девки* (если она боярская дочь) похититель платит 5 гривен золота. Товарищи похитителя в уставе именуется *умычниками*. Каждый из них обязан был уплатить епископу по гривне серебра. (Гривна — денежная единица, содержащая 51,19 г серебра.)

Сцена набега изображена как «умчание» и насилие: сначала воины похищают девиц, потом мостят гати по «грязевым местам», после приносят Игорю трофеи, среди которых *чрълена чолка* и *сребрено стружје*. При этом ритм стиха, как и конский аллюр, трижды меняется: галоп, потом рысь, а в перечислении трофеев князя — усталый шаг.

Брянский журналист Владимир Суетенко заметил, что автор «Слова» вовсе не стар: «Почему-то все исследователи поэмы, словно сговорившись, считают, что написал ее немолодой, умудренный жизнью человек. <...> Здесь перед нами круг чувств молодого человека» (*Суетенко В. Соловей древней Руси // Огонек. 1975. № 42*).

Чувственная экспрессия пронизывает всю ткань поэмы: женщина в ней всегда молода: кроме половецких красных девок, мы видим готских красных дев, видим, как Всеслав Полоцкий бросает жребий на Киев, словно «на полюбившуюся девицу», слышим рассуждение Гзака и Кончака о «красной девице», которой Кончак опутал молодого соколенка Владимира Игоревича, из Киева «через море» слышим и пение дев на Дунае. Поэма дышит земной любовью: Ярославна любит Игоря, Всеволод — Глебовну, русские жены — своих золото- и среброкудрых мужей. Автор невольно залюбовался даже Девой Обидой, которая так страшно и так красиво плещет лебедиными крыльями.

Книжник и христианин, автор «Слова» не стесняется поэтической стихии и стихии страстей (а та и другая — традиционно языческие). И это также выдает в нем молодого человека. Да и все без исключения герои поэмы живут нешуточными и невымороженными страстями.

Зарание

В. П. Адрианова-Перетц предлагала два объяснения этого слова: либо это удержавшийся в тексте поэмы архаизм, либо искаженная форма древнего *израния*, возникшая по аналогии с появившимся в языке в XVI в. наречием *заранее* (*Адрианова-Перетц. С. 81*). Это слово в значении «раннее утро» известно брянским говорам: *З зарания идет дощ* (*Козырев 1976. С. 98*). Но *зарание* как утро зафиксировано в белорусских говорах, а украинское *зарания* — утреннее время (*Козырев 1975. С. 79*). И хотя А. В. Дыбо указала, что прилагательное от него — *заранный* (имеющий место рано утром) встречено в московских говорах, а стандартный глагол от него *заранниться* — псковский, отметим, что существительное «зарание» в русских говорах сохранилось лишь на Брянщине.

Пяток

Пятница, пятый день недели. Многократно встречается в древнерусских памятниках. Отмечено у Даля. Сохранилось в псковских и брянских говорах (*Козырев 1975. С. 135*).

...и рассушясь стрѣлами по полю...

Рассутися — рассыпаться. Ср. *рассунуться*: *Ну-ка, бабы, рассуניתися, псяжю трохи* (записано в Трубчевске, см.: *Козырев 1975. С. 141*).

Грязивый

Грязный или топкий, болотистый, вязкий («Словарь» В. И. Даля, без указания места записи). Кроме «Слова», встречается лишь в акте 1475 г. (*СССПИ. Вып. 1. С. 183*). В Трубчевске записано: *Грязивѣ места — ино нискѣе, кагда жыж бувала* (*Козырев 1975. С. 70*).

...сребрено стружіе...

Б. А. Рыбаков считал, что *стружие* — не древко копья, так как древко не бывает серебряным, а нечто вроде длинного (около 180 см) «маршальского жезла» (подобные серебряные жезлы известны по погребениям половецких ханов XII в.). Но в другом месте о Всеславе сказано, что он «доткнулся стружием золотого престола киевского». Видимо, просто «стружие» — древко копья³⁶, а «серебряное стружие» — серебряный ханский жезл или посеребренное древко особого воинского знака — бунчука («челки»).

³⁶ Строго говоря, значение слова точно неизвестно. Единственная славянская параллель — украинское *струже* — «древко», значение «копье» для древнерусского языка выводится авторами из употреблений в «Слове» плюс из одного (!) испорченного места в «Хождении Даниила» (...*распятие Господне... есть же на камени высоко было, яко стружия выше*; в другом списке — *стражия*). — А. Д. То, что в «Хождении Даниила» читать надо именно стружие, и имеется в виду древко копья, понятно из евангельского текста: «но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн, 19: 34). — А. Ч.

Гнездо

У охотников термин «гнездо» (к примеру, гнездо волков) сохраняется до сих пор. (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // *ТОДРЛ.* Т. VI. 1948. С. 119–121). Владимирского князя Всеволода, одного из адресатов «Золотого слова», за чадолубие прозвали *Большое Гнездо*. Слово *гнездо* как человеческая семья, род обнаружено в брянских говорах: *нехарошъва гнезда хлопцы* (*Козырев 1976.* С. 96) — ср. в «Золотом слове»: *не худа гнѣзда шестокрилицы*.

Гзак (Кза)

Сын хана Беглюка (в летописи назван Бурновичем), глава союза донских половцев Бурчевичей, лишь дважды упомянут в летописи. В 1169 г. вежи этого хана (с его женой и детьми) были захвачены Олегом Святославичем, братом Игоря. В 1185 г. Гзак после поражения Игоря разорил Северскую землю, сжег острог Путивля (но кремль не взял).

Кончакъ ему слѣдъ править...

Кончак Отрокович — сын хана Атрака (Отрока), внук Шарукана, первого из половцев в 1068 г. пришедшего на Русь и почти сорок лет угрожавшего ее южным границам. В летописи Кончак мелькает с 1172 по 1203 г. Он был то врагом, то союзником русских князей. Сын Игоря Владимир был помолвлен с его дочерью, видимо, еще до 1185 г. А Юрий, сын Кончака, погиб на Калке.

Правити следъ — указывать направление, дорогу. *Давай правъ новую дорогу в луга* (брян. по Чагишевой). См.: *Козырев 1975.* С. 107.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЬ

3. 1. На другой день рано поутру кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят закрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям притупиться о шлемы половецкие — на реке на Каяле, у Дона великого. О Русская земля! Ты уже за Шеломенем! Вот и ветры, Стрибожки внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги глаголют: половцы идут от Дона и от моря, и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы криком поля перегородили, а храбрые русичи преградили красными щитами.

Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго...

Д. С. Лихачев пишет: «...автор “Слова о полку Игореве” углублял, развивал старые образы, раскрывал их значение, детализировал их, заставлял читателя ярко почувствовать их красоту. Он брал то, что уже было в русском поэтическом языке, брал общее, а не случайное, брал укоренившееся» (Лихачев. С. 195, 199–200). Автор, как показал Д. С. Лихачев, выворачивает наизнанку летописное клише «стрелы идут дождем», и перелицованная формула оборачивается новым содержанием: Игорь идет на «поле незнаемое», где все враждебно русским, и даже дождь прольется на них потоком стрел.

Каяла

Так в «Слове» и в Ипатьевской летописи названа река, у которой Игорь потерпел поражение (по Ипатьевской летописи, первый бой в пятницу был у реки Сюурлий, но за день войска русских подошли к другой речке). Поскольку ниже Каялой названа река Канина (Канин ручей), исследователи полагали, что Каяла — не гидроним, а поэтическое имя реки *Суда* и *расплаты* или *плача* и *скорби* (от глагола «каять»). Но Каяла — реальный гидроним (в переводе с тюркского — *скалистая*). Автор «Слова» локализует эту реку в междуречье Дона и Малого Донца на границе «поля безводного». Ниже будет сказано, что «два брата (Игорь и Всеволод) разлучились на берегу *быстрой* Каялы». Но последний левый приток Северского Донца, огибающий северный край тянущегося до Дона обширного сухого плато, и сегодня зовется рекой Быстрой. В нижнем течении левый берег Быстрой состоит из скальных отложений и достигает высоты 25 метров над уровнем реки. (Подробнее см.: *Чернов*. С. 255 и след.)

Стрибог

Один из древнерусских языческих богов. В «Повести временных лет» под 980 г. сказано (цитирую в переводе): «И начал княжить Владимир один в Киеве, и поставил кумиров на холме вне двора терема: Перуна деревянного с главой серебряной и золотыми усами, и Хорса, Дажьдбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь». У южных славян есть некий «Стари бог» (в русском варианте

«Николин Батька»), которого поминают накануне Николы Весеннего (8 мая, поскольку 9 мая по старому стилю — перенесение мощей Святого Николая). См.: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 42.

Николай Чудотворец, покровитель путешественников, после христианизации славян заместил Велеса. Стари бог как громовержец (и противник Велеса) связан с воздушной стихией, а следовательно, и с ветрами. (Недаром и сейчас отправляющемуся в путешествие желают «попутного ветра».) Б. А. Успенский пишет: «В Купянском уезде Харьковской губернии “Николин батька” празднуется накануне зимнего Николы, но (во второй раз. — А. Ч.) после Николы вешнего» (Там же. С. 43). Значит, мифологический календарь «Слова» дает ту же дату битвы на Каяле, что была высчитана исследователями.

Видимо, древнерусский Стрибог — либо переосмысленное через число «три», либо искаженное в книжной традиции имя Стари бога³⁷. Но как бы там ни было, мы должны констатировать, что упоминание о Стрибожьих внуках датирует (с ошибкой на день) первый бой с половцами 10 мая. И может быть, решение, принятое Игорем после встречи со своими разведчиками у Сальницы, продиктовано тем, что сторожа приехали 9 мая — в Николин день. Понадеявшись на покровительство Николы (как при выступлении 23 апреля на Георгия), Игорь Святославич и решил продолжить свое путешествие в «незнакомое поле».

В распоряжении В. Н. Татищева, который «Слова о полку Игореве» не знал, были неизвестные нам древнерусские материалы — пергаменная летопись (историк называл ее «Раскольничей», поскольку приобрел в Сибири у некоего старообрядца), и доведенная до 1198 г. Голицынская летопись (обе сгорели в имении Татищева уже после его смерти). На основании их историк утверждал, что Игорь потерпел поражение «во вторую неделю Пасхи» (Татищев. С. 136). Как считал Б. А. Рыбаков, «это совпадает со всеми расчетами ученых, почему-то не принимавших во внимание сообщений татищевского свода и самостоятельно

³⁷ Скорее наоборот, Стари бог (т. е. старший бог) либо никак не связан со Стрибогом, либо его название появилось вследствие народной этимологии слова *Стрибогъ*. Последнее успешно этимологизируется исследователями как иранское заимствование (из др.-ир. **Srībaya* — «возвышенный бог», ср. эфталтск. *Śribaya* — Фасмер. Т. 3. С. 777).

высчитывающих дату окончания битвы» (Рыбаков. С. 198–199). Но это ошибка, замеченная еще в начале XIX в. В. В. Капнистом (см. его комментарии в приложении к публикации Д. С. Бабкина «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста // Слово о полку Игореве. М.; Л. 1950. С. 354): 12 мая — не вторая, а четвертая неделя по Пасхе (четвертое воскресенье, считая вместе с пасхальным). Вторая же «неделя» (второе воскресенье) приходилась на 28 апреля, но солнечное затмение было, как известно, еще до соединения Игоря со Всеволодом 1 мая. (Эта ошибка показывает, что Татищев не сам высчитывал день битвы, а просто не проверил сообщение той летописи, которой пользовался.)

По сведениям Татищева, в плен попало 5000 русских. Причем, как подчеркивает Рыбаков, историк XVIII столетия цитировал летопись в своем переводе, сохраняя некоторые древнерусские формулы: *Такъ окончися сей нещастливый бой во вторую недѣлю Пасхи, и бысть печаль и плачь въ Руской, паче же въ Северской земли*. Замечу, что формула «печаль и плач» столь близка и к рассказу Ипатьевской летописи, и к «Слову» (см. таблицу на с. 241), что вкупе с другими уникальными, но все же отчасти поддающимися проверке сведениями Татищева, не позволяет всерьез отнестись к попытке А. П. Толочко объявить первого российского историка мистификатором (см.: Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005).

...земля тутнетъ...

То есть «земля гудит». Помимо Брянщины, как свидетельствует картотека Словаря русских народных говоров, глагол *тутнети* встречается только в окрестностях Байкала (см.: Козырев 1975. С. 138).

...пороси поля прикрываютъ, стязи глаголють: половци идутъ отъ Дона...

Обратим внимание на несколько непривычную для нас, но вполне обычную и для древнетюркской, и для скальдической поэзии рифму по началам стихов: *пороси — половци*. Как для русских из катящегося по степи вала пыли вдруг проступили половецкие войска, так из слова *пороси* сами собой склубились *половци*. Древнерусский поэт прекрасно понимает магический механизм

рифмы как *метаморфозы образа при сходстве звучания* и играет на этом: то, что для воинов Игора произошло наглядно, поэт передает через звук.

Выражение *стязи глаголють* может быть понято одновременно в нескольких смыслах: 1) русские или половецкие стяги «переговариваются» (стягами в бою отдавались команды); 2) стяг — наименьшее воинское подразделение, которое в бою «стягивается» вокруг своего стяга, значит, это разные полки русских дают знать князю, что на них наступает враг; 3) Алишер Навои сравнивал арабскую букву алеф, записывающуюся вертикальной черточкой, с гордо поднятым стягом, но за два века до него древнерусский поэт увидел в развевающемся стяге славянскую букву «Г» («глаголь»); 4) по-древнерусски *глаголать* — не только «говорить», но и «пророчить». Смысл этого пророчества будет раскрыт в следующем упоминании о стягах: *третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы*. Дело в том, что буквой «Г» под титлом обозначалась цифра 3. И именно в воскресенье, в третий день битвы, если мы вслед за автором «Слова» будем считать с первого столкновения с половцами в пятницу, русские потерпят поражение. (О такой же игре на буквенных значениях древнерусских цифр см. с. 144.) В брянских говорах: *сароки дож глаголють* — сороки дождь возвещают (*Козырев 1976. С. 96*).

3.2. Яр Тур Всеволод! Стоишь в обороне, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами харалужными. Куда, Тур, поскачешь, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены саблями калеными шлемы аварские от руки твоей, Яр Тур Всеволод! И, кляня раны, дорогие братья, забыл он почести и жизнь, и города Чернигова отчий златой престол, и своей милой жены прекрасной Глебовны совет да любовь...

Утром в субботу 11 мая русские, увидев, что окружены, повернули в направлении Северского Донца, и Всеволод, шедший на правом фланге, оказался в авангарде. (Подробнее о битве на Каяле см.: Чернов. С. 255 и след.)

...гремлеши о шелома мечи харалужными...

Слово «харалужный» не понимал уже автор «Задонщины»: у него «харалужные» не только копья (что заимствовано из «Слова»), но и берега. Комментарий к этому месту Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина: «Эпитет “харалужный” применительно к мечам и копьям несколько раз встречается в “Слове”, но совершенно неизвестен в других древнерусских памятниках. Он появляется лишь однажды в “Задонщине” явно под влиянием “Слова” в бессмысленном контексте: “берега харалужные”. Словосочетание «копья харалужная» встречается в некоторых редакциях “Сказания о Мамаевом побоище”, куда оно также попало из “Слова о полку Игореве”. Предлагалось более десятка этимологий слова “харалуг–харалужный”: от тюрк. *qara* — черный, вороненый металл (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Л. Н. Гумилев), от тюркского этнонима *qarluq* — карлукский (А. Заки Валиди, А. Зайончковский, А. Н. Кирпичников), от араб. *harab* — гибельный (В. Ф. Ржиг), *quryulyly* — гибельный, *qury-luy* — отточенный, *qarwely* — тяжелый, доступный только опытному воину (Н. А. Баскаков), *caroling* — каролингский (С. А. Гедеонов, Р. О. Якобсон, К. Г. Менгес). Перечисленные этимологии малоправдоподобны. По-видимому, слово “харалуг” или самый эпитет “харалужный” в применении к мечам и копьям заимствованы из индоиранских языков. Ср. санскритские корни *khāra* — твердый, острый и *langh* — поражать, сверкать, блестеть; соответствующее русскому “харалужный” — *kharalanghyana*, т. е. сверкающий остротой, поражающий остротой (Мещерский Н. А., Бурькин А. А. Заметки к восточной лексике «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. 1984. № 14. Вып. 3. С. 67–73)» (Мещерский, Бурькин. С. 452–453).

Если комментаторы правы, то слово это должно было прийти на Русь из Хазарского каганата³⁸. Скорее всего, это прилагательное,

³⁸ Хазарское происхождение вероятно, если правильна какая-нибудь из тюркских этимологий. Если же слово иранское, то, скорее всего, аланское, то есть древнеосетинское, и, действительно, можно, например, предположить связь

которое можно перевести как «остроразящий» или «острожаляющий», должно относиться к дамасскому клинку, что косвенно подтверждает и само «Слово»: основа для образования прилагательного «харалужный» — существительное «харалуг».

В XIV в. дамасские клинки, как утверждают археологи, вытесняются булатными (СССР. Вып. 6. С. 116).

Булат (пулат) — персидское слово. Словарь Брокгауза и Эфрона сообщает, что это дамасская узорчатая сталь для холодного оружия, которая получается свариванием и проковкой прутьев цементной стали, причем слои при проковке перепутываются и дают на поверхности клинка разнообразные рисунки. Изготавливается главным образом в Индии и в Хорасане (Персии). Там же издавна куются и знаменитые клинки. «Большая советская энциклопедия» уточняет: булатная сталь — углеродистая литая сталь, которая, благодаря особому способу изготовления, отличается своеобразной структурой и видом, с древнейших времен (упоминается Аристотелем) идет на изготовление холодного оружия исключительной стойкости и остроты. Булат производили в Индии (под названием *вуц*), в странах Средней Азии и в Иране (*табан, хорасан*), в Сирии (*дамаск*, или *дамасская сталь*). Однако с археологической точки зрения последнее утверждение некорректно.

Святослав Киевский в своем «Золотом слове» скажет, что сердца Игоря и Всеволода в жарком харалуге скованы, а *буестью* (доблестью, яростью) закалены, и тут же спросит: «Это ли вы сотворили моей серебряной седине?» Но что — «это»? Булатный клинок способен перерезать пополам брошенный на него шелковый платок и даже человеческий волос. Но по древним поверьям обрить — лишить силы и могущества³⁹ (вспомним хотя бы пушкинского Черномора и то, как обошелся с ним Руслан).

Посвечивая

То есть «поблескивая». Помимо «Слова» встречается только в «Задонщине». В диалектах обнаружено в Карачеве (брянские

с осет. *хаерае* — «серый» и, возможно, *lug* — «разрубать»: впрочем, необходимо дальнейшее исследование.

³⁹ По моему мнению, следовало бы переводить обсуждаемое место как: «И вот так вы поступили с моей серебряной сединой»; ассоциация с бритьем — очень произвольная.

говору): *Мьланья пасвешивъеть, а грому ня слышна* (Козырев 1975. С. 105). Ср.: *Посветкать — посверкать* (о молнии; арх.) *Посветить* (арх.) — 1) поджечь, подпалить; 2) придти в голову, угрождать (арх., новг.).

Сабли каленые

Сабли из закаленной стали. В фольклоре этот эпитет встречается лишь в сочетании «стрелы каленые» (см. также в «Слове»), но «современные русские народные говоры сохранили следы “былой свободы” этого эпитета»: в брянских, смоленских и псковских говорах каленый — крепкий, твердый, жесткий, сильный, здоровый, настойчивый и пр. (Козырев 1975. С. 82–83).

Шеломы оварьскыя

Шлемы аварские, то есть выделанные аварами (или по аварской технологии)⁴⁰. Шлемы кочевников имели деревянную основу и были лишь обтянуты толстой кожей и скреплены железной окантовкой, и потому их можно было *поскепать* — «расщепить» (см.: *Ржига В. Ф.* Восток в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 179–182).

...забывъ чти и живота...

Мнение Д. С. Лихачева: «О способности воина забыть о своих ранах в бою пишет и летопись. Даниил Галицкий в битве на Калке “младенства ради и буети, не чюаше раны бывши на телеси его” (Сузд. лет. по Академическому списку, под 1223 г.). Князя Мстислав Мстиславич и *Володимер* Рюрикович, “укрепляя” своих новгородцев и смолян, говорили им: “забудем, брате, домов, жен и дети” (там же, под 1216 г.)» (Лихачев. С. 67).

⁴⁰ Народ аваров (не путать с одним из современных дагестанских народов, аварцами), вероятно, тюркский, или, во всяком случае, входивший в свое время в гуннский племенной союз, а впоследствии образовавший в Причерноморье и Подунавье аварский каганат, просуществовавший с VI по VII в., упоминается в начальной русской летописи под именем обров.

...и своя милья хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая.

Комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина:

«Ольга Глебовна, дочь князя Глеба Юрьевича (умер в 1171 г.), сестра князя Владимира Глебовича Переяславского, жена Всеволода. В литературе отмечалось, что эти сведения восходят к примечаниям первого издания “Слова” и не могут считаться достоверными (Творогов О. В. Некоторые принципиальные вопросы изучения “Слова о полку Игореве” // Русская литература. 1977. № 4. С. 92–93). Все же эта гипотеза принята практически всеми исследователями и весьма правдоподобна: этот брак объединял две княжеские ветви — Ольговичей и Мономаховичей, потомков сыновей Ярослава Мудрого.

“Хоть” — любимая супруга.

Словосочетание “свычая и обычая” пока нигде более не обнаружено, но слова “свычай” и “обычай” встречались часто, выступая как синонимы (Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 98) (Мещерский, Бурькин. С. 453–454).

Словосочетание *свычай и обычай* зафиксировано в ряде народных говоров (*влад., сарат., забайк., том., волог., костр., арх., пенз., ряз.*). Найдено в брянских говорах (пожелание любви и согласия): *Совет вам дѣ любовь, свычий и абычий*; или: *Живитя хѣрашо, на звичьчу и абычьчу* (Козырев 1976. С. 100).

3.3. Были века Трояновы, минули лета Ярослава, были походы Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом распрю выковывал и стрелы по земле сеял. Вступал он в золотое стремя в городе Тмуторокани, и звон тот слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши затыкал [и запирает ворота] в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на Суд Божий привела и на Канине-реке храброму и молодому князю за обиду Олега зеленый покров расстелила. С такой же Каялы Святополк бережно повез отца своего меж угорских иноходцев к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче сеялась, росла и погибала в уособицах жизнь Дажьбогова внука, в княжеских междоусобицах век человеческий сократился. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны кричали, трупы деля, а галки про свое говорили, собираясь лететь на поживу. То было в те рати и в те походы, но о такой рати тогда и не слышано!

Олег Святославич

Сын киевского князя Святослава Ярославича, дед Игоря и Всеволода, князь тмутороканский и черниговский (умер в 1115 г.). Прозвище «Гориславич» (Гореславич), как следует из поэтического контекста, автор дает Олегу Святославичу от слова «горе». Олег — один из зачинщиков междоусобных войн, он первым из русских князей пошел на союз с половцами и привел их на Русь.

Было это так:

10 апреля 1078 г. Олег ушел от родного дяди Всеволода Ярославича из Чернигова в Тмуторокань. А в августе вместе с двоюродным братом Борисом Вячеславичем и половцами вернулся на Русь. На реке Сожице он разбил Всеволода, и тот бежал к брату, киевскому князю Изяславу, а Олег вступил в Чернигов. Ожидая нападения дядьев, он вновь отправился в Тмуторокань собирать войска. (Так по Тагищеву. См.: *Тагищев*. Т. 2. С. 133.)

В это время Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром (Мономахом) подошли к Чернигову и взяли «окольный град», но не смогли занять кремль.

3 октября в битве на Нежатиной Ниве близ речки Канины Олег и Борис Вячеславич сражались против старших Ярославичей — Изяслава и Всеволода, а также Владимира Мономаха. С обеих сторон погибло по одному князю: в битве пали Борис и великий князь Изяслав.

Той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше...

Д. С. Лихачев показывает, что выражения «ковать ложь», «ковать лесь» обычны в древнерусской письменности: «Автор “Слова” конкретизирует это выражение тем, что вводит в него понятие меча, которым Олег кует “ложь”, “лесь” — “крамолу”. В этом гениальном образековки крамолы мечом воплотилось то же противопоставление мирного труда войне, что и в обычном для “Слова” образе битвы-жатвы, но с предельным лаконизмом, причем вся богатая семантика слова “меч” вложена в этот образ: Олег злоупотребил своею властью — “мечем”, куя им крамолу: он ковал крамолу “мечем” — междоусобной войной; каждый взмах меча Олега как молотом усиливал, “ковал” эту крамолу, укреплял ее; и само употребление священного меча для крамолы выступает как святотатство. Множество ассоциацийковки и войны встает в этом

образе: крамола раскалена, как железо на наковальне, поле битвы — наковальня» (Лихачев. С. 201–202).

Тоже звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ...

Еще А. А. Потехня понимал это место так: Олег только лишь вступает в стремя, а этот звон слышит на том свете Ярослав Мудрый. Д. С. Лихачев чуть смещает акценты: Ярослав, призывавший в своем завещании детей к миру, предугадывал звон Олегова стремени. (Выражение «ступить в стремя» значило выступить в поход.) Обычно это место исправляют на «*давныи великыи Ярославъ, а Владиміръ сынъ Всеволожь...*» (и полагают, что речь идет о Ярославе Мудром) или на «*Ярославъ сынъ Всеволожь, а Владиміръ...*» (речь идет о Всеволоде Ярославиче и его сыне Владимире). Однако во втором случае переписчиком потеряно выносное «л», и потому надо исправить «Ярославъ» на «Ярославль» (так же, как сделал Д. С. Лихачев, заменивший *Ярославе* и *вси внуце Всеслави* на *Ярославли* и *вси внуце Всеславли*), а *сынъ Всеволожь* на *сынъ Всеволодь*. (К такому чтению пришел в 1838 г. фольклорист И. М. Снегирев.) Впрочем, последняя правка вовсе не обязательна, ведь здесь мы имеем дело с тем, что называется «темным стилем» — игрой автора смыслами и значениями слова: заметим, что если некто слышит звон междуусобиц, выковываемых мечом Олега (а заодно и лязг его стремени), то другой вправе и заткнуть уши (в прямом смысле этого слова), чтобы не слышать этого. Ярослав — дед, Всеволод — отец, Владимир — внук первого и сын второго. А эпитеты «давний великий» подходят и к первому, и ко второму, ведь в некрологе Всеволода сказано: *преставися великыи князь Всеволодь сынъ Ярославль, внукъ Володимерь*. Видимо, перед нами еще и игра именами князей, и в этой игре переосмысление происходит по мере произнесения текста. Механизм этого переосмысления таков: слыша строку *давныи великыи Яросла...*, слушатель уверен, что речь о Ярославе Мудром, но звучит *...вь сынъ Всеволожь, а Владиміръ...*, и текст переосмысливается еще дважды: «давний великий Ярославов сын Всеволодов Владимир» (такое словесное кружево и есть «темное», магическое «свивание славы с двух сторон времени». Кстати, еще как минимум трижды мы увидим в тексте такую же

игру поэта одинаковыми именами разных князей)⁴¹. Затем следует выражение *уши закладаше*, и многомерность произнесенного еще более увеличивается.

Незадолго до битвы на Нежатиной Ниве Владимир Мономах, приступив к Чернигову, через восточные ворота взял «окольный город». Сторонники Олега заперлись в кремле. Сложилась парадоксальная ситуация, когда по утрам Владимир, ожидающий подхода неприятеля, должен был не открывать ворота, а запира́ть. Впервые подобное чтение предложил в 1846 г. историк Н. Г. Головин. К нему в 1870 г. присоединился поэт и переводчик «Слова» Аполлон Майков, полагавший, что под «ушами» следует понимать «калитки по бокам больших ворот» и переводивший это место «в стенах закладывал ворота». В 1959 г. его поддержал Д. Д. Мальсагов, утверждавший, что речь идет о проушинах городских ворот, ведь «затыкать уши» — закладывать изнутри уши (ушаки, проушины) ворот бревном. В этом значении идиома *ухи закладывать* и сегодня жива в брянских говорах, например, в Трубчевске (см.: *Козырев 1976. С. 94*). Впрочем, *закладать* (запирать с помощью задвижки) — *курск., смол., орл.*; производное *закладка* (вид засова) — *псков., новг., арх., оренб.* (*СРНГ. Т. 10. С. 126*).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла за обиду Ольгову храбра и млада князя...

В *ПВЛ* о Борисе сказано, что он перед боем *похвалився велми, не вьды, яко Богъ гордымъ противится* (лето 6586). Слова *храбра и млада князя* относятся, видимо, именно к Борису, которому было лишь двадцать четыре года. Фраза построена так же, как в другом месте: «Покрывалами, и плащами, и кожухами начали гати мостить по болотам и топким местам — и всякими драгоценностями половецкими».

Впрочем, мы не знаем, когда родился Олег.

⁴¹ Вообще говоря, поиск авторских намеренных затемнений смысла при работе с многократно искаженным при переписывании текстом обречен на успех. Представляется все же, что кеннинги скальдической поэзии рассчитаны скорее на легкое разгадывание посвященными, чем на их окончательное запутывание.

Канина

М. А. Салмина в статье «Канина» (*ЭСПи*. Т. 3. С. 9.) приводит длинный список попыток понять это слово: первые издатели увидели здесь «конскую попопу». В бумагах А. Ф. Малиновского находим: «на Казанину зелену». Последовали варианты: «конский зеленый ковер» и «ткань ину» (Д. Н. Дубенский); «кони́на — “конечная, смертная”» и подобное (А. Ф. Вельтман, Н. Павлов, П. П. Вяземский). Д. И. Прозоровский предложил читать «на капи́ну» (капь — тело, труп), но его поправил С. А. Гедеонов: «канина — тело, обреченное на съедение коршунам», мотивируя тем, что в славянских языках «каня, канюх» — полевой коршун. (Смысл, который вполне мог быть вложен в рамках игры *Канин ручей* — *каня/коршун* и самим автором «Слова»; см. в VII песни об Изяславе Васильковиче.) Я. О. Пожарский считал, что речь о «шелковом черве, называемом по-польски *кани*». Чешский переводчик М. Гаттала читал «тканину», а А. А. Потенбя предлагал две версии: «на конь ину зелену...» (то есть «под конец иную, зеленую паполому...» — траву) или «на кровать ину». А. В. Лонгвинов: «на казнь ину». Я. Малашев и Ф. Е. Корш: «на Каялину». Н. И. Маньковский: «и на Каялу ину». Е. В. Барсов увидел здесь другое название села Нежати́на Нива: «на каа^лниву». Актер МХАТа Иван Кудрявцев говорил Д. С. Лихачеву, что в рукописи мог поминаться библейский братоубийца и читать надо «на Каину». Н. С. Тихонравов и др. полагали, что речь о ковыле: «на ковылу». И т. д.

Однако еще Р. Ф. Тимковский в начале XIX в. пришел к выводу, что имеется в виду местность или город близ Чернигова, ведь в Лаврентьевской летописи под 1152 г. упомянут некий Канин: *Горгеви же идущо в Русь, пришедъ ста у Глухова. И приде къ нему множество половець и Ольговичъ Святославъ. И здумавше вси поидоша к Чернигову и перешедше Сновъ, и ста у Гуричева близъ города, перешедше Канинь (Лавр. Л. 113)*. Обширный комментарий Тимковского не был опубликован и утрачен после смерти ученого, последовавшей в 1820 г. Идеи и наблюдения московского профессора популяризировали его ученики И. М. Снегирев и М. А. Максимович. Под их влиянием Аполлон Майков переведил: «на зеленом поле у Канина».

Но в летописи *Канин* мужского рода, а *Канина* в «Слове» — женского. Значит, имеется в виду берег речки Канины или Канина ручья. Так понял переводчик Георгий Шторм, и большинство

исследователей с ним согласились. Где находился Гуричев, пока не ясно. Но К. В. Кудряшов установил, что между рекой Свинь и Черниговым в двух километрах восточнее города в Десну и впрямь впадает ручей (*СССР*. Вып. 2. С. 176–177). Вдобавок оказалось, что река Канина существует и в Болгарии.

Следует признать, что если автор «Слова» знает имя не упомянутого в летописных рассказах о событиях 1078 г. ручья (и даже называет его рекой), он знает и окрестности Чернигова. (Напомним, что в *ПВЛ* дан другой ориентир — село Нежатиная Нива.)

Зеленая паполома

То есть зеленый плац, — трава, которую на Нежатиной Ниве постелила умирающему Борису жажда славы.

Съ тоя же Каялы...

Упоминание Каялы в данном месте вызывает удивление исследователей. Наиболее последовательные позитивисты предлагают исправить здесь Каялу на Канину. Делать это, — значит не учитывать поэтической специфики «Слова», его динамических перевертышей, постоянного и последовательного *свивания обополы* событий прошлого и настоящего. Канина 1078 г. действительно рифмуется с Каялой 1185 г. На Канине впервые русский князь сам привел половцев на Русь, и впервые в междоусобной битве пал великий русский князь, на Каяле русские князья впервые попали в плен к половцам. Значит, *Съ тоя же Каялы...* можно перевести и как «С такой же Каялы». Так имя становится метафорой.

...Святоплѣкъ повелѣя отца своего между угорскими иноходьци...

Принимаем правку А. А. Потемни: *полелѣя отца своего* («нежно повез, колыхая, отца своего»), поскольку она подтверждена народными говорами (см.: *Козырев 1975*. С. 94–96).

Лелеять — тихо качать, бережно колыхать. Ярославна будет просить Днепр «возлелеять» к ней Игоря.

Иноходец — конь, который на бегу выносит вперед то две правые, то две левые ноги. На паре таких коней, прикрепив к ним

носилки, перевозили раненых или убитых князей (это можно видеть на миниатюрах из Радзивилловской летописи). У иноходца более плавный шаг, и потому он ценился больше, чем обыкновенный боевой конь. (На современной «Слову» фреске «Чудо Георгия о змие» в диаконнике староладожской Георгиевской церкви Святой Георгий едет именно на иноходце.) Как отмечают многие комментаторы, угорские (венгерские) кони ценились на Руси и в Европе.

Святополк

Святополк Изяславич, если верить «Повести временных лет», в битве на Нежатиной Ниве не участвовал (он был в Новгороде), а тело отца его Изяслава в Киев к церкви Святой Богородицы (к Десятинной церкви, построенной еще Владимиром Святославичем) сопровождал младший сын Ярополк. Но, как предположил, развивая мысль М. Д. Приселкова (1940), Д. С. Лихачев, автор «Слова» пользовался сокращенной Новгородской Софийской первой летописью и изложил события так, как они ему казались (по древнерусским представлениям, отца должен хоронить старший сын). И. М. Кудрявцев в 1949 г. обнаружил, что именно в Софийской первой летописи (*ПСРЛ*. Т. VI. Вып. 1. Стб. 204) сказано: *...и положиша и Изяслава въ святѣи Софии в Киевѣ* (что и процитировано в «Слове» практически дословно). Можно подумать, что на Руси существовали две версии о захоронении Изяслава. Однако, как показали Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин со ссылками на Е. Е. Голубинского (*История русской церкви*: 2-е изд. М., 1901. Т. 1. С. 182, примеч. к с. 181) и немецкого хрониста XI в. Титмара Мерзебургского, Десятинная церковь до возведения Софийского собора и, может быть, даже позднее иногда называлась Софией (*Мещерский, Бурыкин*. С. 456).

Рассказ поэта не во всем совпадает с *ПВЛ* и в других подробностях. По летописи Владимир Мономах сжег окольный город Чернигова, а в «Слове» сказано, что он каждое утро запирает (изнутри) ворота окольного города. Значит, автор «Слова» не киевлянин и, видимо, пользовался новгородскими древними источниками.

На Нежатиной Ниве Олег потерпел поражение и бежал в Тмуторокань. Всеволод стал великим киевским князем, а Владимир Мономах сел в Чернигове. В 1079 г. Олег попал в плен к хазарам

и был сослан в Византию, но через четыре года бежал и вернулся в Тмуторокань. В 1094 г. он в союзе с половцами снова подошел к Чернигову, и Владимир Мономах уступил ему город без боя.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась.

Этот текст отсылает к записи в Псковском Апостоле 1307 г., сделанной переписчиком Домидом (*ГИМ*. Синодальное собрание. № 722). Запись была открыта в 1813 г. К. Ф. Калайдовичем: *при сихъ князехъ сеяшется и ростяше усобицами гыняше жизнь наша въ князехъ которы и вещи скоротишася челоуекомъ*» (см.: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. 2-е изд. СПб., 1882. С. 170–171). Н. А. Мещерский и А. А. Бурыйкин со ссылкой на «Историю древнерусского языка» Л. П. Якубинского (М., 1953. С. 323) отмечают, что языковые формы в записи на Апостоле 1307 г. архаичнее соответствующих форм в «Слове» и что Домид имел в распоряжении более древний и исправный экземпляр «Слова». Однако комментаторы полагают, что разночтения этих текстов — результат того, что фрагмент неизвестного нам источника XI в. дошел без изменений в записи на Апостоле и подвергся переработке под пером автора «Слова». Мне представляется естественным предположение, что монах-переписчик, правильно поняв, что внук Дажьбога — русский народ, просто убрал упоминание о языческом божестве. (Подробнее см.: *Чернов*. С. 43–44.)

Мнение Д. С. Лихачева: «В Олеге “Гориславиче” и во Всеславе Полоцком автором “Слова” обобщены два крупнейших исторических явления: усобицы Ольговичей и Мономаховичей и усобицы Всеславичей и Ярославичей. Вот почему характеристики этих князей занимают такое большое место в “Слове”. Ограниченный в средствах художественного обобщения законами художественного творчества средневековья, замкнутого в кругу исторических фактов весьма узкого ряда, автор “Слова” прибег к характеристикам родоначальников тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать» (*Лихачев*. С. 96).

Б. А. Рыбаков полагал, что Ольговичами мог бы называть черниговских князей лишь сторонник Мономашичей и что употребление этого термина прекращается после 1196 г., поскольку

умирает киевский боярин и летописец Петр Бориславич. (СССПИ. Вып. 6. С. 231). Историк это было нужно для доказательства того, что «Слово о полку Игореве» и написал Петр Бориславич. Однако именно в 1196 г. почил Буй Тур Всеволод, а за два года до того глава всего «черниговского гнезда» Святослав Киевский. Через пять лет умрут Игорь Святославич и Владимир Святославич (сын Святослава Киевского). В Лаврентьевской летописи, как отмечает сам Б. А. Рыбаков, термин «Ольговичи» в последний раз встречается под 1210 г. Однако обратим внимание на контекст: *Того же лѣта прислаша с молбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфѣя Всеволодъ Чермныи и вси Олговичи прося мира и во всем покаряющесе великыи же князь видѣвъ покоренье ихъ к собѣ не помяна злобы ихъ цѣлова к ним крестъ а митрополита оучредивъ отпусти и с честью* (Лавр. Л. 148). Описана капитуляция Ольговичей. А это значит, что Петр Бориславич ни при чем. Сыновья Игоря Святославича в это время будут претендовать уже не на киевский, а на галицкий престол. Но троих из них в 1211 г. в Галиче казнят бояре. Термин исчезает потому, что влияние Ольговичей на общерусскую политику сходит на нет.

Хотя Петр Бориславич импонировал Б. А. Рыбакову своей светскостью и «патриотизмом», заметим, что этот боярин — весьма странный кандидат в авторы «Слова». О клевете его и предательстве им киевлян, за которым в 1169 г. последовал разгром Киева, сообщают Никоновская летопись и В. Н. Татищев. (Подробнее об этом см. статью Л. А. Дмитриева «Петр Бориславич»: ЭСПИ. Т. 4. С. 195.)

Гориславич

Прозвище Олега Святославича, известное лишь по «Слову». Отчество Гориславич найдено в новгородской берестяной грамоте № 262 (Арициховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956–1957 гг. М., 1963. С. 88–89) и встречается в Новгородской первой летописи под 1223 и 1240 гг. Первый компонент прозвища может восходить к словам *горѣ* (вверху) и *гѡре* (горесть), однако автор «Слова», повествуя о том горе, которое принес своим походом внук Олега Игорь Святославич, никогда не употребляет самого слова «горе», но заменяет его словами «туга», «печаль», «напасть». Полагаю, что дело в поэтическом табуировании слова «горе», которое в тексте поэмы неизбежно

рифмовалось бы с именем Игоря и пророчило бы новое горе Русской земле от только что вернувшегося из плена Игоря Святославича. Игоря поэт рифмует и аллитерирует со словами *горы, възъръ, зори, море* (чаще всего), *ни ГОРазду, поскочи ГОРЬносттаемь, Боричев*, но не со словом «горе». Это тем более естественно, что «старыми словесы» само имя *Игорь* звучало как Игор/е (с ударением на первый слог, но в *ни горазду* и *поскочи горьносттаемь* ударение также дважды на «и»).

При этом Даниил Заточник, младший современник автора «Слова», такой табуировки не знает и рифмует:

Кому Переяславль,
А мне Гориславль.
Кому Боголюбово,
А мне горе лютое.

К чему бы с этимологической точки зрения ни восходило прозвище Гориславич, поэтически в нем звучит слово «горе» (в значении «туга» или «напасть»), ведь для автора «Слова» именно с Олега Гориславича началась горе-слава и Ольговичей, потомков Олега.

Дажьбог/Дажьбог

Языческий славянский бог (ср. Дабог, Дайбог — бог солнца южных славян) появляется в «Слове» дважды, причем во второй раз не в церковнославянизированном, а восточнославянском по фонетике варианте своего имени: *Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука...* Оба раза языческий бог солнца упомянут не сам по себе, а как прародитель русских.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЬ

4. 1. С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя харалужные в поле неведомом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами косями засеяна и кровью полита, скорбью взошел этот посев по Русской земле. Что мне шумит, что мне звенит давеча рано перед зорями? Игорь полки поворачивает — жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина не хватило, тут пир довершили храбрые русичи — сватов напоили, а сами полегли за Русскую землю. Никнет трава от жалости, и дерево в печали к земле склонилось.

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода...

В галицких народных песнях зафиксирован практически идентичный оборот: *Ой чо жь ты шумишь, ой чо жь ты звенишь?..* (СССПИ. Вып. 6. С. 185).

Давеча — недавно, накануне. Именно наутро в воскресенье и произошел перелом в сражении.

Д. С. Лихачев пишет: «В “Слове о полку Игореве”, как и в *chansons de geste* (средневековых западноевропейских воинских повестях. — А. Ч.), сильно сказывается авторское начало» (Лихачев. С. 17).

Было бы странным, если б автор «Слова» каким-то образом не определил своего места в событиях 1185 г. Здесь мы впервые сталкиваемся с *авторским я* поэта: «Что мне шумит, что мне звенит давеча рано перед зорями? Игорь полки заворачивает...» Это речь не очевидца событий, а сопереживающего (но находящегося вдалеке от конкретного поля брани) современника: никаких подробностей, только мотивировка известных всем обстоятельств пленения Игоря — хотел придти на помощь брату и попал в плен. Дело же было так: когда ковуи дрогнули, Игорь поскакал наперерез беглецам, пытаясь их возвратить. Более ничего о роли Игоря в решающем сражении ни автор, ни летописцы нам не сообщают. Но, собственно, никакого ратного подвига Игорь на Каяле совершить не успел. Когда Игорь уже возвращался к своим полкам, на расстоянии полета стрелы половцы его перехватили. Последнее, что видел схваченный Игорь, — «крепко бьющегося Всеволода» (видимо, тот бросился на выручку брату, но не поспел). Летописец считает, что цель одиночного рейда Игоря — вернуть ковуев. Автор «Слова» описывает ту же ситуацию, но мотивировка у него иная: Всеволод и так «стоит в обороне» (сдерживая основные силы Кончака), но, если передовые полки покинут поле битвы, полк Игоря примет на себя только удар Гзака, а Всеволод — и Кончака, и Гзака.

Глагол *заворочати* (поворачивать назад или в сторону) не встречается в древнерусских памятниках. В диалектах он зафиксирован только под Смоленском, да еще в окрестностях Трубчевска говорят: *звърачай каня* (Козырев 1975. С. 76–77).

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы.

В эпитете Каялы, видимо, и заключено древнерусское ее название. Каяла — это река Быстрая, последний левобережный приток Северского Донца. Почти напротив ее устья в семнадцати километрах ниже современного города Белая Калитва в конце XII в. было основано древнерусское поселение (открыто ростовскими археологами в 2000 г., раскопки начаты в 2002-м). Существовало оно и в ордынское время. (См.: *Прокофьев Р. В.* Раскопки древнерусского поселения на Северском Донце. Предварительные итоги // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 110–119.) Подробнее о локализации Каялы см.: *Чернов*. С. 255 и след.

...ту пирь докончаша храбрїи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.

Игорь в самом деле был сватом Кончака, как это указывает летописец. Автор об этом знает, и потому в глаголе *докончаша* звучит и слово «чаша», и отчество Кончаковны (дочери Кончака), с которой, как полагают, Владимир Игоревич был помолвлен еще до похода 1185 г.

Комментарий Д. С. Лихачева: «Однако половцы были “сватами” русских князей далеко не в одном случае. Олег “Гориславич” был женат на дочери хана Асалуца. Святополк Изяславич Киевский был женат на дочери Тугорхана. Юрий Долгорукий был женат на дочери хана Аепы, внучке хана Осеня. Сын Мономаха Андрей Добрый был женат на дочери Тугорхана; Рюрик Ростиславич — на дочери хана Беглюка. Внучка хана Кончака была выдана замуж за Ярослава Всеволодовича. Как видим, обращаясь с призывом к русским князьям, направляя им в первую очередь свой призыв встать на защиту Руси, автор “Слова о полку Игореве” имел право назвать с горьким чувством врагов Руси — половцев — “сватами”» (*Лихачев*. С. 130).

4.2. Ибо уже, братья, не веселое время настало, уже немощь силу накрыла. Встала Обида в стане Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском пробудила мутные времена⁴². Борьба князей с погаными прекратилась, потому что сказали братья друг другу: «То — мое, а это — тоже мое!» И начали князья про малое молвить: «это великое!» и сами на себя междоусобицу выковывать, а поганые со всех сторон приходили с победами на Русскую землю.

⁴² Вариант: «Пробудила жадные, неразборчивые времена» — такое значение слова *жирный* представлено в белорусском диалектном словаре. Ср. следующие рассуждения об имущественных спорах князей.

Дева Обида

Олицетворение обиды-несправедливости. Д. С. Лихачев в статье «Устные истоки художественной системы “Слова о полку Игореве”» (Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 53–92) показал, что слово «обида» здесь относится к феодальной терминологии XII в. и означает «нарушение права, несправедливость». Для времени автора «Слова» употребление этого термина по отношению не к частной обиде (князя, княжества или города), а ко всей Русской земле было смелой метафорой. Образ «девы Обиды» пытались объяснить через Деву-Артемиду (А. В. Лонгинов) или ее римскую сестру Диану (А. С. Шишков), через погубившую Троию Елену (П. П. Вяземский), греческую богиню вражды и распрей Ерис (А. Н. Афанасьев), одну из валькирий (Ф. И. Буслаев).

Ближе всех к цели, на мой взгляд, был П. П. Вяземский. Дело в том, что Елена Прекрасная — вылупившаяся из яйца дочь античной богини «девы Немезиды», дочери Никты (Ночи). Немезида — богиня мести, наблюдающая за справедливым распределением благ меж людьми и карающая тех, кто преступает закон. По одному из мифов, Немезида, пытаясь спастись от Зевса, превратилась в гусыню, но Зевс обернулся лебедем. Насилие над Немезидой привело к рождению Елены и, в конечном счете, к падению Трои. Так и Игорь с Всеволодом после того, как русские князья стали воевать друг с другом за уделы, отправились «поискать град Тмуторокань». Полагаю, что столь насыщенное параллелями сближение (земля Трояна как античное Причерноморье и связь с греческой цивилизацией; Дева Обида и богиня справедливости и мести Немезида; образ плещущих гусяно-лебединых крыльев при зачатии Елены и распря, которая охватила весь античный мир после ее рождения) *странным* быть не может.

Кстати, ссылка на Гомера (Омира) есть в Ипатьевской летописи (стб. 770).

Другое дело, что на образ девы Обиды, видимо, повлияли и фольклорные представления: А. Н. Веселовский сравнивал его с образом Судинушки (судьбы) из северорусских причитаний, М. А. Максимович — с литовской Девой-Чумой, которая огненным платом навевает на землю смерть, А. А. Потеня — с Кручиной и Горем народных песен, О. Ф. Миллер — с Кривдой и Лихом, А. С. Орлов — с былинной девой-лебедью. Возможно и книжное

христианское влияние: в Византии была распространена легенда, согласно которой Антихрист рождается от девы по имени «Несправедливость» и по прозвищу «Гибель», которая зачнет его, съев голову рыбы (см.: *Клейн И.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература // *ТОДРЛ.* XXXI. Л., 1976. С. 110).

Дева Обида *всплескала* лебедиными крыльями на море у Дона. Отмечено, что, хотя *всплескати* (*плескати*) по данным письменных памятников «хлопать в ладоши» или «рукоплескать», в современных брянских говорах это слово употребляется в значении хлопать по воде: *Гуси... тады васплешиуца; Аны как васплешиуца, тэк усю ваду узбурдычать* (*Козырев 1976.* С. 95–96). *Всплескаться* (начать усиленно разбрызгивать воду) — *тул., курск.* (*СРНГ.* Т. 5. С. 208–209).

Восплескав, Дева Обида замутила, взбаламутила обильные времена. Видимо, можно отказаться от конъектуры В. Ф. Грамматина, исправившего *убуди* («разбудила») на *упуди* («вспугнула, встревожила»). Хотя *убуди* — «пробудила», речь идет о дне реки или моря, а потому плеск лебединых крыл именно пробуждает *жирня времена*, то есть поднимает со дна ил, взбаламучивает воду. Об Игоре сказано, что он «погрузил жир во дне Каялы, реки половецкой, русского золота насыпав». И потому: «Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильно течет среди земли русской». То есть жир-обилье превращается в черную грязь, в начальное свое состояние. По-древнерусски *жир* — место кормления, в том числе и пастбище, и заливной луг. Отсюда глагол *жировать*. В брянских и псковских говорах *жир* — «богатство» (*Козырев 1976.* С. 97; *СРНГ.* Т. 9. С. 181).

Кроме того, после *убуди* аллитерационный подхват (*усобица*) становится более вынтым.

...рекоста бо брать брату: се мое, а то мое же...

Здесь, как отмечает Д. С. Лихачев, налицо выворачивание наизнанку этикетной формулы *се мое, а то твое*: «Автор “Слова о полку Игореве” нарушает эту двучастность, он сатирически изображает договоры князей и пишет не “се мое, а то твое”, а “се мое, а то мое же”, подчеркивая этим стремление князей захватить себе как можно больше. Таким образом, и здесь термин, формула перерастает в образ, становится средством художественного воздействия» (*Лихачев.* С. 217–218).

Замечательно и двойственное число глагола *рекоста*, смысл которого в том, что это не один брат сказал другому, а оба друг другу.

В 1947 г. Б. А. Романов высказал такое соображение: во времена «Слова» междоусобицы столь вошли в быт, что само слово *усобица* стало синонимом вообще войны (*СССПИ*. Вып. 6. С. 106). Однако примеров такого смещения в других памятниках не обнаружено, а потому данное явление, видимо, следует отнести к сфере поэтики «Слова». То, что прозой можно перевести как «борьба князей с погаными прекратилась», дословно звучит как как мощная в своей парадоксальности метафора: «усобица князей с погаными погибла».

4.3. О, далеко залетел сокол, птиц побивая, — к морю! А Игорева храброго войска не воскресить. О нем заголосила Карна, и Желя помчалась по Русской земле, сея людям горячие уголья и горе⁴³ из огненного рога. Жены русские восплакали, причитая: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслить, ни думою сдумать, ни очами увидеть, а злата да серебра и вовсе не потеревить!» А застонал, братья, Киев от скорби, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильно течет среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу выковывают, а поганые сами с победами приходят на Русскую землю, собирая дань по белке от двора.

⁴³ Смáга, собственно, — «жар», ср.: «жар, пламя, сухость во рту»; «жажда»; «сажа, копоть», *вологодск.* (Даль), *укр., блр.* смáга — «сухость на губах; жажда», *др.-рус., рус.-цслав.* смага — «огонь» (СПИ), *рус.-цслав.* смагль φαίος («темный»), *сербохорв.* смáгнути, смáгнѐм — «темнеть», *словен.* smága — «смуглая кожа», smágniti, smagnet — «изнывать от тоски», *чеш.* smaha, smáha — «жар, зной, ожог», smahlý — «сушеный», smahnouti — «сушиться, сохнуть», smažiti — «жарить, поджаривать; загорать», *словац.* smažiť — то же, *польск.* smaga — «сухость во рту», smazyć — «сушить, поджаривать», *в.-луж.* smaha — «загар», smahnyć — «сушить», *н.-луж.* smaga — «ожог; поле под паром», smagy — «загорелый», smagnusъ — «сушить», *Фасмер.* Т. 3. С. 682–683. — А. Д. См. на с. 200. — А. Ч.

В «Слове» описано то, что обычно принимают за последствия разорения Посемья Гзакком. Но летописное свидетельство (см. с. 335) позволяет понять, что речь о том умноженном мятежами горе, которое обрушилось на Посемье после известия о каляльской катастрофе.

...а Игорева храбраго плъку не крѣсити.

В основе этого выражения, как указал Д. С. Лихачев, встречающаяся в летописи формула отказа от кровной мести. В 945 г. ее при творно произносит Ольга после убийства древлянами Игоря Рюриковича (см.: *Лихачев*. С. 216).

Но, поскольку христианское имя Игоря Святославича — Георгий, а на слух слова «Игорева храброго...» практически неотличимы от «Егорева храброго» (Егорий Храбрый — народное имя Георгия Победоносца), значит, мы имеем дело со смысловой (применительно к ситуации 1185 г.) перелицовкой старинной формулы. Две идущие практически друг за другом реминисценции из летописного рассказа о мести Ольги (см. ниже) говорят о наличии в этом месте подтекста.

Кресити

Воскрешать (*брян., тул.*) См.: *Козырев 1975*. С. 128.

...за нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.

Карна и Желя — Печаль и Скорбь. Первые издатели полагали, что Карна и Жля — имена половецких ханов, но в 1866 г. А. Ф. Вельгман показал, что в Ипатьевской летописи под 1185 г. сказано: *..наведе на ны Господь гнѣвъ свои в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Калялы (Ипат. Стб. 642–643)*. Он же предположил, что карна — плач по умершим (от *карити* — оплакивать).

В брянских говорах *Карна* — скорбь, мука (см.: *Козырев 1976*. С. 94)⁴⁴.

⁴⁴ Стандартное уменьшительное *карнуша* (трясавица, лихорадка) — онежское (архангельские говоры). См.: *СРНГ*. Т. 10. С. 96. Об этимологии и значении слова *каръна* см. мои примеч. к реконструкции древнерусского текста (*Чернов*. С. 413).

Смага в разных русских говорах (*брян., калуж., смол., пск.*) — 1) жар, сухость во рту, оскоми́на, изжога, лихорадка, болезненный налет на губах от высокой температуры; 2) жажда (*курск., орлов., псков., смол.*, производное *смаговать* — в *смол.*); 3) грязь (*волог., курск.*); 4) чернота, сажа, копоть (*волог.*) И только в «Слове», в брянских и саратовских говорах *смага* встречается в значении «горе». (*Козырев 1975. С. 82–85; СССПИ. Вып. 5. С. 175–180.*) На Брянщине диалектологи В. И. Чагишева и Т. А. Бабешкина в 1969 г. записали песню: *Смагу мыкъл гърямькѣй, дѣннѣй пищи не имел* (*СССПИ. Вып. 6. С. 238.*)

...въ пламянѣ розѣ...

Огненный рог (при всех апокалиптических ассоциациях) — или атрибут древнего похоронного обряда трупосожжения, или трубка для метания «живого огня» (в 1185 г. в походе на половцев Святослав Всеволодич захватил такой аппарат вместе с обслуживающим его «мужем бесурменином»), или — и то, и другое.

Жены рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.

По догадке писателя Алексея Югова, здесь (и ниже в тексте) под золотом и серебром имеются в виду не драгоценности, а золотые кудри и седины русских воинов (см.: Слово о полку Игореве. М., 1970. С. 164. Библиотечка школьника.). Это и есть то самое «злато и сребро», которое Игорь утопил на дне Каялы, принеся жертву собственной гордыне.

Въсплакатися

Громко заплакать, причитая. Вне фольклорно-поэтического контекста слово встречается на ограниченной территории в брянских, курских, орловских, псковских, тульских говорах: *Приехъли з вукуации, нема ничего, восплакълися мы, уш так жалка плакъли, што у нас нима ничяго* (записано в Трубчевске); *...ана каталься, кричала, фсе кругом восплакълися, сироты асталтся* (записано в Карачеве). См.: *Козырев 1975. С.120.*

...емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Бела — не только шкурка белки, но и мелкая новгородская серебряная монета. О дани «отъ двора» говорится в «Повести временных лет» в рассказе о мести Ольги (945).

Обратим внимание, как лукаво перетекают созвучия: *по бѣлѣ отъ двора*. — *Та бо дѣва хра...брая Святъславлича...* (реконструкция текста А. В. Дыбо). А. А. Зализняк полагает, что слово «два» — позднейшая вставка, поскольку при двойственном числе оно избыточно. Однако тогда придется признать, что и рифма *двора* — *дѣва хра...* — простая случайность. Но применительно к Святославицам рифменная растяжка слова «храбрые» весьма красноречиво окрашена и болью, и иронией.

Комментарий Д. С. Лихачева: «Поразительна точность выбора выражений в характеристике последствий поражения Игоря: “а вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями”. Черниговская земля действительно подверглась “напастям”, реальным несчастиям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подверглись; “туга” — тоска, печаль — за всю Русскую землю распространялись здесь как в центре Руси; Киев страдает, следовательно, не собственными несчастиями, а несчастиями всей Русской земли» (*Лихачев. С. 126*).

Уточним, что по летописному рассказу «напасти» Черниговской земли начались еще до нападения на нее Гзака — с мятежей и грабежей, вспыхнувших после известия о каяльской катастрофе.

ПЯТАЯ ПЕСНЬ

5. 1. Ибо те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже неправду пробудили, которую прежде усыпил отец их Святослав — грозный великий Киевский. Он прибил ее грозою — своими сильными полками и харалужными мечами, когда наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, замутил реки и озера, иссушил ручьи и болота. А поганого Кобяка в Лукоморье исторг, как смерч, из строя железных великих половецких полков, и упал Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецийцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который утопил благополучие на дне Каялы, реки половецкой, насыпав в нее русского злата. Тут Игорь-князь и пересел из золотого седла в седло невольника. Приуныли городские стены, а веселье поникло.

...уже лжу убудн...

Лжа — ложь, неправда, обман. Но в двух древнерусских памятниках оно встречается в значении «распря» (см.: *СССПИ*. Вып. 2. С. 59). В. А. Козырев пишет: «Диалектных параллелей обнаружено не было. В связи с этим особый интерес представляют брянские материалы: *лжа* — раздор, несогласие. *В доме лжа рѣзвелась, бротноуца уси* (Трубчевск). Ср. также *лжа* — неправда, ложь. *Лжа — эта брехня, идетъ, адин нѣ аднаго брешуть...* (Трубчевск). См.: *Козырев 1975*. С. 96

...отець ихъ Святъславъ грозный великій кїевскій.

Автор вновь играет именами князей. Может показаться, что речь о Святославе Ольговиче, отце Игоря и Всеволода. Однако поэт начинает рассказ об их двоюродном брате Святославе Всеволодиче (ок. 1125–1194). Он старший среди Ольговичей и самый старый среди русских князей, с шестой попытки удержавшийся на киевском престоле и ставший великим киевским князем только в 1181 г., — не родной, а феодальный отец «храбрых Святославичей» (это и дает ему право ниже обратиться к двоюродным братьям, назвав их «сыновцами» — племянниками). Автор идеализирует Святослава и несколько преувеличивает его реальную роль в политической жизни тогдашней Руси, что, вероятно, говорит о близости автора «Слова» к киевскому князю. На самом деле Святослав правит только Киевом, а всей Киевщиной повелевает сидящий в Белгороде Рюрик Ростиславич. При этом Рюрик в борьбе за киевский престол в 1181 г. одолел Святослава, на чьей стороне тогда были и Игорь с Кончаком, но пригласил его соправительствовать.

Близость автора «Слова» к Святославу весьма вероятна: в «Слове» одна из девяти песен целиком посвящена полоцким князьям, а женой Святослава Всеволодича была Мария Васильковна Полоцкая. На это указал А. В. Соловьев в статье «Политический кругозор автора “Слова о полку Игореве”» (Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 71–103). При этом лингвисты находят в «Слове» многочисленные свидетельства северо-западного (псковского или полоцкого), а диалектологи — брянского происхождения текста. (Подробнее см.: *Чернов*. С. 201–209).

...а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихръ выторже, и падеся Кобякъ въ градъ Кіевъ въ гриднищѣ Святъславли.

Кобяк Карлыевич — половецкий хан. В 1183 г. его вместе со *двема сынома* пленил Святослав Всеволодич Киевский (а если точнее, — участвовавший в том походе Владимир Глебович Переяславский).

Имя Кобяк, возможно, восходит к кыпчакскому (половецкому) *köbek* — собака⁴⁵.

Гриднища

Зал для пиров в княжеском тереме, где собираются *гридни* — высшие дружинники.

Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря...

Венецици — венецианцы, *морава* — население Моравии. Исследователи отмечают, что близкая параллель к такому перечислению народов содержится в «Повести временных лет» (1111), а также в «Житии Александра Невского» и в «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.). Провал похода Игоря в перспективе мог открыть половцам путь в юго-западную Европу.

Кстати, именно с моравы, племени, которое осело по реке Мораве, начинает свой рассказ о расселении славян с Дуная автор «Повести временных лет».

Каять

Глагол с несколькими значениями в современных русских говорах: 1) проклинать, бранить (см. о Всеволоде в бою: *кая раны...*);

⁴⁵ Скорее, судя по значениям в современных кыпчакских языках, не просто собака, а специфическая порода — крупная лохматая охотничья собака. Возможно, русское кобель является переразложением более раннего *кобелёк*, которое может быть заимствованием из старокыпчакского *köbe-lek* — производного от *köbek* — «порода собак», см.: Новое в русской этимологии. Т. I. М., 2003. С. 104–105.

2) раскаиваться (*урал.*); 3) исповедовать (*олонец.*); 4) выращивать, вскармливать (*липецк.*); 5) выпытывать (*орл.*); 6) выпрашивать (*иркут.*) 7) осуждать (*брян., орл., дон., арх.*); 8) воспитывать (*брян.*); 9) жалеть (*брян.*). В. А. Козырев полагает, что в данном месте текста более всего подходит последнее значение и приводит записанное им в Карачеве: *Тогда деда усе каютъ: сколько он горюшка хлебнул* (Козырев 1975. С. 86–87). Заметим однако, что в данном контексте подходит и «жалеть», и «проклинать». Игоря кают за *Каялу*, в которой он утопил «русское золото». Это еще один пример «темного стиля».

...иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша. Ту Игорьъ князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево...

В «Повести временных лет» под 1114 г. киевский летописец рассказывает о том, как ему в Ладоге дети приносили «глазки стеклянные, и малые и крупные, проверченные», причем часть из них, «которые выплескивает вода», находят после бури на берегу Волхова. «Глазки» — это стеклянные бусы (в том числе и так называемые «глазчатые»), которые еще за век до прихода в Ладогу Рюрика стали у славян Приладожья первой валютой. Ладожская стеклодельня работала, как установил в 1980-х гг. археолог Е. А. Рябинин, с 780-х до 830-х. Здесь по арабской технологии (из привозной золы солончаковых растений и местного кварцевого песка) низкотемпературным способом изготавливались бусы и бисер. Ладожане обменивали их у окрестных охотников на меха, а меха продавали арабским и скандинавским купцам за серебро. (Рябинин Е. А. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе // Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 43–50.)

В 1114 г. в Ладоге посадником Павлом и новгородским князем Мстиславом была заложена новая каменная крепость (вероятно, это было приурочено к 250-летию закладки Рюриком Новгорода). Престарелый Нестор, пытаясь ответить на свой же вопрос: «откуда есть пошла земля Русская», посетил в то лето Ладогу (древнейший город восточных славян, ставший первой столицей призванного сюда в 862 г. Рюрика) и собрал, как он сам сообщает на последних страницах своей летописи, при помощи местных мальчишек коллекцию более чем из ста ладожских «глазков». При этом

Нестор полагал, что ладожские «глазки» выпадают непосредственно «из тучи». В другую крайность впадают современные археологи, считающие, что все «глазки» были собраны из размытого культурного слоя (в том числе и те, которые после бури *выполаскивает вода*). Согласно арабским источникам, в X в. за красивую бусину на Руси можно было купить раба или рабыню, и даже на Староладожском Земляном городище одна глазчатая бусина попадает в среднем на десять квадратных метров культурного слоя. Потому невозможно, чтобы после дождя в реку могло попасть значительное количество «глазков». При этом средневековые серебряные монеты (в том числе и арабские дирхемы IX–X вв.) до сих пор можно найти на берегу Волхова и Ладожки. Когда вода спадает, современные школьники собирают их с илистой поверхности волховского дна. По воспоминаниям ладожских старожилов, в 1930-х гг. у ладожской пристани швартовались колесные пароходы, и на берег вымывало столько бус, что дети приносили их домой десятками, а их матери не знали, что с этим сомнительным богатством делать, и по ночам возвращали его Волхову.

Вот и в Новгороде до середины XX в. существовал обычай: проходя мимо Перыни, рыбак кидал в воду монету (плату Перуну). Об этом, в частности, вспоминает и археолог В. Д. Берестов (*Берестов В. Д. Избранные произведения: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 464*). Такую же плату должны были приносить Велесу и выходящие из Ладожской гавани купцы. Обычай приносить в дань языческим богам золото или другие драгоценности известен с древнейших времен. Следы его мы обнаруживаем и в евангельском осуждении того, кто зарыл в землю свой талант (Матфей 25: 24–30), и в шекспировском «Гамлете» (Горацио говорит, что призрак осужден бродить ночами за то, что при жизни предал земле сокровища). Дожил этот обычай и до наших дней: во всем мире принято кидать монетку в море или фонтан, чтобы «обязательно вернуться».

Итак, насыпав в Каялу «русского золота», Игорь совершил обряд жертвоприношения, причем жертвоприношения человеческого, ведь под «золотом» и «серебром» здесь имеются в виду не монеты, а русые и седые головы его дружинников.

Дно

Здесь — «глубина» (*брян., смол. См.: Козырев 1975. С. 122*).

Кощей

Это слово было принято первоиздателями за имя собственное. В дальнейшем оно было обнаружено в трех древнерусских памятниках или в значении «пленник, раб, слуга» (*СССПИ*. Вып. 3. С. 16) или, возможно, — «кочевник» (глава коша, то есть рода). В брянских говорах кощей — «слуга»: *Слуги, работники, тѣк ых тады кашшэями звали* (*Козырев 1976*. С. 98).

...уныша бо градомъ забралы...

Забрало/забороло — верхняя часть крепостной стены, крытая галерея с внутренней ее стороны. На забралах находились сторожа, а во время осады города и его защитники. С путивльского забрала прозвучит плач Ярославны. Во владимирских говорах *забороло* — забор (*Козырев 1975*. С. 139).

5.2. А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах: «Этой ночью с вечера, — рассказывал он, — укрывали меня черной пеленой на ложе тисовом, черпали мне синее вино, со скорбью смешанное, сыпали мне пустыми колчанами язычников-толмачей крупный жемчуг на грудь и ублажали меня. Уже кровля без конька на моем тереме златоверхом. Всю эту ночь с вечера серые вороны каркали, на лугу у Плесенска стояли адовы сани⁴⁶ (вариант: леса Кисанские) и двинулись они к синему морю!»

⁴⁶ Скорее «вороны вскрикивали у Плесенска». На болони *бъша дьбрь кисаню*: испорченное место. Минимальные необходимые конъектуры: *саню* — ошибочное прочтение *сани* (со слегка размазанной второй мачтой *и*); *дьбрьки* — из *дьбрьски* с потерянным выносным *с*. *Дьбрьски сани* может быть переведено либо как «овражные змеи», либо (если брать метафорическое значение *дьбрь* «яма, овраг» как «преисподняя», встречающееся в памятниках) как «адские сани». *Бъша* — множ. число, поэтому, если не принимать второй конъектуры и считать, что подлежащее предложения — *дьбрь*, следует считать, что это графическое изображение формы *дьбрьь*, что, в принципе, возможно для ранней графической системы «Слова», но не находит себе морфологического подтверждения, так что перевод «Кисанские леса» очень маловероятен не только из-за того, что соответствующий топоним нам неизвестен, но и по морфологическим причинам.

Д. С. Лихачев пишет: «Как и в “Песне о Роланде”, где седобородый император Карл сочувствует Роланду и оплакивает его, хотя и осуждает, — в “Слове о полку Игореве” седой киевский князь Святослав оплакивает гибель Игорева войска, жалеет о судьбе Игоря и одновременно его осуждает» (*Лихачев*. С. 16).

По летописи, Святослав узнал о самовольном походе Игоря Святославича не в Киеве, а в Новгороде-Северском, возвращаясь из Карачева, где собирал «с верхних земель» воинов, чтобы идти на Дон на все лето. Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин предлагают читать: «А Святослав мутный сон видел: “В Киеве на горах этой ночью с вечера...”» Однако такое чтение нарушает интонационную завершенность экспозиции сна Святослава. Далее комментаторы справедливо отмечают, что, «согласно Ипатьевской летописи, Святослав, будучи в Чернигове, слушает рассказ Беловолода Провосича, *прибежавшего съ тоя брани*, о поражении Игоря; в “Слове” же местом действия является Киев — стольный град великого князя». Но поэт волен излагать события так, как ему требуется. Фольклорная статуарность вещего сна требует, чтобы киевский князь увидел его «в Киеве на горах».

Тисовая кровать

Кровать из тиса. Тис в Скандинавском мире почитался священным и смертным деревом. В русском фольклоре тисовая кровать превращается в «тесовую», то есть в гроб. Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин отмечают, что слово «кровать» на Русь пришло из греческого и «в эпоху создания памятника было, по всей вероятности, заметным, ярким и экзотичным; на кровати могли лежать либо знатные, либо больные». Комментаторы считают, что «“синее вино” — символ скорби и печали. В русском фольклоре выразительно противопоставление “зеленого вина” (молодого виноградного вина), непременно атрибута пиров, и “синего вина” (крепкой водки или спирта), которое могло быть ритуальным питьем при похоронном обряде или употребляться при бальзамировании умершего» (*Мещерский, Бурькин*. С. 462–463). А. В. Дыбо полагает, что здесь «синее» явно в значении «темно-красное» (ср., например, сербское *црно вино* — «красное вино» (буквально «черное», а нормальное значение слова *синий* для раннего древнерусского — «багровый»). Соглашусь, что символика этого сна стандартна для фольклора: красное вино

символизирует кровь, а крупный жемчуг — слезы. Однако как тогда быть с «синим морем»?

А. М. Панченко, отмечавший, что древнерусский книжник, как правило, не нуждается в цвете, подчеркивал: «наиболее окрашенным оказывается самое талантливое произведение древнерусского словесного искусства — “Слово о полку Игореве”» (Панченко А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // *ТОДРЛ*. Л., 1968. Т. 23. С. 3–15). О цвете в «Слове» см. также: Чернов. С. 145.

...сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно...

Тулы — колчаны. Но по-скандинавски «тулы» — списки скальдических эпитетов. Поэты-скальды были нередкими гостями при дворе киевских князей, и потому упоминание о «тощих тулах поганых толкователей», скорее всего, — насмешка древнерусского поэта над этикетной и архаичной поэтикой северных иноземцев. Без этого *второго дня* вся фраза выглядит весьма дико, и толмачи, черпающие жемчуг тощими колчанами и при этом убажующие Святослава, смотрятся малоубедительно.

...и негують мя...

Неговать — нежить, ласкать. Слово известно по трем памятникам XIII–XV вв. Встречается в «Словаре» Даля (без региональной привязки). Обнаружено в брянских говорах (*Козырев 1975*. С. 98).

...уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.

Это место долго оставалось темным. Полагали, что *кнѣсь* — «верхний продольный брус кровли», который в разных русских диалектах называют и коньком, и князьком. Но в смоленских говорах кнес — «матица»: *на кнесе усе доски пѣталка лижать* (*Козырев 1975*. С. 90–91). Матица — балка, положенная поперек досок потолка и поддерживающая их.

Однако гатчинский архитектор-реставратор А. А. Семочкин, с которым я консультировался в конце 1970-х, уверенно предположил, что в «Слове» имеется в виду не матица, а охлупень.

Эту часть кровли изготавливают из крупного бревна и укладывают на гребень двускатной тесовой крыши. Еще в XIX в. на Руси считалось, что для облегчения страданий умирающего (особенно колдуна) надо приподнять охлупень. Если с гребня тесовой кровли снять охлупень, то при боковом ветре с противоположной стороны кровли образуется область низкого давления, и тесовый настил крыши, выбитый снизу силой атмосферного давления, начнет разлетаться. В основе тот же физический эффект, что приводит к отрыву самолета от земли.

В 1972 г. диалектолог В. И. Чагишева записала в Брянской области: *крепка пь кнису тикеть*. (Речь идет именно о гребне крыши.)

Заметим, что в обоих случаях строение без кнеса (охлупня или матицы) — метафора государства без князя. Однако предпочтительней брянская параллель, ведь говорится о *златоверхом* тереме (эпитет подсказывает, что терем увиден снаружи) и имеется в виду образ саморазрушающегося без видимых причин дома.

Всю ночь съ вечера босувн врани възгряху у Плъньска на болони, бѣша дѣбрь Кисаню и не сошлю къ синему морю.

Темное место. А. А. Потемня предлагал править это на «*дебри кияне*» (Киянские овраги или леса. Речка Киянь протекала неподалеку от Киева).

Уже А. Ф. Вельтман, М. А. Максимович и А. Ф. Гильфердинг исправляли *не сошлю* на *несошясь* или *несошяся*. Получалось, что овраги, находящиеся севернее Киева, подступают к городу и простираются дальше на юг, к синему морю⁴⁷. Однако до моря с полтысячи верст. Да и «расползающиеся овраги» хоть и аукаются с теми «холмами и яругами», которые Святослав притоптал во время своего похода в Лукоморье, почему-то все же не кажутся достойными увенчать сон Святослава.

Поскольку в предыдущих строках речь идет о саморазрушающемся тереме и летящих по ветру досках кровли, полагаю,

⁴⁷ Перевод «простерлись, распространились» для *несошася* возможен, но только в сочетании с субъектом типа *мѣлва*, *слоуси* и подобное (см.: *Слов. XI–XVII*. Вып. 11. С. 308); вряд ли такое словоупотребление возможно с оврагами, не говоря о морфологической несогласованности (см. предшествующую сноску).

что здесь говорится о неких лесах (Кисанских дебрях), которые вместо того, чтобы защищать Киев, сами срываются и двигаются к синему морю. Если так (правим на *дебри Кисани* или *дебри Кыяни*), то это смысловая рифма к одному из самых поэтичных выражений «Повести временных лет». Метафора обступающих (или проступающих на рассвете, как лес) вражеских полков в летописи впервые встречается в рассказе о походе на половцев 1111 г. Владимира Мономаха: *...иноплеменници собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велици и тмами тмы и оступиша полкы Рускыи* — «...Иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские...» (*Ипат.* Стб. 267). Это и цитируется в летописном рассказе о походе Игоря Святославича: *И облегоша тоу свѣтаюци же соуботѣ начаша выстоупати полци Половецкыи, акѣ боровѣ <...> бысть бо ихъ беицисленое множество...* — «И окружили тут, и как начало светать в субботу, то проступили полки половецкие, как леса...» (Стб. 641).

Заснули в степи — проснулись, окруженные лесом врагов.

Разница лишь в нюансах метафорической мотивировки: у летописца 1111 г. полки половцев выступают, как леса (непонятно откуда), и обступают русских (видимо, в оригинале было: «иноплеменники собрали полки свои и выступили; и, как великие леса, обступили полки русские»). В 1185 г. другой летописец поправил: половецкие полки проступают на рассвете, как леса (и князья не знают, кому против кого идти, поскольку их так же окружили, как и в 1111 г.).

Цитирует летописный рассказ 1111 г. и автор «Слова». Его *Рускыи пѣлкы оступиша* — эхо к *и оступиша полкы Рускыи*.

Но не исключено, что читать надо *дѣбрьски сани*. Выражение *огнь дѣбрьскый* («адский огонь») зафиксировано в памятнике XII в. (перевод Евангелия; см.: *СССПИ.* Вып. 2. С. 17). Здесь может иметься в виду множественное от *сань* («змея, дракон»), как считали В. Н. Перетц, А. С. Орлов и М. В. Щепкина. Тогда к синему морю во сне Святослава ринулись «адовы змеи» (Гзак и Кончак, с двух сторон спешащие перехватить Игоря). Но поскольку «сани» были у Плесенска на лугу, то, скорее, речь о санях на полозьях, как указал писатель и автор первого советского перевода «Слова» (1926 г.) Георгий Шторм. Если так, то первая ассоциация — поход на половцев Владимира Мономаха 1111 г., который отправился к Дону (то есть к синему морю) по снегу на санях, но у Хорола

«сани побросал». И тот же Владимир Мономах начал свое завещание потомкам выражением «сидя на санях», то есть «готовясь к смерти» (сейчас бы сказали «одной ногой в могиле»). Неверно думать, что в начале XII в. это было только идиомой. Древний обычай в любое время года увозить покойника к его последнему жилищу на санях вряд ли был повсеместно утрачен. (Иначе летописец не осуждал бы древлян, соблюдавших «звериные обычаи», а также радимичей, вятичей, северян и кривичей, которые жили в лесу, а мертвецов сжигали и выставляли прах в горшках по лесным дорогам на столбах. И тем более не добавлял бы, что вятичи «делают это и теперь».)

В этом случае понимать надо так, что Святослава усадили на «дебрьские» (адские погребальные) сани, такие, на которых покойника отвозили для сжигания в лес или в лесной овраг (*дебрь*), и под крик плесенских воронов повезли к синему морю.

В рамках «темного стиля» возможна каламбурная комбинация из нескольких толкований этого места.

Заметим, что во сне Святослава эхом откликается «Слово о князьях» (вторая половина XII в. — до 1185), анонимная черниговская проповедь, осуждающая княжеские убоицы. Здесь, в частности, рассказывается о чуде: у терема разошелся верх, и сквозь щель влетает белый голубь. Это и переосмыслено в «Слове о полку Игореве» — не белого голубя, а серых воронов всю ночь слушает Святослав Всеволодич.

5.3. И сказали бояре князю: «Уже, князь, кручина ум полонила: то два сокола слетели с отцова злата престола, чтобы возвратить град Тмуторокань или хотя бы испить шеломом Дона. Уже тем соколам крылышки подрезали саблями поганых, а самих опутали путами железными. Темно было в третий день, два солнца померкли, оба багряных столпа погасли, и с ними два молодых месяца, Олег и Святослав, оба тьмою заволоклись... На реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле рыщут половцы, точно выводок гепардов... И оба в море погрузились, и великую силу придали хину. Уже напала хула на хвалу, уже насело насилие на волю, уже набросился Див на землю. Вот и готские красны девицы запели у берега синего моря, звеня русским золотом, поют о времени Бусовом, лелеют месть Шаруканову. А мы уже, дружина, лишились⁴⁸ веселья!»

⁴⁸ Возможный перевод для *жадни* — ср. такие современные (и позднесредневековые) значения, как *укр.*, *белорус.* *жадний* — «никакой», *польск.* *żaden* — «никакой, ни один».

М. И. Стеблин-Каменский полагал, что по поэтике толкование сна боярами близко к стихотворным висам, вставленным в исландские саги, где также в иной форме излагаются события, уже известные читателю (см.: *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги: Становление литературы. Л., 1984. С. 64).

Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями...

Н. С. Тихонравов писал: «Сокол с обрубленными крыльями называется в народной поэзии пешим» (*Тихонравов Н.* Слово о полку Игореве. М., 1866. С. 65). Метафора очевидна: двух соколов, Игоря и Всеволода, спѣшили, подрубив им саблями крыльшки (*крыльца* — уменьшительное). В переносном значении *припешать* — потерять силу. Слово найдено в брянских, орловских, смоленских говорах (*Козырев 1975.* С. 108).

...два солнца помѣркости, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца Олегъ и Святѣславъ тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрывла...

До этого говорилось о «четырёх (русских) солнцах» — удельных князьях Игоре Новгород-Северском, Всеволоде Трубчевском и Курском, Владимире Игоревиче Путивльском и Святославе Ольговиче Рыльском, которых хотят прикрыть черные тучи идущих с моря половцев. Вот и Ипатьевский летописец в начале своего рассказа назвал лишь князей, вышедших с собственными дружинами. И указал, кто и откуда шел: Игорь из Новгорода-Северского, Всеволод из Трубчевска, Владимир Игоревич из Путивля. Отдельно оговаривается, что Ярослав дал полк ковуев во главе с Ольстином. Но в Лаврентьевской летописи сказано об участии в походе *двух* сыновей Игоря (*Лавр.* Л. 134 об.).

Полагают, что слова «Олег и Святослав» — позднейшая вставка, а «два багряных столпа» — след, оставленный двумя померкшими солнцами (вспомним слова Всеволода, обращенные к Игорю: «Один брат, один свет светлый...»). Тогда «два молодых месяца» — Владимир Игоревич и Святослав Ольгович.

Неясно, впрочем, почему у экономного и поэтически точно автора «Слова» двое из «четырёх солнц» («черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца») вдруг превращаются в два месяца. При этом двойственное число *въ морѣ* ^{сѧ} *погрузиста*

говорит о том, что в море и «погрузились» лишь эти «два молодых месяца».

«Погрузиться в море» — умереть. Но Владимир придет через год на Русь с женой Кончаковной и ребенком, и в конце «Слова» Игорю, Всеволоду и Владимиру Игоревичу поется (или, скорее, обещается в будущем) слава.

Мнение Д. С. Лихачева: «...в Киеве знали о женитьбе Владимира на Кончаковне в плену и, следовательно, не могли рассматривать его как жертву похода. Вряд ли было бы уместно говорить о Владимире как о померкшем месяце в то самое время, когда в ставке Кончака ему пелась свадебная слава» (*Лихачев*. С. 131).

Значит, предположение о позднейшей вставке имен двух молодых князей ничего принципиально не меняет. Место все равно остается неудобочитаемым.

Но представим, что речь идет о четырех «солнцах» и двух «месяцах». Два «солнца» — Игорь и Всеволод. Кто же тогда «оба багряные столпы», то есть те два «солнца», которые толком-то и взойти не успели на общерусском политическом небосклоне? Это не может быть пара Владимир Игоревич и Ольстин Олексич, ведь последний не князь и даже не княжич, а всего лишь воевода. Значит, имеются в виду Владимир Игоревич Путивльский и Святослав Ольгович Рыльский. (Одному тринадцать, другому восемнадцать.)

Может быть, «молодые месяцы» — это, как предположила в 1986 г. Л. И. Сазонова, — младшие сыновья Игоря, десятилетний Олег и девятилетний Святослав? Такую точку зрения поддержала Н. С. Демкова, а в 1991 г. к ней присоединился и Б. А. Рыбаков. Правда, историк полагал, что до двенадцатилетнего возраста княжичей в походы не брали, и малолетние Олег со Святославом «погрузились в море», потому что «остались полусиротами» (*Рыбаков*. С. 96).

Однако Ипатьевская летопись в числе участников летнего похода 1183 г. за реку Мерлу (приток Ворсклы) называет и родившегося 8 октября 1173 г. Владимира Игоревича (*Ипатьевск.* Стб. 562). То есть этому княжичу к моменту ратного его крещения — неполные десять. Самому Игорю Святославичу было лишь восемь, когда отец взял его на встречу князей в Лутаву. Вспомним также, что в 946 г. в битве с древлянами Святослав Игоревич был так мал (*велми дѣтескъ*), что едва смог перебросить копьё (имеется в виду легкий метательный дротик — сулица) через уши коня, и оно

ударил коня по ногам. *И рече Свенгелдъ и Асмудъ: «Князь уже почаль, потягнемъ, дружино, по князи»* (И сказали Свенгелд и Асмуд: «Князь уже начал, поможем, дружина, князю!» *Ипат.* Стб. 46).

Своего сына Святослава за два года до похода Игорь послал с Владимиром Галицким к своему тестю Ярославу Осмомыслу, то есть отправлял шести-семилетнего мальчика к деду через всю Русь (*Ипат.* Стб. 634). Успел ли вернуться Святослав из Галича до весны 1185 г., мы не знаем. Святославу Игоревичу было всего одиннадцать, когда в 1188 г. Игорь женил его на дочери Рюрика Ростиславича. (Святослав фигурирует в летописи до 1207 г.) Но это случилось уже после Каяльского похода. И поскольку этот «молодой месяц» на Каяле не «померк», в данном контексте он нас мало интересует.

Олег Игоревич родился в 1176 г. и крещен Павлом (*Ипат.* Стб. 600.) Возможно, именно о нем идет речь в статье лета 6691 (1183 г.): *Игорь же возврати киевскіи полки и пристави к нимъ Олгашиновца своего Святослава* («Игорь возвратил киевские полки и приставил к ним Олега [и] племянника своего Святослава». Стб. 629). Но тогда первый поход Олега состоялся в 1183 г.

Более об Олеге ничего не известно.

Поход за Мерлу, как мы уже говорили, был для Игоря репетицией большого похода в Поле. Участвовали в нем те же князья, что весной 1185 г. выйдут в дальний поход на Северский Донец: Игорь, Буй Тур Всеволод, Святослав Ольгович и подросток, почти тринадцатилетний Владимир Игоревич. Но в 1185 г. Олегу Игоревичу десятый год, то есть столько же, сколько было Владимиру, когда отец взял его впервые в Поле.

Правда, А. В. Соловьев полагал, что в этом месте в летописи описаны события 1170 г. (*Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве»*. 6: Жена и дети Игоря // *ТОДРЛ*. 1964. Т. 20. С. 378–382). Но это не аргумент, ведь в таком случае, почему бы и Олегу Игоревичу не быть на пару лет старше?

И, наконец, почему мы не должны верить Лаврентьевскому летописцу в том, что на Каяле сыновей Игоря было именно двое, если так выходит и по «Слову»?

Остается лишь один вариант. Летопись ничего не сообщает о детях Буй Тура Всеволода. Однако какой-то пришедший из Чернигова Святослав Трубчевский (*Приишоша ис Чернигова <...> съ княземъ Святославомъ Трубчевскимъ*) упоминается под 1232 г.

в Новгородской первой летописи младшего извода (л. 155). Если это сын Буй Тура Всеволода, может быть, он назван в честь погибшего на Каяле старшего брата? В 1185 г. Всеволоду самому не более тридцати, а это значит, что если у него с «милой Глебовной» были дети, то его сын не может быть многим старше Олега Игоревича. Ему максимум тринадцать лет.

Мы должны поверить поэту на слово, что на Каяле какие-то два юных княжича — Олег и Святослав — «тьмою поволоклись и в море погрузились», то есть были убиты. Если, как утверждает Лаврентьевский летописец, Игорь взял в Поле двух детей, то логично будет предположить, что и его брат пошел в поход с сыном. Дети, конечно, не должны были участвовать в военных столкновениях, и в походе к ним наверняка были приставлены самые лучшие, ловкие и преданные дядьки. И никто не мог предположить, что придется драться двое суток в окружении, и драка в последние часы будет «лютой». Метафора «в море погрузились» (буквально понятая летописцем как «в море утонули») намекает на то, что, вероятно, дядьки попытались детей спасти, переправив их на себе через разлив Каялы. Но половцы с берега добивали плывущих стрелами и вряд ли разбирали, кто и с кем там плывет. Если отрок Святослав Всеволодич (полный тезка Святослава Всеволодича Киевского) существовал, то погибнуть он должен был вместе с юным Олегом Игоревичем, ведь в плен попали лишь те, кто не пытался переплыть Каялу⁴⁹.

Тогда становится понятным замечание автора «Слова» о том, что в бою Всеволод забыл о своей чести и жизни, об отеческом Черниговском престоле и о «свычаях и обычаях милой Глебовны». В этом ряду упрек Всеволоду в бесчестии (тут переосмыслена ратная формула) весьма красноречив: в пылу схватки он забыл не только о «милой жене», но и о малолетнем сыне, которому теперь уже никогда не вернуться на Русь, не вырасти и не сесть на «отчий злат престол».

В плену Игорь восклицает: *...гдѣ нынѣ возлюбленными мои братья? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего?* Далее по нисходящей: где бояре? где мужи? где *рядъ полчными*

⁴⁹ Сама гипотеза о гибели малолетних княжичей, в общем, внушает доверие. Но, конечно, подробную реконструкцию этого печального события (хотя и вполне вероятную) сложно основывать на фразе *и въ морьсѣя погрузиста*, поскольку она может иметь чисто метафорический смысл.

(полковой ряд, то есть ратники)? (*Inam*. Стб. 643). Вроде бы все логично: четыре князя вышли в поход, и Игорь вопрошает о судьбе брата, племянника и собственного сына.

В этом случае риторические вопросы Игоря касаются только судьбы живых, то есть пленных, которых половцы поделили и развели по своим кочевьям. Но очевидно, что, поминая бояр, «мужей» и дружинников, Игорь оплакивает погибших. Перед нами погребальный плач. Но Буй Тур Всеволод и Владимир Игоревич (в плену женившийся) — живы.

Погребальный плач Игоря построен так: в первой триаде князь сначала поминает пошедшего в Поле с дружиной своего «брата» по княжескому статусу (а по родству племянника) Святослава Рьльского, очевидно, умершего в плену: *гдѣ нынѣ возлюбленныи мои братъ?*, потом сына брата своего Всеволода: *гдѣ нынѣ брата моего сынъ?* и, наконец, собственного сына: *гдѣ чадо рожения моего?* (Это эмоциональный центр плача Игоря.)

Если так, и Ипатьевский летописец знает, что на Каяле погибли малолетние сыновья Игоря и Всеволода, и в плену умер (видимо, от ран) Святослав Ольгович Рьльский.

Для половцев, которые черными тучами шли на рассвете в роковую пятницу прикрыть «четыре солнца», отроки-княжичи не представляли никакой опасности. Но если было известно, что в той «лютой сечи» погибли два «молодых месяца», то поэт должен был их помянуть хотя бы по имени. Скажем иначе: поскольку автор «Слова» говорит о двух погрузившихся в море (убитых) молодых месяцах Олеге и Святославе, значит, в Поле ходили с отцами и два этих княжича.

Предполагалось, что под Олегом и Святославом в «Слове» имеются в виду дед и отец Игоря — Олег Святославич и Святослав Ольгович (так считал еще в середине XX в. переводчик А. Г. Степанов, которого поддержали в 1981 г. А. Чернов, а в 1990 г. Н. С. Демкова). Должен заключить, что мы были неправы: в данном контексте давно умершие предки участников похода ни при чем, поскольку никакого «великого буйства» они не могли «подать хину».

Замечу еще, что в этом месте автор, видимо, применяет известный скальдам прием тмесиса — искусственного переплетения предложений⁵⁰. Принято считать, что в данном случае переписчик

⁵⁰ Вполне солидаризуясь с А. Ю. Черновым по вопросу возможности наличия дву- (или более) смысловых метафор, специально затемненных намеков

(аналогов скальдических *ofljóst* [«слишком ясное», «двусмыслица»], кеннингов и хейти) и пр. в таком поэтическом тексте как «Слово», я все же усомнюсь в возможности для такого текста серьезных искажений синтаксиса фразы. А. Ю. Чернов ссылается на прием тмесиса или «переплетения словес», употребительного в скальдической поэзии. Действительно, синтаксические приемы затемнения смысла употребляются в висах, специально рассчитанных на дешифровку (как упоминает О. А. Смирницкая, такой расчет не идет на пользу поэтическому восприятию вис современным читателем). Но остальные принципы организации текста вис делают такую дешифровку вполне возможной для слушателя. Висы, во-первых, основаны на совершенно четком силлабо-тоническом стихе (основной размер, которым сочинено 5/6 скальдической поэзии — дротткветт — 6-сложный размер с тремя ударными слогами в строке, в котором в четных строках используется полная рифма, в нечетных — консонанс; второй размер — чаще всего применяемый в XIV в. — хрюнхент — 8-сложный размер с четырьмя ударными слогами в строке, ритмически приближающийся к 4-стопному хорею). Во-вторых, строфа висы состоит из двух полустроф-хельмингов, каждый хельминг состоит из четырех строк и представляет собой завершенную метрическую единицу не только в синтаксическом, но нередко и в смысловом отношении. Порядок слов внутри предложения в дротткветте достаточно строго фиксирован. Синтагмы с наиболее тесными синтаксическими связями (подлежащее — сказуемое, подлежащее — определение) не часто разрываются скальдами. Элементы этих синтагм помещаются последовательно, и если и разъединяются, то в основном членами того же предложения. Например, в стихах Арнора Скальда Ярлов контактно располагаются 200 из 300 подлежащих и сказуемых, 150 из 250 прилагательных и существительных (*D. Edwards. Clause Arrangement in Scaldic Poetry. Arkiv för nordisc filologi. 1983. Bd. 98.*) Перед сказуемым никогда не находится вставное предложение. Переплетение предложений (*Verschlingung*, см.: *K. Reichardt. Studien zu den Skalden des 9 und 10 Jahrhunderts. S. 73 ff.*) относится к распределению предложений внутри хельминга и заключается в разъединении двух предложений, члены которых переплетаются друг с другом; при строгом порядке слов и четких границах хельмингов, таким образом, можно рассчитывать, что слушатель сможет «расплести» их. (Справка по скальдической поэзии была любезно предоставлена мне А. Е. Маньковым). Совершенно не так устроено «Слово», в котором отсутствует силлабически организованный стих (слоговая организация «Слова», которую реконструирует А. Ю. Чернов, относится к значительно более крупным единицам текста, чем стих или строфа, и ничем не помогает слушателю, когда речь идет о кусках текста, близких по размеру к предложению; нет никаких количественных правил употребления рифм и аллитераций; встречающиеся в нескольких местах равносложные и/или каким-либо образом рифмованные парные строки-фразы резко выделяются на фоне остального текста), так и фиксированный порядок слов. Синтаксис «Слова» в целом подчиняется общим для древнерусских текстов правилам, которые оставляют много свободы для расположения отдельных членов предложений. Употребление синтаксических «переплетений» в таком тексте просто не оставляет шансов

просто перепутал порядок предложений, но эта гипотеза, принятая в настоящее время практически всеми исследователями, вовсе не столь очевидна, как кажется. Поскольку дважды употребленное двойственное число позволяет легко разобраться в том, кто именно «погрузился в море», то в перестановке нет нужды. В контексте «темного стиля» тмесис — художественный прием наглядного (даже на уровне синтаксиса) «свивания славы обоюды сего времени». Юные княжичи Олег и Святослав, ушедшие с Каялы «к Велесу за море», отправились в тот мир, где они встретят праотцев — «старых» Олега и Святослава.

...по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо...

Гнездо пардусов — выводок гепардов. В естественных условиях эти дикие кошки выходят на охоту всем выводком. Гепардов привозили на Русь из Средней Азии, их дрессировали и с ними охотились, как с гончими собаками. С гепардом сравнивает язычника Святослава Игоревича другой древнерусский поэт, чей стихотворный отрывок о походах Святослава цитирует «Повесть временных лет», а на фреске в Софии Киевской есть изображение трех гепардов, поваливших на землю коня. См. также в апокрифе «От скольких частей создан был Адам»: *Куманин пардос есть, угрин рысь есть* (см.: *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной литературы. Т. II. М., 1863. С. 447).

От древнерусского *пардусь* правильным было бы написание *пардуше гнѣздо*. Но обратим внимание на аллитерацию:

...прострошася половци
аки парДУЖЕ гнѣздо...

УЖЕ сънесся хула на хвалу
УЖЕ тресну нУЖА на волю
УЖЕ вѣрЖЕся дивъ на землю

для нормального читателя (слушателя) распутать их, что, по-моему, все-таки не может быть целью поэта, а значит, сомнительно, чтобы «переплетение» работало здесь как регулярный поэтический прием. Впрочем, в данном случае, можно, как это делает А. Ю. Чернов, найти синтаксические оправдания для тмесиса.

Если бы *пардуже* шло не до, а после трехкратного *уже* (а также *нужа* и *врьжеся*), то это было бы легко объяснить графической ассимиляцией. Но, скорее всего, начальный текст был записан самим автором, ценившим аллитерационное эхо и рифменные подхваты, вероятно, выше грамматики⁵¹.

Сравнение половцев с дрессированными гепардами говорит о том, что те — игрушка в княжеской забаве — «крамолах».

...и въ морѣ погрузиета, и великое буйство подаеть хинови.

В. Ф. Миллер в 1914 г. предположил, что *хинова* — *финова*, то есть финны. А. И. Соболевский в 1921 г. полагал, что это славянское обозначение гуннов, перенесенное и на других кочевников. Позже, в 1964 г. А. В. Соловьев связал «хинову» с венграми, которых в средневековой Европе отождествляли с теми же гуннами⁵².

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин считают, что *буиство* — беспокойство, страх, ужас (ср. дальше *буесть* — ярость, неистовство). Однако В. Л. Виноградова показала, что здесь *буиство* — смелость, дерзость (СССР. Вып. 1. С. 76–77). В брянских говорах *буйный мужик* — плечистый, высокий, здоровый: *Крепкий и сильный ён, харошый хлопец, плечистый, плечи так шырокие, буйный, адно слова буйный* (Козырев 1976. С. 95)⁵³.

⁵¹ Смелое предположение. Во-первых, оно содержит внутреннюю неточность: человек, делающий такую ошибку, должен ценить аллитерацию не выше грамматики (что для поэта, может быть, и не порок — ср. лермонтовское *из пламя и света*), а выше лексики (что как раз порок для поэта). Во-вторых, большое количество «аллитерационных» ошибок в «Слове», отмечавшееся еще С. П. Обнорским и Л. А. Булаховским, может самым естественным образом принадлежать переписчикам: при самодиктовке хорошо аллитерированного текста такие описки возникают постоянно. Тем более что описка *пардуже* сбивает аллитерацию с *простърошася*, которая связывала предыдущий кусок текста.

⁵² Относительно этого этнонима см.: *Менгес*. С. 168–170. Здесь скорее употреблен дат. ед. от Хын, *и*-склонения (**хи.пи-s*), что легко интерпретируется как заимствованное **hutti*, гунн; от того же слова производное — и хиновские стрелы; *хинова*, встречаемое позже, может быть совершенно другим словом — образованием ж. р. как литва — и относиться к другому народу.

⁵³ *Буйный* — большой, крупный (СРНГ. Т. 3. С. 261). Найдено в *калуж., курск., орл., псков., мол.* говорах.

Значит, гибель княжичей придала сил «хину», то есть врагам Руси.

Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово...

В 1846 г. историк Н. Г. Головин под псевдонимом Н. Г. издал в Москве книгу «Примечания на “Слово о полку Игореве”». Помимо прочего он высказал предположение, что Бус — антский вождь (Боус, Бож или Бооз), о котором рассказывает римский историк Иордан в «Готской истории». В 375 г. готский король Винитар победил антов и приказал распять на кресте их вождя Боза, его сыновей и семьдесят знатных мужей. В последнее время исследователи склонны осторожно относиться к этой трактовке. М. А. Салмина, написавшая статью «Время Бусово», в I томе *ЭСИИ* цитирует мнение О. В. Творогова о том, что гипотеза Головина «требует признать, что русские книжники XII века знали об этом эпизоде IV в. до н. э.» (С. 244). Но это ошибка: готы и анты воевали друг с другом в начале I тысячелетия, и у Иордана описаны события IV в. н. э. От автора «Слова» до антского Буса не полторы тысячи лет, а те же 800, как и от нас до эпохи «Слова». А это вполне прозрачная для народной памяти глубина. Многие ставшие идиомами русские поговорки имеют почти ту же временную дистанцию. Так мы говорим: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», так автор «Повести временных лет» расселение славян начинает с Дуная, ссылаясь не на Хронику Георгия Амартола, а на народное предание. И приводит поговорку начала VII в., относящуюся к аварам: *И есть притѣча в Руси и до сего дне: погубоша аки обрѣ...* Мы не знаем ни фольклорных, ни многих письменных источников, которыми мог бы пользоваться автор XII столетия, но если Ярославна летит зегзицей по Дунаю, а в Трояне «Слова» справедливо видят обожествленного римского императора Траяна (рубеж I–II вв.), то почему бы остготским девам, жившим во времена «Слова о полку Игореве» в Крыму, не «петь время Бусово»? Во всяком случае, упоминание об антском вожде, разбитом, кстати, где-то в Приднепровье, в данном контексте куда более естественно, чем предлагаемое М. А. Салминой чтение «время бус» (где буса — морское судно, род галеры).

...лебѣють месть Шаруканю.

Мнение Д. С. Лихачева: «Шарукан был дедом хана Кончака. Месть за деда, как и слава дедовская, была естественной в представлениях того времени. Шарукан потерпел жестокое поражение от Владимира Мономаха. Его сына, Отрока, Владимир Мономах загнал на Кавказ за Железные ворота. Внук Шарукана и сын Отрока — хан Кончак — впервые смог отомстить после поражения Игоря за бесславие своего деда и своего отца» (*Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 27–28*). Б. А. Рыбаков указал, что в жизни Шарукана была ситуация, тождественная плену Буса и плену Игоря. В 1068 г. поражение половцев закончилось пленением Шарукана. Историк указывает, что автор «Слова» мастерски сочел здесь все три своих хронологических горизонта: древнюю антскую старину, первые битвы с половцами и *былины сего времени*.

Другой историк, В. В. Мавродин, писал в 1940 г., что поход Игоря угрожал не только половцам, но и готам-тетракситам, которые жили на Тамани и в Крыму и к которым в конце концов попало «русское золото» (*СССПИ. Вып. 1. С. 175*).

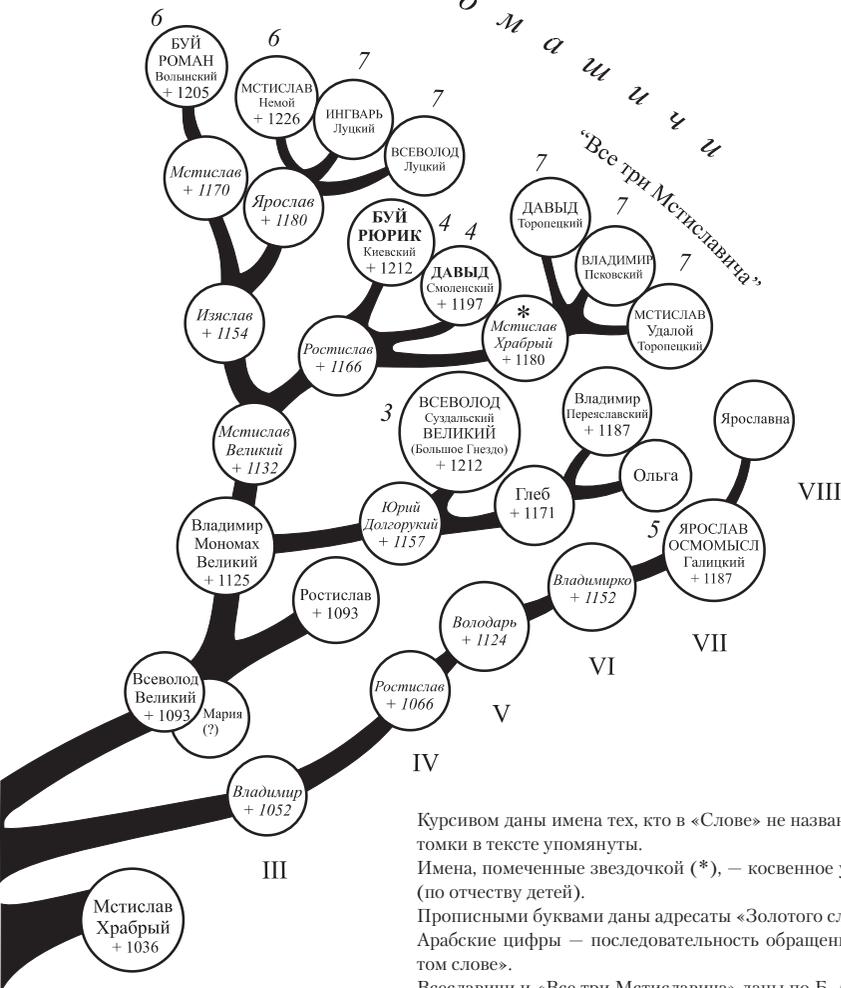
В. Ф. Ржига считал, что в прозвучавшем здесь имени Шарукана фонетически откликается заключительная фраза сна Святослава: *бѣША дебРЬ КисАНЮ*⁵⁴ (1926 г. см.: *ЭСПИ. Т. 1. С. 52*). Поэтому бояре толкуют сон Святослава по всем правилам мифологической реальности.

⁵⁴ Вообще-то, нам в точности неизвестно, что было написано здесь в протографе. — А. Д. Да, но и при *бѣша дебръски сани* анаграмма сохраняется. — А. Ч.

ШЕСТАЯ ПЕСНЬ

6. 1. Тогда великий Святослав изронил злато слово, со слезами смешанное, так сказав: «О мои племянники, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами язвить, а себе славы искать. Не одолели вы врагов с честью, ибо не по чести кровь поганых проливали. Ваши храбрые сердца в жарком булате скованы, а в ярости закалены. Что же вы учинили моим серебряным сединам? А уже не вижу власти сильного, и богатого, и войсками обильного брата моего Ярослава, — с черниговскими его старейшинами, и с мугутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Те ведь без щитов с засапожными ножами кликом полки побеждают, звеня в прадедову славу. Но вы сказали: “Сами помужествуем: прежнюю славу сами похитим, а грядущую сами поделим!” А диво ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол перелиняет — высоко птиц возбивает: не даст гнезда своего в обиду. Но вот беда — князья мне не в помощь. Наизнанку времена обратились. То у Римова кричат под саблями половецкими, а и Владимир изранен. Печаль и тоска сыну Глеба. Великий князь Всеволод! И в мыслях своих не летишь издалека защитить отцов злат престол. А ты ведь можешь Волгу веслами раскропить и Дон племами вычерпать. Подоспел бы ты, была б невольница по ногате, а невольник по резане. Ты же можешь посуху стрелять живыми шереширами, удалыми сынами Глебовыми!

М о н о м а ш и ч и

II поколение

Составил А. Ю. Чернов

Курсивом даны имена тех, кто в «Слове» не назван, но чьи потомки в тексте упомянуты.

Имена, помеченные звездочкой (*), — косвенное упоминание (по отчеству детей).

Прописными буквами даны адресаты «Золотого слова».

Арабские цифры — последовательность обращений в «Золотом слове».

Всеславичи и «Все три Мстиславича» даны по Б. А. Рыбакову (прочие версии см.: ЭСЛП. Т. 1. С. 261; Т. 2. С. 277; Т. 3. С. 283). Из женщин в таблицу включены упоминаемая в тексте «мать Ростислава» и неупомянутая Мария Васильковна Полоцкая (жена Святослава Всеволодича Киевского), а также жены инициаторов похода — Ярославна и Глебовна.

Мы сочли необходимым дополнить схему именами двух сыновей Святослава Киевского, которые первыми пришли на помощь Посемью, — Олега и Владимира.

С этого места начинается знаменитое «Злато слово» Святослава Киевского.

Д. С. Лихачев считал, что последовательность, в которой автор «Слова» обращается к русским князьям, — «живая, непосредственная, лишенная особых расчетов и этикета. Он обращается прежде всего к тем князьям, чьего участия в будущем походе он больше всего добивается, от кого прежде всего ждет отклика» (Лихачев. С. 132).

Б. А. Рыбаков показал, что Святослав в «Золотом слове» обращается к русским князьям строго по порядку их поколений (Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 131–132). Добавлю: «Злато слово», как и все девять выделенных нами песен «Слова», членится на три темы. И происходит это именно по открытому Б. А. Рыбаковым признаку. Первая тема — обращение к князьям шестого от Владимира Святого поколения, вторая — князья седьмого поколения, третья — князья восьмого поколения.

Изронить

См. комментарий на с. 271–272.

О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!

Сыновец — племянник. Святослав Киевский называет своих двоюродных братьев племянниками, хотя по иерархии он их «феодальный отец». И поскольку Игорь сам в 1180 г. обратился к Святославу «отче», то есть признал его своим отцом (*Ипат.* Стб. 616), брошенное здесь слово «племянники» — жест нарочитого отстранения от себя Игоря и Всеволода.

...половецкую землю мечи цвѣлтити...

Цвелить — дразнить, раздражать, терзать. В том же значении употребляется в современных среднерусских и южнорусских диалектах глагол «квелить».

Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована,
а въ бѹести закалена.

Сравним с фольклорной песней: «<У свекра> сердце каменно, в бѹести заковано, в булате сварено» (*Шентаев Л. С.* Заметки к древнерусским литературным памятникам // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1957. Т. 13. С. 427).

Се ли створисте моеѣ сребреней сѣдинѣ!

Комментаторы «Слова» не часто замечают звуковую организацию текста. Однако об этом месте Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин пишут: «Обращает на себя внимание аллитерация — скопление слов с начальным “с”»: это один из самых ярких примеров аллитерации в “Слове”» (*Мещерский, Бурькин.* С. 467). Уточним: «Злато слово» рождается из самого имени Святослава, и его начало наполнено аллитерацией не только на *С* (17 случаев), но и на *ЕСТ* (9 случаев):

тогда великыи СВЯТ/О/СЛАВ/О
изрони ЗЛАТО СЛОВО
Съ Слезами Съмѣшено и рече
о моя Сыновъча игорю и въСеволоде
рано ЕСТа начала
половецкую землю мечи цвѣлити
а Собѣ Славы иСкати
нѣ нечЕСТ/Е/но одолѣСТЕ
нечЕСТ/Е/но бо кровь
поганую пролиЯСТЕ
ваю храбрая Сърдьца
въ жЕСТоцемъ харалузѣ Сѣкованѣ⁵⁵

⁵⁵ Здесь А. Ю. Чернов восстанавливает ради рифмовки «этимологически правильные» формы двойственного числа среднего рода на *-ть* (*сѣкованѣ, закаленѣ — сѣдинѣ*). Ср.: *СПИВЛ.* С. 38, где доказывается, что для древнерусского языка эпохи «Слова» уже были нормальны формы двойственного числа среднего рода на *-а* (как и стоит в тексте первого издания). Впрочем, ничего невозможного в предлагаемой конъектуре нет, особенно если учесть, что среди примеров А. А. Зализняка отсутствуют предикативные употребления соответствующих форм.

а въ буЕСТИ закаленѣ
 Се ли СѣтворИСТЕ
 моеи С/Е/ребренеи Сѣдинѣ
 а уже не вижду влаСТИ...

А уже не вижду власти сильного и богатаго и многовои брата моего Ярослава...

Ирония автора очевидна. Он не может не знать, что родной брат Святослава Киевского Ярослав Всеволодович Черниговский (1139–1198) как минимум дважды отказывался от участия в походах на половцев (1183 и 1185), но тут же благословил поход подчиненных ему Игоря и Всеволода и даже дал им полк ковуев — легкую конницу тюркских лучников.

...съ черниговьскими былями, съ могуты и съ татраны и съ шельбиры и съ топчаки, и съ ревугы и съ ольберы.

«Относительно этого перечня собственных имен, — читаем в комментарии Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина, — существуют две точки зрения. Одни исследователи (С. Е. Малов) считают их титулами, чинами или прозвищами высокопоставленных лиц тюркского происхождения, другие (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Н. А. Баскаков, К. Г. Менгес) видят в них этнонимы — названия племен или родовых групп»⁵⁶ (*Мещерский, Бурькин. С. 468*).

Были — старейшины, высшие дружинники. Считается, что этот тюркский титул вошел в древнерусский язык от живших

⁵⁶ Эти этнонимы или титулы пока остаются гапаксами (т. е. словами, встречающимися только в одном памятнике). Перечень объясняющих гипотез см.: *Менгес*; при этом одни из наименований как будто естественнее толкуются как племенные названия, другие — как социальные термины. Например, *могутов* связывают с названием кыпчакского племени *Ma:qu:t* (возможно, к древнеуйгурскому *таги* «слава», *Менгес. С. 117–118*), *ольберов* толкуют как сложение **alp* — «богатырь» и **är* — «муж, воин», соответственно, это название социальной группы (*Менгес. С. 122–124*); надо сказать, что все эти толкования довольно предположительны. — А. Д. В. А. Козырев приводит и общерусское *могута* — сила, мощь (*Козырев 1975. С. 140–141*). — А. Ч.

в Черниговской земле тюркских племен⁵⁷. Полагаю, однако, что далее названы все же не «титутлы или прозвища», а шесть племен (или родов) «своих поганых», половцев, осевших на Руси и подвластных Ярославу. Только в таком контексте это место становится смеховым (см. ниже).

Тѣи бо бес щитовѣ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу.

Согласно летописи, Игорь попал в плен, когда дрогнули и первыми побежали с поля боя черниговские ковуи. Так что и эти слова звучат весьма иронично. Упоминание о «прадедовой славе», в которую звенят засапожными кинжалами ковуи, кажется комментаторам свидетельством какого-то пропуска в тексте (о какой славе прадедов может идти речь у «своих поганых?»). Но это всего лишь злая ирония Святослава, вложенная в его уста древнерусским поэтом. Заметим, что все «Злато слово» построено на юродстве Великого князя, который сначала по праву старшинства называет своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода племянниками, а после станет называть «господами» и других удельных князей. Последнего не мог понять Н. М. Карамзин, а за ним и те комментаторы «Слова», которые считают, что «Злато слово» надо ограничить кавычками после слов *туга и тоска сыну Глѣбову*. Однако похвальба Игоря и Всеволода, мол, они «сами мужи», объясняет причину юродства Святослава Киевского: в своем самоуничтожении он лишь доводит до абсурда навязанную ему роль.

Как свидетельствует «Словарь русских народных говоров», слово *засапожник* (нож, который носится за голенищем) — архангельское, олонецкое и новгородское. Археолог А. В. Арциховский писал, что засапожники «были, вероятно, кинжалами, равно как и нож, которым Мстислав Владимирович зарезал Редедю» (*ЭСИ*. Т. 2. С. 213). Но кинжал против сабли — заведомый абсурд и издевка над похвальбой ковуев.

⁵⁷ *Быля* — ранний булгаризм в старославянском (дунайско-булгарское *bule*), переводится «боярин, господин, пан», зафиксирован в старославянской Супрасльской рукописи, которая не имеет отношения к Черниговщине. Как большинство дунайских булгаризмов, это слово, по-видимому, распространялось по славянскому миру вместе с церковнославянским языком.

...мужаймѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ.

По древнерусским представлениям, как показал Д. С. Лихачев, «передние времена» — это начальные (те, что впереди некоей цепочки), а «задние» — последующие. Поэтому «передняя слава», та, что собираются похищать Игорь и Всеволод, — слава Святослава Киевского, лишь год назад нанесшего половцам поражение и пленившего Кобяка. А «задняя слава» — слава грядущая. Почти теми же словами говорит о походе Игоря и Лаврентьевский летописец: «В том же году надумали внуки Ольговы пойти на половцев, так как не ходили в прошлом году со всеми князьями, но сами по себе пошли, говоря: “А что, мы разве не князья? Таковую же себе славу добудем!”». Однако под «передней славой» имеется в виду еще и поход на половцев Владимира Мономаха (см.: *Чернов. С. 278* и след.).

Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицѣ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло княже ми непособіе...

Н. В. Шарлемань объяснил, что выражение *въ мытѣхъ бываетъ* на сленге охотников «обозначает линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута» (*ТОДРЛ. Т. VI. М.; Л., 1948. С. 112*). В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что «в поздних списках “Повести об Акире” появляются вставки в старый текст, упоминающие о линьке сокола. *Егда бо соколъ трехъ мытеи бывает он не даст ся с гнѣзда своего взяти*» (*Адрианова-Перетц. С. 141*). И это внятное эхо «Слова».

Святослав стар, но он — перелинявший сокол. И год назад полонил Кобяка. А молодые князья ему *непособие*, то есть не в помощь. Слово (с)пособие до сих пор живет в народных говорах (*пск., брян.*). Близ Карачева В. И. Чагишева записала: *Ат сына тожэ нет пасобия, помѣчи* (*Козырев 1975. С. 134*).

...наниче ся години обратиша.

Наизнанку времена обратились. Н. С. Тихонравов перевел *наниче* — иным образом, иначе — и привел пример из «Лексикона трехязычного» Ф. П. Поликарпова: *наничь одежду одевати* — «надевать одежду наизнанку» (см.: Тихонравов Н. С. Слово о полку Игореве. М., 1866. С. 35). Перевод «наизнанку» поддержали А. А. Потебня и В. Н. Перетц, что нашло обоснование в повсеместном употреблении слова *наниче* в данном значении в великорусских говорах (см.: Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 198. Вып. 24. С. 3–9). Д. С. Лихачев, указывая, что *наниче* — наизнанку, писал: «В “Слове” *наничный* мир противостоит некоему идеальному, о нем вспоминается непосредственно перед тем: воины Ярослава побеждают с засапожниками одним своим кликом, одною своею славою, старый молодеет, сокол не дает своего гнезда в обиду. И вот весь этот мир *наниче* обратился» (Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 20). В координатах «изнаночного времени» Игорь Святославич, вышедший в поход на половцев в день памяти своего небесного патрона Георгия Победоносца, — анти-Георгий, а потому и антигерой. Георгий освободил город от змея, запиравшего хвостом источник. И для этого ему не понадобилось даже копьё (по житию, Святой Георгий не железом, а Божьим словом умиряет змея, после чего того ведет в город на пояске дева Елисава). Игорь же, вознамерившись «преломить копьё о край Поля Половецкого» и «испытать шеломом Дону», копьё и впрямь переломил, а коня загнал. Но до этого упился «кровавым вином», напоив им и свою дружину, и свата своего Кончака. И это после того, как для Игоря «померк свет солнца», а кочевники (образ кочевника ассоциировался на Руси со змеем) поделили русские города по рекам Суле и Роси, Карна и Желя «поскакали по Русской земле». Тема Игорь — анти-Георгий продолжится и дальше: Георгий спас от гибели принесенную в жертву змею царскую дочь Елисаву, а в «Слове» дочь государя Осмомысла Ярослава Галицкого одним своим плачем на опаленных стенах Путивля освобождает князя из плена. И только после покаяния Игоря у Святой Пирогощей Богородицы изнаночный мир будет повержен, а лицевой — восстановлен.

Диалектные параллели к этому месту см. в работе: Козырев 1975. С. 97–98.

(Подробнее об изнаночном времени в «Слове» см.: Чернов. С. 50 и след.)

Се у Римъ кричать подь саблями половецкими, а Володимиръ подь ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.

Святослав Киевский узнал о тайном выступлении в поход северских князей в Новгороде-Северском, возвращаясь из Карачева (это близ Вщижа и Дебрянска). Святослав кинулся в ладьях по Десне к Чернигову, где и услышал от избежавшего плена боярина Беловолода Просовича подробности катастрофы на Каяле.

Известно, что рассказ о реакции Святослава в Ипатьевской летописи обнаруживает нетривиальную переключку со «Словом».

Вот что пишет летописец Игоря: *Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ утеръ слезъ своихъ и рече: «О люба моя братья, и сыновъ, и мужъ землю Рускоу. Дал ми Богъ притомити поганья но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю...» (Ипат. Стб. 645).*

Но в тексте «Слова» о том же и теми же словами: *Загородите Полю ворота...*

Святослав тут же отправляет в Новгород-Северский и в Посемье, где *скорбь и туга люта*, своих сыновей Олега и Владимира (разумеется, не одних, а с дружинами). Он знает, что туда через «открытые ворота» прежде всего и пожалуют половцы. Сначала они явятся Посемье и пожрут Путивль, а потом дойдут до Десны и Новгорода-Северского.

Д. С. Лихачев предположил существование общего (устного) источника у летописца и поэта. Но можно ли обойтись без усложнения текстологической конструкции?

Б. А. Рыбаков, полагающий, что летописная повесть создана в 1185 г. в Киеве и ок. 1190 г. отредактирована в Галиче, отмечает уникальность ее заголовка: «Нигде ни один летописец не величал живого князя сверх отчества еще и именем деда. Этот необычный по своей торжественности заголовок, совершенно не соответствующий заслугам Игоря в описываемом походе, получит очень простое и убедительное объяснение, если допустить, что летописец-редактор был уже знаком со “Словом о полку Игореве”» (Рыбаков. С. 194). Историк приводит три параллели «Слова» и летописи.

Однако их куда больше. Составим таблицу:

ШЕСТАЯ ПЕСНЬ

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЯ	СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
1. В то же время Святославич Игорь вноукъ Олговъ...	1. Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова
2. Игорь жь възрѣвъ на небо и видѣ солнце... и рече бояромъ своимъ и дружинѣ свои...	2. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече Игорь къ дружинѣ свои: «Братіе и дружино...»
3. ...и жда два дни брата своего Всеволода тотъ бя шель инемъ поутемъ ис Коурьска...	3. Игорь ждеть мила брата Всеволода... а мои ти готови осѣдлани у Курьска на переди... пути имь вѣдоми
4. и ѣхаша чересь ночь	4. и поѣх а по чистому полю
5. зауотра же пягкоу... оусрѣтоша полкы Половѣцкиѣ	5. Съ заранія въ пяткъ потопташа поганья плѣкы половецкыя
6. в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю . На рѣцѣ Каялы	6. и Жля поскочи по Руськои земли... жены руськыя всплакашася ...на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла... а мы уже дружина жадни веселія
7. а прочии в морѣ истопоша	7. и въ морѣ погрузиста
8. Святослав же то слышавъ и вельми воздохнуувъ оутерь слезъ своихъ и рече: «О люба моя братья, и сыновѣ, и моужѣ землѣ Роускоѣ. Дал ми Богъ притомити поганья но не воздержавше оуности отвориша ворота на Роускоую землю... да како жалъ ми башеть на Игоря тако нынѣ жалоую болми по Игорѣ братѣ моемѣ»	8. Тогда великіи Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено и рече: «О моя сыновча Игорю и Всеволоде, рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити а сѣбѣ славы искати...»; загородите Полю ворота... <i>Ранее в тексте: жалъ бо ему мила брата Всеволода</i>
9. <i>Святослав посылает своих сыновей Олега и Владимира в Посемье, где бысть скорбь и тоуга люта</i>	9. туга и тоска сыну Глѣбову
10. Молвяшеть бо Кончакъ... а Кза молвяшеть...	11. млѣвить Гзакъ Кончакови... рече Кончакъ ко Гзѣ... и рече Гзакъ къ Кончакови...
11. Да не боудеть славы тобѣ ни живота. ... посла Игорь къ Лаврови... река емоу переди на оноу сторону Тора с конемъ... пришедъ ко рѣцѣ и перербредъ и вѣде на конь и тако пойдоста сквозѣ вежа...	10. комонь въ полуночи Овуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти; князю Игорю не быть кликну. Стукну земля вѣшумѣ трава, вежи ся половецкии подвизашася
12. Игорь же оттолѣ ѣх а ко Киеву	12. вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву

(Соответствия 1, 6 и 8 обнаружены Б. А. Рыбаковым.)

Как и в «Слове», в летописи рассказано о «которе» (распре) Гзака (Гзы) и Кончака. Только в летописи они спорят не о судьбе «соколенка» Владимира Игоревича, а о том, идти им на Киев, или в Посемье. Летописец перебранки ханов, разумеется, слышать не мог, но, похоже, он просто не в силах выйти из поля притяжения «Слова». Звучит диалог, даже и начинающийся с одного и того же глагола *мълвяшетъ...* (В «Слове» *мълвить...*) Как и в поэме, последнее слово остается за Гзаком. Упомянут в летописи и половец Лавр (так на Руси перекрестят Овлура), помогавший Игорю бежать и по уговору с Игорем заранее переправившийся с конем через реку. И, как и в «Слове», заключительный эпизод — прибытие Игоря в Киев.

Гипотеза Д. С. Лихачева не подтверждается сравнением текстов, ведь в обоих сохраняется порядок параллельных эпизодов (с единственным исключением: №№ 10 и 11 по летописи — это №№ 11 и 10 в «Слове»). Трудно вообразить, что летописец и поэт перескажут чей-то сюжет, сохранив порядок даже не эпизодов, а некоторых опорных выражений источника. (На это обратил внимание и А. А. Зимин, выделивший около тридцати последовательных параллелей.) «Задонщина» тоже заимствует из «Слова», но последовательность ее заимствований явно хаотичная.

Но какой из текстов первичен?

Летописный рассказ о последнем подвиге Владимира Глебовича Переяславского, того самого, что в 1183 г. ходил в Поле вместе со Святославом и взял в плен хана Кобяка, позволяет распутать эту непростую текстологическую ситуацию.

При осаде Кончаком Переяслава князь Владимир Глебович, сын великого князя Глеба Юрьевича, во время вылазки был тяжело ранен сразу тремя копьями. Однако дружина князя отбила. Повествуя об этом, летописец говорит, что Владимир Глебович *бъше князь в Переяславль*, и уязвлен был *язвами смертными (Ипат. Стб. 646 и 648)*. От смертных ран не оправляются, и 18 апреля 1187 г. Владимир умрет.

Прошедшее время глагола (*бъше князь* — «был князь») и провидческое знание летописца (меж тем князь умрет не в постели, а в новом походе), говорят о том, что рассказ о кампании 1185 г. если не писался, то, по крайней мере, редактировался после смерти Владимира. А в «Слове» о Владимире сказано как о тяжелораненом, но живом: он «под ранами», а потому — *туга и тоска сыну Гльбову*.

«Туга и тоска» — но не «вечная память» и не «аминь». Следовательно, поэма написана до мая 1187 г., и летописные параллели со «Словом» надо признать заимствованиями из него. Не автор «Слова» черпает из летописи (что было бы подозрительным, тем более, если мы полагаем, что поэт — современник событий), а летописец демонстрирует нам и свое знакомство со «Словом», и всю меру его притяжения для книжника XII столетия.

Впрочем, у летописца и свой подход, и свой взгляд. Явно в полемику со «Словом», в котором Святослав с обидой называет двоюродного брата Игоря Святославича не братом или сыном, а «сыновцом» (племянником), летописный Святослав именует Игоря и Буй Тура Всеволода «любимыми своими братьями и сыновьями». И плачет об Игоре, «о как брате своем» (и это также означает, что «Слово» написано по горячим следам, а летопись составляется, когда раны уже зарубцевались и покаявшийся Игорь прощен).

Непосредственно после этих слов киевский князь и *посла сына своего Олга и* (второго сына) *Волдимера в Посемье*, поскольку (продолжу цитату в переводе) «взбунтовались города Посемские, и была скорбь и туга лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и по всей волости Черниговской; князья отняты, и дружина отнята, перебита, *мятяхоуться, акы в мoutви* (мутовь, мутовка — маслобойка, а тут — ловушка. Сейчас бы сказали “метались, как табун в загоне”. — А. Ч.), города восстают и не мило каждому его ближнее, *но мнозть тогда отръкахоуся душь своихъ жалоующе по князихъ своихъ...*» (*Ипат.* Стб. 645–646). То есть мятежи и грабежи начались до разорения Посемья Гзакон. (Происходило то, что будет происходить в октябре 1941 в Москве.)

Святослав сразу же шлет гонцов к Давыду Смоленскому и Ярославу Черниговскому. Давыд приходит, но становится на Днепре у Треполя (чуть ниже Киева, в одном дневном броске от Переяславля), а Ярослав собирает войска в Чернигове, но в поход не спешит. (Знает, что теперь половцы сами явятся сквозь те «ворота на Русскую землю», которые не без его помощи и с его одобрения открыли северские князья.)

Половцы и впрямь решаются на набег. Кончак устремляется к Переяславлю Русскому (Южному), и переяславский князь Владимир Глебович посылает за помощью к Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду. Святослав просит помочь Переяславлю

стоящего у Треполя Давыда, но смоленские полки Давыда сходятся на вече и решают, что дальше не пойдут (цитирую в переводе): «Мы пошли на защиту Киева, и когда была бы там рать, то и бились бы, а другой рати искать не можем, и так уж изнемогли».

Святослав «с Рюриком и другими помощниками» выступает по Днепру против половцев. Те, узнав об этом, снимают осаду Переяславля и, отступая, берут Римов⁵⁸, город, который, очевидно, был расположен к востоку или юго-востоку от столицы Переяславского княжества.

В переводе этот летописный эпизод звучит так: «Римовичи же затворились в городе и полезли на забрала. И тут, Божьим судом, обрушились две городницы с людьми. Тогда на ратников и на прочих горожан нашел страх. Которые горожане вышли из города и бились, и ушли по *Римскому болоту*, те избежали плена, а кто остался в городе, те все взяты были» (*Ипат.* Стб. 647–648).

Теперь надо отбивать пленных, и Владимир Глебович вновь шлет гонца к Святославу и Рюрику. Но те ждут подхода Давыда с его смоленскими полками. Ждут напрасно. И опаздывают.

Пожалев Владимира Глебовича, князья возвращаются по домам.

В это время Гзак «по иной стороне» разоряет Посемье и подходит к Путивлю. Он сжигает острог (окруженный валом посад), но деревянный детинец (то, что мы называем кремлем) взять почему-то не может.

Почему? Если Переяславль защищает Владимир Глебович (и при этом молит Святослава о подмоге), то кто же способен оборонить Путивль? У Татищева говорится, что киевский князь *немедля сына своего Олга отправилъ въ Сѣверскую землю, велѣлъ ему стать съ войски въ Посемьи*. Полагают, что Путивль отстояла Ярославна (надо думать, с оставшимися в городе детьми, бабами и стариками).

Однако если творить *честь по старшинству*, то в столицу княжества должен быть направлен Олег, а у путивльских стен (и на самих стенах) схватиться с Гзаксом выпадет на долю Владимира. С этих стен взывает жена его дяди, которая, кстати, еще и двоюродная сестра жены самого Владимира.

⁵⁸ В тексте первого издания название города употреблено в форме *Римы* (pluralia tantum, как *Луки* и подобное).

В повести Татищева Владимир не назван. Здесь сказано, что Святослав направил в Посемье Олега, а потом речь идет о Гзаке, что явился у стен Путивля «с великим войском». Он сжег острог, но, не взяв города, отступил, послав пятитысячную рать грабить Посемье.

Где-то «у реки» наиболее крупный отряд половцев встретили Олег Святославич и воевода Тудор, известный летописцу своей храбростью и военной хитростью: «Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли чрез реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед в лес меж болота, разделился: Ольга с половиною оставил противо половцов, а сам, обошед, сзади напал. И так их, смявши, порубил, что едва 100 их назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатных и подлых пленено. Сын же и зять князя Кзи побиты. Гзя, о том уведав, с великою злобою и горестию возвратился» (*Татищев*. С. 137. Полный текст летописной повести Татищева о 1185 г. см. в наст. издании на с. 343–351).

Надо думать, в «Слове» еще и об этом Гзак пророчит Кончаку: «Не будет нам ни соколенка, ни красной девицы, и начнут нас птицы бить в Поле Половецком...» (автор «Слова», описавший и побег Игоря, и его поездку в Киев к Пирогощей Богородице, уже знает, что Ярославна полонянкой не станет).

Итак, Олег и Тудор бились с половцами уже после того, как Путивль устоял. Бились вдаль от стен города и только с одним, хотя и самым большим отрядом Гзака. Это и свидетельствует о том, что обороной Путивля руководил второй сын Святослава — Владимир. Он сдержал натиск всего «великого войска» Гзака.

Текст Татищева, а, точнее, видимо, текст старообрядческой версии Ипатьевской летописи об отражении Кончака и Гзака, заканчивается издевкой над ними: «Тако Половцам обоюду равная удача была, и один пред другим не мог похвалиться, разве большею потерей своих».

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти.

Всеволод — Всеволод Юрьевич (1154–1212), сын Юрия Долгорукого и внук Владимира Мономаха. Позднее его назовут Всеволодом Большое Гнездо. Титул Великого князя он принял первым из владимирских князей.

Это место долго ставило в тупик исследователей: то, что устами автора «Слова» Святослав приглашает Всеволода на киевский престол, справедливо казалось невероятным. Но поскольку обращение к Всеволоду звучит сразу за упоминанием о Переяславле и Римове, то, безусловно, правы Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин: речь не о Киеве, а о Переяславле, традиционно находившемся во владении потомков Юрия Долгорукого. Оттуда Владимир Мономах ходил на половцев в 1111 г.

Комментарий Д. С. Лихачева: «Знание глубочайших исторических явлений, происходивших в Галицкой земле и Владимиро-Суздальской, при этом поразительно. От автора “Слова” не ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси. Однако автор «Слова» не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он еще понимает в устоявшихся представлениях XII в.» (Лихачев. С. 126).

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

Как заметил А. В. Соловьев, эту фразу пародирует современник автора «Слова» Даниил Заточник: *Ни моря уполовником выльяти, ни чашею бо моря расчерпати.* (ЭСИИ. Т. 1. С. 255.) Еще одну цитату из «Слова» у Даниила Заточника см. на с. 285.

Замечательна рифма к имени князя: *В/Е/СЕВОЛОДЕ — ВЪЛ-гу ВЕСЛЫ раскропИТИ.*

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощей по резанъ.

Ногата и *резана* — мелкие серебряные монеты (двадцатая и пятидесятая часть гривны). Цена невольника или невольницы была много выше. Но все встанет на свои места, если мы вспомним, что речь идет о Всеволоде Юрьевиче, который в 1183 г. ходил на Волжскую Булгарию, ближайших к Руси мусульман, и привел пленных. В этом фонетически и ритмически игровом

отрывке автор играет на созвучии слов *ногáта* и *наготá*, *рѣзана* и *обрезанье*. На невольничьих рынках рабыни и рабы выставались обнаженными, и в смеховой культуре оценивать достоинства молодого раба-магометанина можно было и по этому признаку. Кстати, и в «Повести временных лет» первое, что сообщают о своей вере пришедшие к Владимиру из Волжской булгарии магометане, это то, что надо *обрѣзати уды таинныя* (*Ипат. Стб. 72*)⁵⁹. Ниже именно это и названо «скверными делами их» (Стб. 93).

Комментарий Д. С. Лихачева: «В связи с этим особую важность приобретают и другие новгородские черты в “Слове о полку Игореве”. К новгородской летописи близка, в частности, формулировка полноты поражения по дешевизне рабов-пленников. Так, в “Сказании о знамени святых Богородицы” о поражении суздальцев у стен Новгорода в 1169 г. для изображения тяжести этого поражения суздальцев сказано: “и продаваху суздальца по две ногате”. Именно это определение имеется в “Слове” в отношении Всеволода Суздальского: если бы ты был на юге и поблюю бы отень злат стол киевский, “то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ”. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в этом сюжете применяется новгородская денежная система: ногата и резана. Другая новгородская денежная единица в “Слове о полку Игореве”, исчезнувшая на юге Руси в XII в., — “бела”, и она дана в “Слове” в составе летописной формулы, зарегистрированной в “Повести временных лет” под 859 г.: “имахуть по бѣлѣ оть дыма”. О новгородских денежных единицах В. Л. Янин пишет: “в новгородских письменных источниках термин «резана» доживает до рубежа XIII—XIV вв.” И в другом месте: “к числу новгородских денежных единиц, возникновение которых связано с перестройкой системы на основе счета на 7, несомненно принадлежит бела, хорошо известная в актах и нарративных источниках с начала XI в. В одних только новгородских пергаменных актах

⁵⁹ Вряд ли столь прихотливые ассоциации автор «Слова» намеренно пытался вызвать у читателя; во всяком случае, половцы в XII в. вовсе не были исламизированы (в основном они были язычниками, но часто переходили в православие), да и особые достоинства в обрезанном рабе, в противоположность необрезанному, мог бы найти только мусульманин или иудей — и православным, и язычникам это должно быть все равно. — А. Д. Речь не о половцах, а о волжских булгарах, ближайших к Руси мусульманах, на которых и ходили с Всеволодом Глебовичи. — А. Ч.

XIV—XV вв. она встречается не менее 50 раз”. В. Л. Янин предполагает, что упоминание “белы” в “Слове о полку Игореве” — результат заимствования из поздней редакции “Повести временных лет”. Проще предположить, что это просто новгородская черта в “Слове”» (*Лихачев*. С. 169–170).

В устах Святослава упоминание о «ногате», за которую новгородцы продавали пленных суздальцев, — намеренное оскорбление владими́ро-суздальского князя. Но обращает на себя внимание то, что автор «Слова», пусть и невольно, в который раз демонстрирует свою связь с Новгородом.

Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы.

Только что прозвучавшее слово «резана» тут, в частности, и указывает на то, что эти Глебовичи — рязанские князья Святослав, Игорь, Ярослав и Владимир Глебовичи⁶⁰. Речь идет о подчиненных Всеволоду сыновьях рязанского князя Глеба Ростиславича, ходивших с ним в поход в 1183 г. Однако летом 1185 г. рязанские Глебовичи восстали против Всеволода. Считается, что автор «Слова» об этом еще не знает, но в контексте иронического обращения к «великому» Всеволоду куда логичней допустить обратное.

Слово «шерешир» более нигде не встречается⁶¹, но полагают, что имеется в виду захваченный в 1185 г. при походе на половцев и приведенный к Святославу Всеволодичу «муж бесурменин», который стрелял «живым огнем». Аппарат для метания «живого огня» («устройство») также достался Святославу. Это предположение укрепляется не только контекстом данного места, но обстоятельствами разорения «удалыми Глебовичами» обоза Святослава Киевского и его сына Владимира на реке Влене в 1180 г. (см.: *Чернов*. С. 228).

⁶⁰ Не слишком удачно со стороны автора «Слова» было бы тем же словом, которым он намекал на обрезание, намекать на рязанских князей? — *А. Д.* Рязанские Глебовичи, подняв мятеж, в то лето именно что отрезали себя от Всеволода. — *А. Ч.*

⁶¹ См. гипотезы по возможным значениям и этимологиям этого слова в работе: *Менгес*. С. 180–184.

6.2. Ты, Буй Рюрик, и ты, Давыд! Не ваши ли <бояре> золочеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина ревет как туры, раненные калеными саблями на неведомом поле? Вы вступите, господа, в золотое стремя за обиду этого времени, за раны Игоревы, отважного Святославича! Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле. Ты подпер горы угорские своими железными полками, преградив венгерскому королю путь, затворив Дунаю ворота, перебрасывая глыбы через облака, суды творя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву врата, стреляешь с отцова злата престола салтанов за землями. Стреляй, господин, Кончака, поганого кощея за Русскую землю, за раны Игоревы, отважного Святославича!

Обратим внимание на термин «господин» (в XIV—XV вв. он вытесняется словом «государь»). Комментарий Д. С. Лихачева: «Обращение к князю “господин” впервые стало употребляться на северо-востоке Руси, там, где складывалась новая сильная княжеская власть, начиная с середины 70-х годов XII в. <...> В политической жизни в отношении князя термин «господин» впервые встречается в речах жителей владими́ро-суздальских городов, обращенных к владимирскому князю. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы (горожане) в 1176 и 1177 г.; так называют Всеволода Юрьевича владимирцы (опять-таки горожане) в 1177 г.; так называют его же и в других случаях. В 1180 г., по видимому впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращении к своему главе, и опять-таки во Владимиро-Суздальском княжестве. Так называли Всеволода Юрьевича владими́ро-суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи: “Ты господин, ты отец”, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья...” (Лихачев. С. 140).

Поскольку «господин» (вместо «отец») — новый политический термин, ясно, что в устах старого Святослава (номинального «отца» Русской земли и всех ее князей) он не может звучать всерьез ни здесь, ни в призыве к Осмомыслу Ярославу Галицкому. Святослав попросту юродствует, передразнивая новомодные этикетные нормы новейшего северо-восточного политического центра Руси. При этом важно, что обращение «господин» звучит лишь после того, как закончилось обращение к Всеволоду Большое Гнездо. Самого Всеволода, который мог бы всерьез воспринять этот введенный при его дворе титул и подумать, что Святослав и впрямь признает его господство, киевский князь словом «господин» не одаривает.

Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли <бояре> злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аky тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?

Здесь переписчиком пропущено слово. Обычно на его место подставляют *вою* (воины). Таковую конъектуру предложил в 1926 г. В. Н. Перетц. Но принять это невозможно: 1) у воинов не может быть «позолоченного» шлема (для XII в., как показал Д. С. Лихачев, «золотой» — исключительно княжеский эпитет; и даже когда

речь идет о стрелах половецких ханов, они названы не золотыми, а «золочеными»); 2) о дружине, то есть о воинах, говорится не здесь, а в заключительных строках этого фрагмента. Значит, надо искать другой вариант замены. Если мы зададимся вопросом, кто же ниже князя, но выше рядовых дружинников, аллитерация подскажет ответ: *БУИ РЮРИче — БОЯРЕ*⁶².

Рюрик

Рюрик Ростиславич (умер в 1212) — сын Ростислава Мстиславича, внук Мстислава Владимировича, брат Давыда и Романа, организатор нескольких походов на половцев. В 1173 г. сел на княжение в Киеве, но был изгнан Андреем Боголюбским. В 1181 г. он вновь овладел Киевом, разбив Ольговичей — Святослава Всеволодича, его брата Ярослава и Игоря Святославича, но согласился на совместное княжение со Святославом. (Святослав правил Киевом, а Рюрик городами киевской земли — Белгородом, Овручем, Вышгородом.)

Давыд

Давыд Ростиславич (1140–3.IV.1197) — князь вышегородский, а затем смоленский. В Смоленск он был послан Рюриком Ростиславичем, когда тот сел княжить в Киеве. Б. А. Рыбаков указал, что еще в 1176 г. Давыд во время нападения половцев не поддержал Рюрика и старшего брата Романа (тогда киевского князя) и оказался виновен в поражении русских. Это из-за него «храбрая дружина рыкала, как раненые туры...». Давыд Ростиславич был женат на половчанке, дочери хана Билюка и, вероятно,

⁶² Можно предложить и другую вставку: не *бояре*, а *были* (с тем же значением; см. выше). Переписчик мог легко опустить это слово, приняв его за сочетание очередных никому не нужных, с его точки зрения, частиц *бы* и *ли* (ср. сравнительно большее количество частиц в ранних древнерусских текстах — ДНД. С. 192–200). Оно тоже встраивается в определенную аллитерацию: *не ваю ли были/ злачеными шеломи/ по крови плаваша*. — А. Д. Не могу согласиться, поскольку тут аллитерация держится не на одном звуке *л*, а на глубокой составной рифме. Кроме того, когда в 1176 г. Давид не помог брату, князья вынуждены были бежать с поля боя. Именно тогда половцы *много боярь изымаша* (Ипат. Стб. 603). — А. Ч.

поэтому воздерживался от походов в Поле. Рюрик и Давыд будут еще раз упомянуты в тексте: *Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давидовы, нѣ розно ся имѣ хоботы пашутъ, коніа поютъ* (см. с. 281). И вновь Давыд предаст — откажется переходить Днепр, и в результате Кончак возьмет город Римов. Очевидно, поэтому автор «Слова» и называет этого князя просто «Давыдом», не давая себе труда подыскать к имени смоленского князя ни рифмы, ни какого-либо эпитета.

Н. К. Гудзий пишет: «Судя по повести Ипатьевской летописи, Рюрик и Давыд тогда же, летом 1185 г., откликнулись так или иначе на призыв Святослава и двинулись против половцев. Значит, надо думать, “Золотое слово” было написано еще до того, как стало известно о выступлении Ростиславичей» (*ЭСПи*. Т. 2. С. 70). Согласиться с этим трудно: «Злато слово» — это не реальная речь Святослава, а ее поэтическая интерпретация. И дело даже не в том, что Давыд вновь уклонился от сражения. «Золотое слово» обращено к географически близким и далеким от Киева князьям, а, значит, речь в нем не о тактической задаче отогнать Гзака и Кончака, а о задаче стратегической — организации общерусского отпора Полю.

Мнение О. В. Творогова: «Лихачев предположил, что речь идет о битве 1183 г. на Орели. Но в этой битве не участвовал Давыд, и она закончилась победой русских князей. В этом случае окажутся неуместными слова о дружине, ревущей как раненые туры: несмотря на неясность образа, все же создается не помпезно-победная, а тревожная картина. Поэтому Б. А. Рыбаков посчитал, что “нужно искать... реальную ситуацию, которая отвечала бы не победному, а трагическому концу какой-то битвы, когда дружина была изранена, а золоченые боярские шеломы плавали в крови. Участниками этого невеселого события должны быть оба брата”. Рыбаков допускает, что автор “Слова” вспоминает события 1176 г. (дата по Н. Г. Бережкову, см.: *Хронология русского летописания*. М., 1963. С. 160; в *Ипат.* это статья 1177 г., стб. 603), когда во время набега половцев Давыд не поспел вовремя, Рюрик рассорился с братом, а половцы *побѣдиша полкы руськое и много бояръ изымаша*» (*ЭСПи*. Т. 4. С. 257. Ссылка на: *Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве»*. М., 1991. С. 51–52, 125–128).

Заметим, что в летописи говорится именно о боярах. Значит, наша конъектура обоснована тремя способами — иерархически

(образной системой данного фрагмента), эвфонически и исторически. Кстати, по справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, автор не хвалит, а укоряет Рюрика и Давыда, напоминая им о последствиях их ссоры 1176 г.

Д. С. Лихачев пишет: «Для того чтобы опоэтизировать события, современные автору “Слова”, он привлекает русскую историю XI в. События XII в. для этой цели не годятся, и они для этого нигде им не упоминаются. В самом деле, свои поэтические сопоставления автор “Слова о полку Игореве” делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI в. Автор «Слова» вспоминает певца Бояна — также XI в. История XII в., предшествующая походу Игоря, как бы отсутствует в «Слове» — эстетически она не нужна» (*Лихачев*. С. 56).

Тем интересней выяснить, с чего же для автора «Слова» начинается *современность*. Одно из самых давних «современных» событий — это именно ссора Давыда и Рюрика и напоминание о том, как из-за этого в 1176 г. половцы разбили русских и «многих бояр увели». В 1185 г. ситуация повторяется: Давыд вновь не поддержит брата, и из-за этого будет тяжело ранен Владимир Глебович Переяславский и падет город Римов. А «самое давнее» — захват Киева Ярославом Осмомыслом (см. ниже).

Ярослав

Ярослав Владимирович Галицкий (1130–1187) — тесть Игоря, отец Ярославны. Его прозвище «Осмомысл» (Восьмимысленный) встречается только в «Слове». Могущественный князь, кремль которого находился в Галиче на высоком днестровском берегу. Граница Галицкого княжества и Венгрии проходила по Угорским горам (Карпатам). Ярослав защищал юго-западные границы Руси от венгерского короля.

22 декабря 1158 г. он действительно «отворил врата Киева», изгнав великого князя Изяслава Давыдовича, но широким жестом подарил великокняжеский стол Ростиславу Смоленскому (подробнее см.: *Рыбаков*. С. 120–121).

Комментарий Д. С. Лихачева: «Объяснение этой характеристики Ярослава Осмомысла, совершающего все свои богатырские деяния, сидя на отнем златокованом престоле, счастливо сохранила

нам летопись: в некрологической статье, посвященной Ярославу Осмомыслу под 1187 г., сказано: «бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ, и богобоинъ, и честенъ в земляхъ и славенъ полкы: гдѣ бо бѣшеть ему обида, *самъ не ходяшетъ полкы своими*, <но посылашеть я с вое>водами; бѣ бо ростроилъ землю свою» (Ипатьевская летопись)» (Лихачев. С. 134).

Невозможно согласиться с мнением Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина о том, что неизвестное летописям прозвище Осмомысл было внесено в одну из рукописей «Слова» позднейшим читателем (на том основании, что в издании 1800 г. «Осмомысле» — форма местного падежа, а не звательного)⁶³. В этом случае следовало бы объявить позднейшими приписками любое отступление от древней языковой нормы, скажем, все случаи разрушенного двойственного числа (которое при восстановлении дает рифму или аллитерацию).

Ярослав Осмомысл умер 1 августа 1187 г. Поскольку в «Слове» к нему как к живому обращается Святослав Киевский, очевидно, что поэма написана до этого времени.

...стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями.

Н. Н. Дубенский в 1844 г. предположил, что дружины Ярослава приняли участие в третьем крестовом походе против султана Саладина, но этот поход состоялся в 1189–1192 гг., то есть уже после смерти Ярослава.

Однако итальянский автор XIII в., живший в принадлежащем куманам крымском городе Солхате и оставивший сочинение «Codex Cumanicus», сообщает, что у тюрков во главе дружины стояли беки («княжичи»). Глав орд или племен звали солтанами. На это обратила внимание С. А. Плетнева (см.: *ЭСИИ*. Т. 4. С. 263). Тюркское слово восходит к арабскому *sultân*. На берегу Северского Донца в Харьковской области существует Салтановское городище. Племена или орды были объединены под властью хана. Ханов выбирали из определенных знатных родов на совете старейшин. В том же XIII в., как свидетельствует в своей «Истории монголов» Плано Карпини, после смерти Чингисхана императором был

⁶³ Конечно, это не местный падеж, а звательный, с допустимым по «народной» древнерусской орфографии написанием *ь* вместо *e* — см. многочисленные примеры в смоленских и новгородских грамотах.

избран его сын Огудай, который, собрав князей, послал войска Бату «против Высокого Султана и против земли бисерменов, ибо они были сарацины, но говорили по-комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними и войною подчинил их себе... Пошли они также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно хазар, русских, аланов и других, а также сарацинов. Сарацинам же принадлежала и власть над городом».

Видимо, это не автор «Слова», а мы неверно понимаем слово «хан» и слово «солтан». На языке XII в. последнее как раз применимо к Гзаку и Кобяку⁶⁴. Только Кончак, объединивший

⁶⁴ В описании команского языка, датируемом началом XIV века (начальные заметки — 1303 г., дошедшая рукопись по бумаге датируется 1330 г.), называемом Codex Cumanicus, в составе латинско-персидско-команского словаря-тезауруса в разделе «Nobilitas hoium et mulier» (т.е. названия почтенных господ и дам), действительно встречаем слово *soltan* в следующем ряду. Imperator: (*непс.*) *padisa* (т.е. падишах), (*коман.*) *can* (т.е. кан, хан); гех: (*непс.*) *patia* (?), (*коман.*) *soltan*; soldan: (*непс.*) *soltan*, (*коман.*) *soltan*; princeps: (*непс.*) *pser ul patia* (т.е. сын *patia* — царя), (*коман.*) *beg*; baron: (*непс.*) *amir* (т.е. эмир), (*коман.*) *bey*; regina: (*непс.*) *xen i patia*, (*коман.*) *can catonj* (хан хатун). *Бей* — это османское заимствование в куманский, этимологически тождественное собственному *beg*; возможно, таковым же является и *soltan*. Военачальник (*agmiragius*) там же назван по-персидски *sorouar*, а по-комански *ceribasi* (буквально «глава войска»). Автор кодекса, таким образом, не сообщает нам, кто стоял во главе дружины, а кто — во главе орд или племен. Предположение С. А. Плетневой — довольно сильное и должно оставаться на ее совести. По степени силы оно примерно соответствует предположению о том, что среди римских или итальянских государственных должностей имелась должность *soldan*, раз уж это слово приведено в латинской части словаря.

Титул *солтан* применялся, конечно, только у мусульманских тюркских народов (как заимствованный из арабского) и у половцев не функционировал. Исламизация кочевников Дешт-и-Кыпчак (до того бывших частично язычниками, частично христианами) начинается фактически с правления хана Узбека, т.е. со второй четверти XIV в. (см., например: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. СПб., 2004. С. 233–241). В «Слове» титул, очевидно, отнесен к сельджукским султанам (см., например: *Менгес*. С. 128–129). В Солхате, кроме куман, жили еще остатки хазар, среди которых давно было много мусульман, а также тюрков-огузов, также к этому времени омусульманенных. О системе власти у древних тюрков (и названиях правителей) см., например: *Бернштам А. Н.* Социально-экономический уклад древних тюрков. М.; Л., 1947; или *Ramstedt G.* Alte türkische und mongolische Titel. Paris, 1951. *Бек*, действительно, «правитель, глава рода», *хан* — «глава племени»; «предводитель племенного союза» — *эльхан* или *каган*.

под своей властью большинство половецких земель, вероятно, мог претендовать на ханский (императорский) титул. И в обращении к Осмомыслу Ярославу речь идет не о том, что его воины якобы участвовали в крестовых походах, а о том, что он непосредственно со своего золотокопаного престола может стрелять по половцам.

Д. С. Лихачеву принадлежит такое замечание: «...стол Галицкий назван “златокованным”, сделанным из сплошного золота, и этим подчеркивается только одна материальная сторона: богатство престола, а следовательно, и богатство Галича. Действительно, из всех княжеств Руси XII в. Галицкое было самым богатым вследствие выгодного для Галича перемещения в XII в. соединявших север и юг Европы торговых путей из Поднепровья, где их прервали половцы, на запад — в безопасные районы Галицкого княжества. Усиление в XII в. галицких городов было вызвано их увеличившимся торговым значением» (*Лихачев. С. 134*).

Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея...

Этот призыв к тестю Игоря Осмомыслу Ярославу Галицкому показывает, что автор «Слова» очень хорошо представляет, кто есть кто и в Русской земле, и в Поле Половецком. Игорь — сват Кончака, а Кончак — объединитель половцев. Именно он (а не куда более кровожадный, но маломощный Гзак) представляет наибольшую опасность для Руси. Каламбурная рифма *Кончака — кощея* есть намеренное оскорбление, ведь имя хана по созвучию превращено в слово, которое бытовало в двух значениях — кочевник и раб.

...за раны Игоревы...

В Ипатьевской летописи (цитирую в переводе): «Кончак поручился за свата Игоря, поскольку тот был ранен» (*Ипат. Стб. 644*).

6.3. А ты, Буй Роман, и ты, Мстислав! Храбрая мысль направляет ум ваш на подвиг⁶⁵. Высоко парите в отваге, словно соколы на ветрах распростершись, желая птиц в неистовстве одолеть. Есть у вас железные крылья⁶⁶ под шеломами латинскими. От них дрогнула земля и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела. И половцы сулицы свои побросали и свои головы склонили под ваши мечи булатные. Но уже, о князь⁶⁷, для Игоря померк солнца свет, и Древо не к добру листву уронило: по Роси и по Суле <половцы> грады поделили, а Игорева храброго войска не воскресить. Дон тебя⁶⁸, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, к брани подоспели. Ингварь, и Всеволод, и все трое Мстиславичей, не худого гнезда соколы шестикрылые! Не победным жребием вы владенья добыли! Где же ваши золотые шлемы, и сулицы ляшские, и щиты? Загородите Поло ворота своими острыми стрелами — за землю Русскую, за раны Игоревы, отважного Святославича!

⁶⁵ *Храбрая мысль носить васъ умъна дѣла* (минимальная из конъектур — замена *дѣло* на *дѣла*). Тогда перевод должен быть, как это ни грустно, скорее «храбрая мысль *уводит вас (двоих) от умных* (вар. — *мысленных*) *действий*». Либо необходима конъектура *васъ > ваю* (родительный падеж двойственного числа), тогда — как в переводе. — А. Д. Принимаю второй вариант, поскольку борьба с половцами, по мысли автора «Слова», и есть «умные дела». — А. Ч.

⁶⁶ В оригинале *папорзи* — «наплечники», или даже «плечи» (диал. *папорзок* — второй сустав крыла птицы). См. более подробно: *Булаховский*. С. 491.

⁶⁷ *...нѣ уже княже Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ*. Буквально: но уже, о князь Игорь, ослаб (аорист от *утрпнути*) солнца свет; менее вероятно: «Но уже, о князь, для Игоря ослаб солнца свет». В качестве дательного падежа ожидалось бы скорее *Игореву*, да и два дательных рядом (*Игорю* и *солнцу*) в разных синтаксических функциях — существенный стилистический огрех. Предлагаемый

Буй Роман

Роман Мстиславич Волынский (1155–1205), праправнук Владимира Мономаха. Позднее правил в Галиче и захватил Киевский престол. В 1185 г. его столица — Владимир на Волыни. Как отмечает Д. С. Лихачев, один лишь Владимир Мономах мог бы сравниться с Романом в числе побед над половцами. При этом до 1187 г. Роман — второстепенный удельный князь, а его громкие победы над половцами, литвой и ятвягами относятся к куда более позднему времени (1197/98–1205). Но если, как полагает Д. С. Лихачев, Роман косвенно называется в «Слове» ниже (в обращении «ко всем трем Мстиславичам»), то здесь речь должна идти о каком-то другом князе, и тогда наиболее привлекательной может оказаться гипотеза о том, что громкое имя Романа интерполировано в текст памятника переписчиком в начале XIII в. (см., например, статью Н. Ф. Котляра о Романе Мстиславиче в *ЭСИИ*. Т. 4. С. 233–235).

Однако такое решение «проблемы Буй Романа» представляется поспешным.

Рифmoidная (а потому неслучайная) связка имен Буй Романа и Мстислава свидетельствует в пользу того, что это место дошло до нас в своем первоизданном виде:

А ты Буи РОМАНе и М/Е/СТИСлаве
хрАБРАЯ МЫСль ноСИТ/Е

А-Б-РОМАН-М/Е/СТИ — *АБРА-МЫС-СИТ/Е*, а кроме того, созвучно началу и концу второй строки каждое из имен: *А ты Буи РОМА...* — *хрАБРАЯ*; *М/Е/СТИСЛАВЕ* — *МЫСЛ/Е НОСИТ/Е*.

(См. ниже о прочих рифмах этого фрагмента: *половци* — *по Роси*; *Литва* — *листвие*; *ятвязи* — *князи*)

выше перевод, таким образом, менее вероятен, следует оставить традиционное обращение к Игорю. — А. Д. Предложение А. В. Дыбо не могу принять потому, что далее вновь обращение к одному князю (Буй Роману): это его, а не Игоря «кличет Дон» и «зовет на победу», ибо «Ольговичи храбрые князья уже поспели к брани». — А. Ч.

⁶⁸ *Донъ ти княже кличеть* — либо «Дон, вот, о князь, кричит и зовет князей на победу», либо «Дон тебе, князь, кричит» — в зависимости от трактовки *ти* как частицы (см. о ней: *ДНД*) или энклитической формы местоимения 2 лица единственного числа дательного падежа.

Громкие победы Буй Романа на рубеже XII–XIII в. могли затмить память об известных поэту более ранних походах этого князя в Поле и в Литву. Кроме того, в конце XII в. мы не знаем другого Романа, победителя половцев и ятвягов.

Автор «Слова» выделяет и одаривает эпитетом *буи* лишь троих князей — Романа, Всеволода Святославича и Рюрика, сопровителя Святослава Всеволодича Киевского. Это говорит, вероятно, о том, что поэт прекрасно осведомлен о характере Романа, который еще юношей с 1168 по 1170 г. княжил в Новгороде и в первый же год проявил себя достаточно ярко — ходил на Полоцк и Торопец. Однако в 1169 г. суздальский князь Андрей Боголюбский изгнал его отца Мстислава Изяславича из Киева и послал на Новгород огромную рать во главе со своим сыном Мстиславом. Софийская первая летопись сообщает, что в походе приняло участие семьдесят два князя «и просто вся земля Русская». Роман и посадник Якун окружили Новгород новым острогом и так организовали оборону, что 25 февраля 1170 г. после четырехдневного штурма суздальцы бежали. (Тому способствовали мор и падеж коней в войске Мстислава Андреевича.) В честь этого события в Новгороде был установлен праздник богородичной иконы «Знамения». «Чудо от иконы “Знамение”» («Битва новгородцев с суздальцами») станет одним из самых любимых сюжетов новгородской иконописи.

Поражение войск Андрея было сокрушительным: суздальских пленников новгородцы продавали за символическую плату — по две ногаты за ратника. И не вина Буй Романа, что вскоре после этого в Новгороде начался голод, а поскольку хлеб в город шел из земель Андрея, новгородцы послали к нему, прося мира и нового князя (но с условием сохранения новгородских вольностей и обычаев). Кроме голода, у них была и еще одна причина: отец Романа безуспешно пытался отвоевать Киев у Глеба Юрьевича и умер в августе 1170 г. Это значило, что за юным князем уже не стояла грозная сила его отца.

Пятнадцатилетний Роман удалился во Владимир на Волыни и долгие годы не принимал участия в княжеских междоусобицах. Однако, должно быть, новгородская слава Буй Романа была свежа в памяти, и на его удел никто не покушался. В 1185 г. Роману тридцать. Автор «Слова», конечно, еще ничего не знает о дальнейшей громкой его судьбе, но, по-видимому, из всех Мстиславичей (потомков Мстислава Владимировича) именно Роман должен был

особенно импонировать поэту: во-первых, он уже в юности показал себя не только полководцем, но и защитником Новгорода (шутка ли — разгромить войска Андрея Боголюбского!), во-вторых, Роману помогла сама Богородица, в-третьих, на фоне русских князей конца XII в. Роман Мстиславич — идеал мудрого и не алчного правителя.

Полтора десятилетия Роман занимался «устроением» своего княжества и защитой его от ятвягов и литвы. Около 1185 г. он женился на дочери Рюрика Ростиславича Предславе. В 1199-м он объединил под своей властью Владимиро-Волынскую и Галицкую земли.

Роман совершил победоносные походы на ятвягов, половцев и поляков, подчинил себе мятежное галицкое боярство. Ему приписывали фразу: «Если пчел не передавить, меда не есть». Он долго терпел обиды от своего тестя Рюрика Ростиславича, но потом развелся с его дочерью, захватил Киев, а Рюрика постриг в монахи.

Римский папа Иннокентий III прислал к Роману легатов, пытавшихся убедить его перейти в католичество. За это папа обещал провозгласить Романа королем Руси. На это Роман отвечал, что не нуждается в мече святого Петра, поскольку города и земли добывает с помощью собственного меча. Польский хронист Мацей Стрыйковский сообщает, что Роман называл себя русским королем.

В. Н. Татищев писал: «Сей Роман Мстиславич, внук Изяславов, ростом был хотя не весьма велик, но широк и надмерно силен. Лицом красен, очи черные, нос великий с горбом, власы черны и коротки; вельми яр был во гневе и косноязычен, ибо, когда сердился, не мог долго слова выговорить; много веселился с вельможами, но пьян никогда не был. Много жен любил, но ни одна им не владела. Воин был храбрый, хитрый на устройство полков, что показал, когда венгров великое войско с малым своим разбил. Всю жизнь свою в войнах препровождал, многие победы получил, а единою побежден был» (*Татищев*. С. 174–175).

Роман погиб в сражении с поляками и погребен в Галиче. Он стал героем народных баллад и легенд. Ипатьевский летописец называет его «приснопамятным самодержцем всея Руси» и сообщает, что он *храборъ бо бѣ яко и турь* (*Ипат.* Стб. 715). Тут же говорится, что Роман ревновал к славе своего предка

Владимира Мономаха, который *пилъ золотымъ шоломомъ Донъ* (Стб. 716).

Это сравнение с туром и взятый, вероятно, из «Слова о полку Игореве» золотой шлем, которым Владимир Мономах пьет из Дона, убеждает, что «Буй Роман» — именно Роман Мстиславич, и, скорее всего, на летописный текст повлияло «Слово».

Татищев под 1203 г. приводит послание Романа к Всеволоду Большое Гнездо, в котором явственно откликаются идеи «Слова» (напомним, что историк этой поэмы не знал):

«Вам, братия, известно о том, что Киев есть старейший престол во всей Русской земле, и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях русских, чтоб мог благоразумно управлять и землю Русскую отовсюду оборонять, а в братии, князьях русских, добрый порядок содержать, чтобы один другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. Похищают престол младшие и несмышленные, которые не могут не только другими распоряжаться и братию во враждах разводять, но сами себя оборонить не в состоянии; *часто восстает война в братии*, приводят язычников половцев и *разоряют землю Русскую*, чем особенно и в других *вражду всевают*» (Татищев. С. 169).

В последних строках ясно звучат переложённые на политический язык метафоры «Слова».

В конце XII в. на Руси жил еще один князь, который с помощью чуда Богородицы (так об этом сообщает летопись) в первом же своем ратном походе опрокинул полки многоопытного и могучего противника. За что юношу ровно через десять лет после победы Буй Романа над суздальцами, новгородцы, помня свою вину перед Романом (и, значит, перед Богоматерью, которая тому покровительствовала) пригласили на княжение, но спустя полтора года вынуждены были показать ему на ворота. Произошло это по тем же сугубо политическим причинам, что и в случае с Романом: новгородцам вновь потребовалось замириться с владимирским князем. Правда, теперь это был не Андрей Боголюбский, а Всеволод Большое Гнездо, которого, кстати, наш герой своим поразившим современников подвигом фактически и посадил на владимирский престол. Это Владимир Святославич Вщижский, который летом 1185 г. отстоял Путивль (сын центрального героя «Слова» Святослава Киевского; о его роли в создании «Слова о полку Игореве» см. на с. 318).

Мстислав

Как полагали Б. А. Рыбаков и Д. С. Лихачев, имеется в виду Мстислав Ярославич Немой, сын киевского, а позднее луцкого князя Ярослава Изяславича, внук Мстислава Владимировича Великого, княживший в волынских городах Пересопнице и Луцке. Участник организованного Святославом Всеволодичем и Рюриком Ростиславичем похода на половцев 1183 г. Во время битвы с монголами на Калке (31 мая 1223) он придет на помощь раненому Даниилу Романовичу.

Предположение о том, что под именем Мстислава имеется в виду другой князь восьмого от Владимира Святославича поколения — Мстислав Мстиславич «Удатный» (ум. 1228), можно отвести на том основании, что в середине 80-х гг. XII в. этот князь еще не был известен. Впервые он появляется в летописи только в 1193 г. как трепольский удельный князь, одержавший победу над половцами вместе с Ростиславом Рюриковичем. Кроме того, на упоминание в этом месте «Слова» претендуют Мстислав Всеволодич городенский, внук Давыда Игоревича, а также участвовавший в походах против половцев Мстислав Романович псковский (затем смоленский и киевский), сын великого князя Романа Ростиславича. (Погиб на Калке.) Однако оба этих князя генеалогически находятся куда дальше от Романа Мстиславича Волынского, чем его двоюродный брат Мстислав Немой, а потому объединение их в одну пару с Романом ничем не мотивировано. Кроме того, далее в тексте следует обращение к родным братьям Мстислава Немого — Ингварю и Всеволоду.

Суть бо у ваю желѣзнии папорзи подѣ шелома латинскими.

У Романа и Мстислава действительно должны быть латинские шлемы и ляшские копыя, ведь их уделы находились на границе с Польшей и католическим миром. Потому неудивительно, что слово *папорзи* в древнерусских сочинениях более не встречается. Ф. И. Буслаев предположил, что читать надо *паперси*⁶⁹ —

⁶⁹ Такого слова в древнерусском не зафиксировано, но оно было бы нормальным производным от *пърси* — «грудь». Развитие *папърси* > *папорзи* фонетически невозможно, поэтому приходится предполагать опisku переписчика, с равной вероятностью из *папърси* или *паворози*. Ср. выше о диал. *папорзок*.

нагрудники, панцири. Вряд ли можно воспользоваться упоминанием Ю. М. Лотмана о том, что «павор(о)зи» — ремешки, прикрепляющие шлем к подбородку (см.: *Лотман Ю. М.* О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1958. Т. 14. С. 39), ведь земля не треснет от тяжести «железных ремешков» (даже при поэтической их гиперболизации). *Папорозь* (вероятно, опечатка вместо *папорозь*) — верхняя часть брони (по Н. М. Карамзину), а на то, что термин восходит к птичьему крылу и имеются в виду железные крылья, указал в 1880 г. М. А. Максимович (см.: *СССПИ.* Вып. 4. С. 55–56). Ф. Я. Прийма приводит сербско-хорватское *poprsje* — бюст, нагрудник (*СССПИ.* Вып. 6. С. 231).

Потому речь, конечно, о рыцарском доспехе с крылоподобными наплечниками, и относящееся к крылу птицы диалектное *папорзок* в этом контексте прекрасно вписывается в описание этих отважных князей, парящих на железных крыльях своей брони. Оценим парадоксальную смелость метафоры: эти крылья, стремительные, как сама мысль, столь тяжелы, что, когда соколы бросятся на землю, даже земля не выдерживает удара.

Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела

В этом ряду *Хинова* должна означать не «восточные народы» (так полагал Д. С. Лихачев), а венгров (наследников гуннов) — юго-западных соседей Руси. *Литва* — литовцы, северо-западные соседи Галицко-Волынского княжества; *ятвязи* и *деремела* — балтийские племена.

Сулица

Дротик, короткое метательное копьё.

...древо не бологомъ листвіе срони...

В народных говорах *не к бологу* — не к добру (см.: *Козырев 1976.* С. 94).

...по Рсиі и по Сули гради подѣлиша...

Рось — правый приток Днепра, а Сула — левый. Это не пограничные с Полем, но, можно сказать, приграничные реки.

Обратим внимание на фонетическую организацию:

тѣми тресну земля и мѣногы страны
 хынова литѣва ятвязи деремела
 И ПОЛОВЬЦИ СУЛИЦИ СВОѢ ПОВЪРГОША
 а главы своѢ поклониша
 подѣ тыѢ мечи харалужьныѢ

нѣ уже кѣняже
 игорю утѣриѢ сълнѣцю свѣтъ
 а дерево не бологомѣ листьвие сѣрони
 ПО РЪСИ И ПО СУЛѢ ГРАДИ ПОДѢЛИША
 а игорева храбраго пѣлку не крѣсити

Замечательна панторифма (это когда две строки про-рифмованы насквозь): *и половьци сулици своѣ повѣргоша — по рѣси и по сулѣ гради подѣлиша*. Между этими звуковыми повторами более шестидесяти слогов⁷⁰. Эта каламбурная рифма совсем не забавна, поскольку она — иллюстрация к вывернутому наизнанку времени: прошла пора, когда половцы бросали свои дротики на землю и склоняли головы под харалужные мечи русских. Теперь, когда для князя Игоря померк свет солнца, когда «дерево не добром листву уронило» (биологи на основании данных дендрохронологии утверждают, что лето 1185 г. было на редкость засушливым и листопад мог начаться еще в августе), половцы поделили русские города по рекам Сула и Рось. (Что, кстати, соответствует реалиям летней кампании 1185 г., ведь Гзак пошел по Суле в Посемье, а Кончак на Рось, то есть в сторону Киева.)

Заметим, что перевертыш этой панторифмы поддержан и еще несколькими нетривиальными созвучиями: *харалужьныѣ — нѣ уже — кѣняже; Литва — листьвие; Деремела — а дерево; страны — сѣрони*; (и, вероятно, в оригинале было *Ятвязи — кѣнязю Игорю*).

⁷⁰ О возможности тмеса скальдического типа в «Слове» см. выше. Возможна конъектура *гради поделишася*, тогда это отдельная фраза. Но панторифма довольно убедительна. *Гради* вместо *грады* (форма именительного падежа вместо винительного) для текста «Слова» возможны, ср. винительный множественного *хлѣми*; такие формы появляются на северо-западе и западе рано, так что форма может быть принадлежностью протографа.

При этом левая часть каждого созвучия находится в «лицевой» части повествования, а правая — в «изнаночной».

Справедливо замечание Д. С. Лихачева: «...река Дон, на которой находились кочевья половцев, но где имелись и многочисленные русские поселения, для автора “Слова” — русская река. Дон зовет князя Игоря “на победу”» (Лихачев. С. 123). Но уточним, что призыв обращен не к Игорю, а к Буй Роману Мстиславичу Вольнскому.

Ольговичи храбрыи князи доспѣли на брань.

В. А. Козырев отмечает, что среди пятнадцати значений глагола *доспеть* (по *СРНГ*) ни одно не идентично тому, что следует из «Слова». В брянских говорах «доспеть» — приготовиться, собраться. В Трубчевске говорят: *Только даспели касить — такой вураган*. В Карачеве записано: *Жорьвли нѣ атлѣт даспели у тѣплые сторьны* (Козырев 1975. С. 71). Но в «Слове» речь как раз о том, что Ольговичи поспели-таки к брани. Это ирония поэта, ведь до самовольного похода 1185 г. Игорь с братом всё «не поспевал».

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи...

Д. С. Лихачев предполагает, что тут говорится об Ингваре и Всеволоде Ярославичах и об их двоюродных братьях, сыновьях Мстислава Изяславича — волынских князьях Романе, Всеволоде и Святославе. Но тогда в случае с «тремя Мстиславичами» надо допустить, что автор «Слова» ошибкой дважды обращается к Роману Мстиславичу, ведь до этого к нему уже есть персональное обращение («Буй Роман»). Представляется более аргументированным мнение Б. А. Рыбакова, называющего в качестве «всех трех Мстиславичей» сыновей Мстислава Храброго — Давыда, Владимира и Мстислава «Удатного» (см.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 489; Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 131, 159). Б. А. Рыбаков показал, что упоминание здесь трех юных княжичей — дань памяти Автора их отцу Мстиславу Храброму, умершему несколько лет назад в Новгороде.

Историк заметил, что в Святослав Киевский не обращается с призывом «загородить Полю ворота» к Ольговичам, ближайшим

своим родичам. Но, заметим, что в этом нет необходимости, ведь все они — участники событий лета 1185 г.

...не худа гвѣзда шестокрыльци...

«Шестокрыльчи» — традиционный церковный эпитет к серафимам. Н. М. Дылевский и А. В. Соловьев, ссылаясь на примеры из южнославянского фольклора, утверждают, что этот эпитет был применен и к соколу, и к воину (*Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 371*). Н. В. Шарлемань дает иное объяснение (впрочем, не противоречащее первому): у сокола «деление оперения крыла на три части... особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда “шестокрыльци”» (*Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1948. Т. 6. С. 113*).

...непобѣдными жребіи собѣ власти расхытитесте.

На первый взгляд не ясно, как это понимать: то ли «недостойными, нечестными жребиями урвали свои уделы («власти»), то ли — «вы свои уделы добыли не в междоусобицах, а по праву наследства». Но, скорее всего, в данном месте ирония отсутствует.

Загородите Полю ворота своими острыми стрѣлами...

Единственный в «Слове» случай, когда два смежных стиха не нуждаются ни в комментарии, ни в переводе на русский. Впрочем, примечание все же необходимо: узнав о поражении Игоря, Святослав Киевский сказал: *Дал ми Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю... (Ипат. Стб. 645)*.

СЕДЬМАЯ ПЕСНЬ

7. 1. Уже и Сула не течет серебряными струями к городам Переяславля, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один Изяслав, сын Васильков, позвенел острыми мечами о шеломы литовские, прирубил он славу к славе деда своего Всеслава, а сам под красными щитами литовскими мечами приласкан на кровавой траве. Возжелал ею укрыться, а про такое и было прежде сказано: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь слизали!» Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода, в одиночестве изронил он жемчужную душу из храброго тела через злато ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские: «Ярославовы все внуки и Всеславовы! Склоните стяги свои, вонзите в землю свои мечи оскверненные. Вы отпали от дедовой славы, ибо своими раздорами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Обернулись ваши распри насилием от земли Половецкой!»

Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Переяславию...

Это, видимо, ошибка переписчика: Переяславль Русский расположен ниже Киева близ Днепра (при слиянии Трубежа и Альты), а пограничная с Полем Сула впадает в Днепр еще на сто километров ниже. В 1185 г. после поражения Игоря Кончак и Гзак «по Роси и по Суле города поделили». Допустимо было бы сослаться на то, что для человека XII в. река — прежде всего дорога. По Суле, которая течет с севера на юг по восточной границе Переяславского княжества, от разоренных городов можно приплыть к Переяславию. Значит, вроде бы можно сказать, что она «течет серебряными струями к Переяславию». Вот и Ярославна с путивльских стен может обратиться к Днепру с просьбой «прилелеять» к ней ее мужа: Путивль стоит на Сейме, Сейм впадает в Днепр, а Днепр в Черное море, из которого можно выйти в Азовское и доплыть до Дона. Однако более вероятно, что переписчик в очередной раз не разглядел выносного «м», и читать надо не *къ граду Переяславию*, а *къ градъ^{мъ} Переяслави* — к стоящим на правом берегу Сулы четырем известным нам городам Переяславского княжества. Это те самые переяславские города, которые в 1185 г. половцы и «поделили» (среди них был и павший в ту кампанию Римов).

Решающим тут, на наш взгляд, становится эвфонический аргумент:

уже бо сула не течеть
 съребренными струями
 къ градОМ/О переяслави
 и двина болотОМ/О течеть
 онЫМ/О грозньЫМ/О полочанОМ/О
 подь кликОМ/Е поганыхъ

Шестикратное созвучие не может быть случайностью: текст чавкает, как болотная гать (хотя поэтически это музыка самой высокой пробы).

Изяслав

Изяслав Василькович в летописях не упомянут. Считается, что и о его брате Всеволоде нам также ничего не известно. Летописи

говорят только о третьем брате — Брячиславе, сыне Василька Святославича. Не ясно и в каком городе звучат «городенские трубы»: в Городце? в Гродно? Понятно только, что речь идет о полоцких князьях, потомках Всеслава. И, видимо, имеется в виду город где-то на границе с Литвой. На Немане стоял Городен (Гродно). Но Городенское⁷¹ княжество находилось возле Пинска, на рубеже Галицко-Волынских и Полоцких земель между реками Стырью и Горынью. В Ипатьевской летописи под 1183 г. читаем: *Того же лѣта Городень погорѣ всѣ и церкви каменная от блистанія молниѣ и шибенія грома (Ипат. Стб. 634)*. Вновь мы не знаем, о каком из городов идет речь, но, надо полагать, это о том же городе, чьи трубы повелевают русским князьям прекратить усобицы. Перед нами стандартное для средневекового мышления осмысление стихийного бедствия («Божья кара — за грехи наши»), подкрепленное реминисценцией из Апокалипсиса.

Ипатьевская летопись под 1159 г. сообщает, что Брячислав Василькович посажен Рогволодом Борисовичем, полоцким князем, в Изяславль: *Рогволодъ же вѣда Изяславль Брячиславу того бо бѣше отцина (Ипат. Стб. 496)*. В том же году Глебовичи (сыновья Глеба Всеславича) *Яша... Володшу и Брячислава в Изяславли, и всадшиа Володшу в поруб, а Брячислава окована держажут (ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод. М., 1949. С. 67)*, но Рогволод пошел к Минску, осадил его, и после шести недель осады освободил Володшу и Брячислава.

В. Е. Данилевич в конце XIX в. считал, что этот Володша и есть малолетний Всеволод (*ЭСИИ. Т. 1. С. 251*). Впрочем, есть и иные версии (см. там же).

В 1180 г. Брячислав уже витебский князь.

Замечено, что рассказ об Изяславе не случайно попал в «Слово»: Святослав Всеволодич Киевский был женат на Марии Васильковне Полоцкой, которая, видимо, была сестрой Изяслава.

И схоти ю на кровать и рекъ...

Место это выглядит окончательно испорченным. Предлагались самые разные конъектуры.

⁷¹ *Городенское* — это и есть *Гродненское*, восточнославянский эквивалент польского *Гродно* — *Гродьно*, от которого прилагательное *городьньскии*. От *Городець* ожидалось бы прилагательное *городьцькьи*.

В начале 1980-х лингвист С. Л. Николаев в одной из наших бесед о «Слове» заметил, что в древнерусском языке существовало слово «накровъ» — крышка посуды (зафиксировано в 1660 г.). Обычай хоронить в деревянных гробах приходит на Русь одновременно с крещением. Но поскольку Изяслава, умирающего на поле боя под красным щитом, даже похоронить некому, можно прочесть: *...а самъ подѣ чърлеными щиты на кровавъ травѣ притрепанѣ литовскыми мечи и съ хотию накрова, ать и рекомо...* («а сам под красными щитами и с желанием покрова на кровавой траве приласкан литовскими мечами. А ведь про то и сказано было...») Однако более убедительный вариант предложила при подготовке этого издания А. В. Дыбо: *и съхоти ю на кровѣ, ать и рекъ^{МО}...* — и восхотел ее (траву) в качестве покрова, а про такое и было сказано...⁷² (Вспомним «зеленую паполому» Канины.)

Речь о правильном и неправильном похоронном обряде. Правильное погребение — в гробу под гробовой крышкой, неправильное — под собственным щитом в чистом поле. Изяслава некому похоронить по-христиански, некому обеспечить его тем самым покровом, который тут хорошо рифмуется с причастием «рекомо».

Этот воинский сюжет известен с античности. Римский историк Гай Светоний Транквилл в «Жизни двенадцати цезарей» пишет об Октавиане Августе, что тот, «когда кто-то униженно попросил не лишать его тела погребения, говорят, ответил: “Об этом позаботятся птицы!”».

Н. В. Шарлемань замечает, что, когда орлан-белохвост, гриф или другой крупный стервятник садятся на труп, они и впрямь прикрывают его крыльями, ограждая таким образом от посягательства других птиц. Тот же автор пишет, что фраза «звери кровь слизали» относится к лисицам, которые не пожирают трупы, но только слизывают с них кровь.

...единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожереліе.

Метафора: «душа — жемчуг» известна по Хронике Георгия Амартола: *свое естество душевное видяхъ яко бисерь блестящяся*

⁷² Здесь сложность представляет аорист от (*и*)*схотѣти*, должно быть *съхотѣ* (или *исхотѣ*), и других достоверных случаев мены *ъ/и* в «Слове» не встретилось. Ошибка под влиянием *и* в приставке?

(см.: *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 440). Фольклор знает и метафору «слезы — жемчуг». В «Слове» она звучит во сне Святослава. (См. также комментарий к строке *а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано*, с. 297.)

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин пишут, что слова, вложенные в уста умирающего князя, не соответствуют «как стилистике “Слова”, так и литературному этикету Древней Руси». Авторы считают, что к этому месту можно найти аналогии в скальдических строфах-висах, произносимых перед смертью героями исландских саг («Сага о Гисли», «Сага о Греттире»), в частности, близкой аналогией являются слова Эгиля Скаллаgrimсона: «Охраняйте Анунда, вашего хозяина, и его дружину, чтобы звери и птицы не растерзали их трупов» (Исландские саги. М., 1956. С. 180). На основании данной параллели авторы предполагают, что «слова Изяслава» восходят к какому-то не дошедшему до нас стихотворному произведению знаменитого викинга-скальда, о котором повествует эта сага (см.: *Мещерский, Бурькин* С. 473). Но в том-то и проблема, что, неплохо представляя этикетные нормы древнерусской книжной культуры, мы практически ничего не знаем о дружинной поэзии. И потому: а) не замечаем в «Слове» того, чего не знаем по древнерусской прозе; б) объявляем чужеродным и отторгаем даже то, что находит параллели в иноязычных средневековых поэтических традициях.

Л. А. Дмитриев пишет: «Княжеская одежда, надевавшаяся под корзно (плащ), имела разрез во всю длину <...>. Круглый или квадратный глубокий вырез ворота обшивался золотом или драгоценными камнями, образующими по краю широкую кайму, получившую название “оплечья” или “ожерелья” (История культуры Древней Руси. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 247). Изронить душу — значит умереть: *до изрону души моей* (Даль), то есть до смерти. По древним верованиям, душа человека, как только он умирал, отлетала от него через горло и уста, ожерелье облегалo шею, отсюда и этот образ...» (*Дмитриев Л. А.* Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 279).

Так в «Слове» сказано и о Святославе Киевском, который, узнав о поражении младших Ольговичей, *изрони злато слово*. В другом памятнике XII в. находим аналогичное *слъзы изрони* (СССПИ. Вып. 2. С. 157). В. Ф. Ржига отмечал, что изронить слово —

вымолвить его невольно, находясь в потрясении от случившегося (СССР. Вып. 2. С. 158). И хотя по Далю этот глагол значит «выронить, обронить, потерять, выпустить невзначай из рук» и т. д. (так и в современных брянских говорах; см.: *Козырев 1975. С. 124*), в «Слове» в обоих случаях это не оброненное, а исторгнутое через уста.

Ярославе и вси внуце Всеславлн...

Принимаю как очевидную конъектуру Д. С. Лихачева, который весьма убедительно (и текстологически, и исторически) высветлил это темное место. Цитирую: «...из контекста “Слова” ясно, что речь идет не о войне Ярослава в союзе с полоцкими князьями против половцев, а о междоусобной войне. Автор “Слова” укоряет обе стороны за “которы”. Войны против “поганых” автор “Слова” мог только приветствовать. Автор “Слова” звал русских князей выступить против половцев и в равной мере против литовских племен, нападавших на Русь. <...> По всему контексту ясно, что здесь в “Слове” имеется в виду какое-то крупное историческое явление. Какое же? Я предполагаю, что в слове “Ярославе” при его прочтении издателями вкралась ошибка. В этом слове издатели неправильно прочли выносное “л” <...>. Читать следует не “Ярославе”, а “Ярославлн”: “Ярославлн и вси внуце Всеславлн!”, или: “Ярославлн вси внуце и Всеславлн!” Примеров неумения первых издателей правильно читать выносные буквы и окончания слов, а также делить текст на слова можно было бы привести много. <...> Перед нами призыв прекратить вековые “которы” ярославичей и полоцких всеславичей. Родовое гнездо полоцких князей противостоит в сознании людей XII в. потомству Ярослава Мудрого. Летопись противопоставляет полоцких князей другим русским князьям, называя последних ярославичами. Под 1128 г. в Лаврентьевской летописи мы читаем рассказ о причинах вражды полоцких князей с ярославичами. Это известное повествование о Рогнеде и Владимире. Заключается рассказ Лаврентьевской летописи следующими словами: *И оттоле мечь взимають роговоложи внуци противу ярославлнм внуком*. Через 50 с лишним лет автор “Слова” имел право говорить не о “Роговоложих внуках”, а о “внуках Всеславлнх”, но “Ярославлн внуки” остались все те же» (*Лихачев. С. 91–92*).

...вонзить свои мечи вережени...

В брянских говорах *верезжёный* — поврежденный (см.: *Козырев 1976. С. 94*). А. В. Дыбо указала, что поскольку форма является стандартным причастием, то есть грамматической формой от глагола *вередить*, то она должна существовать также везде, где есть этот глагол. *Вередить* (повреждать): *калуж., смол., новг., волог., арх., пск., твер.* (*СРНГ. Т. 4. С. 129*).

...на землю Рускую, на жизнь Всеславию.

В XII в. под Русской землей обычно понималось среднее Поднепровье. Автор «Слова» использует этот термин расширительно, но упоминание о «жизни Всеславовой» (достоянии Всеслава) показывает, что Полоцкая земля воспринимается поэтом как нечто отдельное.

7. 2. На седьмом веку Трояна бросил Всеслав жребий о деве, ему полюбившейся. Он коварством, словно клюками подперся (*вариант*: оперся на требование коней, как бы подперся клюками), и скакнул ко граду Киеву, и коснулся древком золотого киевского престола. Отскочил в полночи лютым зверем от киевлян из Белагорода, обернулся синим маревом, наворожив, урвал тройную удачу — отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярославу и прыгнул волком до Немиги с Дудуток. На Немиге снопы стелют головами, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, отвеивают душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костями русских сынов. Всеслав-князь людям суд судил, князьям города рядил, а сам по ночам волком рыскал, из Киева до первых петухов добегал до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке чуть свет звонили к заутрене колокола святой Софии, а он в Киеве звон тот слушал. Хоть и вещая душа была в двух его телах, но часто он неудачи терпел. Ему вещей Боян и давнюю припевку, мудрый, изрек: «Ни хитрому, ни искусному, ни кобнику искусному — Суда Божьего не миновать!»

Этот фрагмент заимствован автором «Слова» (видимо, с минимальной правкой в конце) из дружинной былины Бояна⁷³ (см.: Чернов. С. 110).

Всеслав

Всеслав Брючиславич Полоцкий (умер в 1101) — правнук Владимира Святого и первой его жены Рогнеды. В русских былинах фигура Всеслава отразилась в образе волшебника и богатыря Волха Всеславича. В «Повести временных лет» (под 1044 г.) говорится: *его же роди мати отъ волѣхвованія (Ипат. Стб. 143).*

В 1065 г. Всеслав ходил на Псков, но вынужден был отступить, в начале 1067 г. он разграбил и сжег Новгород, увезя в Полоцк колокола и церковную утварь Святой Софии. 3 марта 1067 г. на Немиге Всеслав был разбит Ярославичами. Киевский князь Изяслав Ярославич целовал крест, что не причинит Всеславу вреда, но, заманив Всеслава в свой шатер, схватил и заточил полоцко-го князя с двумя его сыновьями в порубе. Произошло это в июле.

Через год на Русь пришел половецкий хан Шарукан. Это было первым крупным нападением половцев на русские княжества. Войска Ярославичей были разбиты, и киевляне потребовали у великого князя Изяслава коней и оружия. Изяслав отказал, и 15 сентября горожане восстали. Изяслав бежал из Киева, а Всеслава освободили и провозгласили киевским князем. Но идти против Шарукана ему не пришлось: Святослав Черниговский одержал над половцами победу и полонил самого хана. Когда Изяслав и Болеслав в 1069 г. пошли на Всеслава, он выступил им навстречу, но из Белгорода тайно бежал в Полоцк.

На седьмомъ вѣѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу.

Д. С. Лихачев пишет: «Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого — он добывает себе Киев — “девицу любу”, скакнув на коне и дотронувшись стружием до золотого киевского стола, что напоминает сватовство к невесте в русской

⁷³ Во всяком случае, этот отрывок как стихотворный текст резко выделяется из окружающего, производя впечатление значительно более отработанного и «окультуренного».

сказке (Иванушка скачет на коне и успевае снять кольцо с руки у царевны, сидящей высоко в тереме)» (Лихачев. С. 60). По мнению исследователя, под девицей разумеется Киев, ведь опершись в 1068 г. на требования восставших киевлян, Всеслав, чтобы взойти на киевский стол, действительно играл своею судьбой — «кинул жребий». Добавим: «полюбившаяся Всеславу дева» — это, конечно, главный художественный (и духовный) символ Киева, то есть византийская мозаика Богородица Нерушимая Стена на своде центральной абсиды Киевской Софии. Всеслав при всем желании не мог забрать ее в Полоцк, как, скажем, колокола Софии Новгородской.

Б. А. Рыбаков высчитывает «века Трояна», основываясь на современном представлении о веке как о столетии. Но «век» по-древнерусски — или срок человеческой жизни, или тысяча (а не сто) лет. В памятнике XII в. (1136) читаем: *Отъ Адама до сего времени минуло естъ вѣковъ 6. А седмого вѣка минуло лѣтъ 644.* (СССР. Вып. 1. С. 96.) Речь о седьмом, то есть, по фольклорным представлениям о числе семь, последнем веке Трояна. Всеслав Полоцкий считался оборотнем, и, следовательно, как бы мы ни понимали имя Трояна (как имя римского императора или как имя языческого бога), имеется в виду, как и полагал Д. С. Лихачев, конец языческой эпохи.

**Тѣи клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Киеву,
и дотчеса стружіемъ злата стола кіевскаго.**

У слова «клюка» в древнерусском было два значения: 1) палка, шест; 2) хитрость. Поэтому можно перевести так, как предлагает Д. С. Лихачев: «Он хитростями оперся на коней», которых требовали и не получили от Изяслава киевляне. Но можно перевести и по-иному: он шестами подперся... В Ипатьевской летописи сказано, что восставшие киевляне *выстъкоша Всеслава ис поруба* (Ипат. Стб. 161). У поруба нет дверей, только маленькое оконце, через которое бояре предлагали Изяславу убить заключенного Всеслава, когда толпа пошла его вызволять. Значит, для того чтобы освободить Всеслава, киевляне должны были разобрать настил кровли и протянуть ему клюку (деревянную слегу, взятую с любой соседней крыши). Параллель к этому образу мы находим в словах о том, что Святослав *притрепеталь лжу* своими сильными полками и харалужными мечами, а еще в обращении к Ярославу Осмомыслу, который *подперъ горы Угорскыя своими желѣзными плѣкы*. (Во втором

случае метафора снижена созвучием и логикой образа до «железных палок», которыми Ярослав якобы подпирает Карпаты.)

В. А. Козырев на материале русских народных говоров приходит к выводу о развитии семантики от первичного «предмет непрямой формы» к широкому переносному «обман, хитрость» и заключает, что переносное значение представлено лишь материалами брянских говоров (Козырев 1975. С. 126). Но заметим, что летопись знает *клюку* в значении «хитрость».

А. А. Зализняк убедительно доказал, что *окони* — частица со значением «как бы». При этом ученый признает, что *клюка* — и «шест», и «хитрость» одновременно, но отрицает наличие коней в этом месте текста (СПИВЛ. С. 193). Однако из того, что «окони» частица, вовсе не следует, что у этой фразы нет смысла, заданного самим контекстом ситуации (и предписанного законами «темного стиля»). Да, вместо слова *конь* в «Слове» регулярно *комонь*. Но киевляне просили у Изяслава не комоней (боевых коней), а *оружья и кони* (Ипат. Стб. 160)⁷⁴. А. А. Потебня показал, что украинским думам известен глагол *оконити* — сделать конным: «Де мого сына нагониш, / там его окониш, / добрым лицарем настановиш» (СССПИ. Вып. 4. С. 27).

Д. С. Лихачев отмечает, что Всеслав тут уподоблен сказочно-му герою, прыгающему на коне к высокому окну терема, в котором сидит краса-девица. Однако вместо того, чтобы «добыть копьем» Киев, князь только древком (задним концом копья) «доткнулся» золотого престола.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда.

Здесь *отъ нихъ* — от киевлян. Пропущенное существительное компенсируется рифмой *окони* — *отъ нихъ* (кому дал коней, от тех и ускакал).

⁷⁴ Вряд ли следует делить *комонь* и *конь* по значению: нет никаких оснований полагать, что *комонь* — боевой конь в отличие от просто коня; скорее всего, как и предполагает Фасмер (Фасмер. Т. 2. С. 304–305), это разные диалектные развития основы **котпъ*, где в одних диалектах вставлялся *ѣ* для разрешения сочетания (и потом прояснялся в *о*, как в *вихрь* — *вихорь*), в других сочетание упрощалось. Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, видимо, написаны на другом диалекте, чем протограф «Слова». Предполагаемая переводчиком игра возможна при использовании автором «Слова» инодиалектного заимствования.

...обѣсися синѣ мъглѣ...

Это можно перевести как «повис на синей туче», «обернулся в синюю мглу», «сокрылся в синей мгле», «окутался синим туманом», «объятый синей мглой»⁷⁵.

...утрѣ же возни стрикусы...

В Екатерининской копии: *утрѣже вазнистри кусы*. При разном словоразделении и минимальной правке возможны два перевода: 1) «утром же вонзил секиры» (от древневерхненемецкого *strit-akis* — «боевая секира»; еще первоиздатели полагали, что «по смыслу речи *стрикусь* не что иное, как стенобитное орудие или род тарана, при осаде городских ворот употребляемого»)⁷⁶; 2) «урвал три куса удачи» (*вазь* — «удача с помощью волхвования»). Второе чтение предложил в 1958 г. Р. О. Якобсон. В древнерусском звучал глагол *кушатися* — пытаться (*СССПИ*. Вып. 3. С. 40), а в современных говорах *укусить* — попробовать, отведать (*Козырев 1975*. С. 139–140). Поэтому, приняв чтение Якобсона, лучше, наверное, перевести: «Урвал ворожкой тройную удачу — отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава, скакнул волком до Немиги с Дудуток» (вероятно, в Дудутках Всеслава ждала гибель, а он ее избежал). А поскольку до этого речь шла о ночи возможно и чтение: «Утром же наворожил, с третьей попытки отворил...»⁷⁷

В рассказе о Всеславе, колдуне и оборотне, концентрация каламбурных перевертышей спускается до магической темноты. Этот отрывок стремителен и лукав, как сама жизнь князя-кудесника.

⁷⁵ *Обѣсися* — обычно в др.-рус. и старославянском *повис*; местный падеж — нормальное управление этого глагола (*обѣсися връхоу дрѣва* и под.); здесь по смыслу скорее все-таки «обвесился багровым туманом», ср. более позднее древнерусское *обвьѣшати* в значении, близком современному.

⁷⁶ Вариант *утром же вонзил секиры* — крайне произвольный, обсуждение см.: *Булаховский*. С. 473. Возражения против якобсоновского перевода, основанные на не слишком возвышенном стиле этого перевода, следует отмести — в тексте довольно много иронических высказываний в адрес князей.

⁷⁷ Все же *съ три кусы* не может значить «с третьей попытки, с третьего раза». *Кусь* не значит «раз», *съ* в этом употреблении требовало бы родительного, а не винительного падежа, числительное стоит количественное, а не порядковое. Повидимому, надо сохранять якобсоновский перевод.

...оттвори врата Нову-граду...

До этого места в тексте дважды встречается полногласная форма слова *ворота*, и каждый раз она подхвачена аллитерацией: 1) *затВОРивъ дунаю ВОРота*; 2) *загОРОдите полю вОРОта*. Играет поэт и на церковнославянском неполногласии:

отъворяеши кыеву вРАТА
стрѣляеши съ отъня зЛАТА СТОЛА
САЛЪТани за землями

Поэтому, хотя в издании 1800 г. *оттвори врата Нову-граду*, следует восстановить более богатую по звуку и смыслу аллитерацию *отъвори ворота Новугороду* (с троекратным повторением *вор — вор — в...ор*). Укравший софийскую утварь и софийские колокола Всеслав для новгородцев и был вором: как отмечает О. В. Творогов, более чем через век в 1178 г. Мстислав Ростиславич собирался идти на Полоцк, чтобы вернуть награбленное Всеславом (*ЭСПИ*. Т. 1. С. 257).

...разшибе славу Ярославу...

Разорив Новгород, Всеслав покусился на его порядки и свободы, дарованные новгородцам Ярославом Мудрым, который княжил здесь до 1016 г. Это упоминание Д. С. Лихачев связывает с какими-то известными автору «Слова» новгородскими преданиями (*Лихачев*. С. 85). Вероятно, это так и есть, но Н. М. Введенская обратила мое внимание на рассказ *ПВЛ* (1021 г.) о том, как полоцкий князь Брячислав Изяславич «взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к реке Судомири, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку» (*ПВЛ*. С. 202. Перевод Д. С. Лихачева).

А в Новгородской Софийской первой летописи уточнено, что Брячислав *поимъ новгородци и имъние ихъ, и весь полонъ, и скоты*, а Ярослав все это новгородцам вернул (*ПСРЛ*. Т. 6. Вып. 1. Стб. 172).

Ситуации слишком похожи, но исход разный: в 1067 г. награбленное (а это, помимо прочего, колокола Новгородской Софии и

церковная утварь) возвращено не было, и честь Новгорода («слава Ярославова») не восстановлена.

Так Всеслав, сын Брячислава, хоть в результате и потерпел поражение, сумел «разбить славу Ярослава».

...скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

По сведениям Н. М. Карамзина, Дудutki — место под Новгородом, где стоял некий монастырь. Впрочем, еще в 1814 г. исследователь древнерусской письменности В. Г. Анастасевич, ссылаясь на Никоновскую летопись, предположил, что Дудutki — искаженное Будutki (в летописи «Будутина весь»). Так называлась местность, где родился Владимир Святославич, мать которого Малуша была сослана туда княгиней Ольгой. Село это должно было находиться где-то недалеко от Пскова (откуда родом сама Ольга). Но, видимо, даже чуть раньше работавший над переводом «Слова» поэт В. В. Капнист отыскал город Дудичи на реке Птичи близ Минска. Н. П. Барсов полагал, что Дудutki — местность под Киевом. Р. О. Якобсон предложил читать «съду токъ» — подготовил ток. Однако формула «дуть ток» до сих пор в славянских памятниках не найдена.

Поскольку речь идет о броске Всеслава из Новгорода к Немиге, предпочтение следовало бы отдать версии Н. М. Карамзина.

Мнение Д. С. Лихачева: «Всеславу действительно пришлось бежать из Новгорода — “съ Дудутокъ”..., но о бегстве этом именно к Немиге нет сведений в “Повести временных лет”. Нет в “Повести временных лет” и сведений о Дудутках: здесь, возможно, сказалоcь непосредственное, или “устное”, знакомство автора “Слова” с топографией Новгорода».

И далее: «Во всей этой характеристике Всеслава только одна деталь заставляет искать какого-то иного источника, кроме “Повести временных лет”: это упоминание о пребывании Всеслава в Тмуторокани. “Повесть временных лет” молчит об этом, такие сведения могли быть как раз в песнях Бояна, воспевшего ряд тмутороканских князей: Мстислава Владимировича, Романа Святославича — сына Святослава Ярославича Тмутороканского» (Лихачев. С. 99–100).

Однако, если верить новгородской Софийской первой летописи, Всеслав не бежал от Новгорода, но пожег Новгород до Неревского конца и, ограбив Софию, *отъиде* (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1.

Стб. 187). Уходит ли он в Полоцк, не сказано. Ярославичи выступают против него, по-видимому, через некоторое время (*зимъ суще велици*) и берут Минск. А поскольку Всеслав спешит им навстречу (*скочи вълкомъ*), но встречает только на Немиге (близ Минска), то Дудutki надо искать не в окрестностях Новгорода и не вблизи Минска (версию с Киевиной не рассматриваем из-за ее абсурдности), но, возможно, где-то в Полоцкой округе. Однако остается не опровергнутой и гипотеза В. Г. Анастасевича о том, что имеются в виду Будutki близ Пскова. Вполне вероятно, что, отправив возы с награбленным в Полоцк, от Новгорода Всеслав идет разорять Псковщину (и, в частности, волость своей прапрабабки), и потому не успевает защитить Минск.

Итак, Дудutki по-прежнему остаются загадкой «Слова».

На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чеши харалужными, на тощѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью рускыхъ сыновъ.

Река Немига — место одного из самых тяжелых поражений Всеслава. Это именно та битва 3 марта 1067 г., проиграв которую полоцкий князь в результате попадает в киевскую темницу. Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи изрубили население Минска, взяли жен и детей в плен и уже стали возвращаться через Немигу, когда их настиг Всеслав. Б. А. Рыбаков указывает, что Всеслав проиграл битву на Немиге, но предотвратил победоносное шествие Ярославичей по Полоцкой земле.

Фигуры Всеслава Полоцкого и Олега Гориславича знаменуют собой в «Слове» начало княжеских междоусобиц. Они окольцовывают центральную часть поэмы заревом давних «крамол» (и при этом начало рассказа об Олеге «Были века Трояновы...» находится на таком же расстоянии от начала самого «Слова», на каком начало повествования о Всеславе «На седьмом веку Трояна...» находится от заключающего поэму «аминя»). Однако если в рассказе о расправах Олега Гориславича, ворвавшимся в описание Игорева побоища, все логично, то в случае с Всеславом с временем начинают твориться чудеса, оно буквально течет по кругу, и выходит, что, освободившись из Киевского поруба, князь-кудесник вновь попадает на Немигу.

События происходили так: захват Новгорода — Немига — Киев — бегство в Полоцк.

В «Слове» все наоборот: Киев — захват Новгорода — Немига — вновь Киев.

Это то, что мы обычно называем «замкнутым кругом», — дурная бесконечность повторяющихся бед, порожденных в свою очередь другими бедами. Это идущее вспять время изнаночного мира (см с. 239).

Используя сильный прием с закольцованным временем, поэт пытается разорвать круг несчастий своим способом. Он обманывает рифменное ожидание своего слушателя, привыкшего к созвучным грамматическим конструкциям вроде *саблями калеными, серебряными струями, острыми стрелами*, и, вместо того чтобы закончить уже угаданным его слушателем выражением *костьми русьскы...ми*, разрубает страшную ткань рассказа неожиданной и потому громоподобной тишиной: *...посъяни костьми русьскыхъ сыновъ*.

Впрочем, рассказ про Всеслава продолжается, и созвучия вновь скрепляют разъятую ткань живой и мертвой водой эвфонии: *СЫНОВ/О — САМЪ В/О НОЧЬ ВО...*

...а самъ въ ночь влькомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя...

Считают, что Всеслав прибыл в Тмуторокань осенью 1068 г., когда там княжил сын Святослава Глеб.

Слово «куръ» употреблено, видимо, в двух смыслах: по-древнерусски это петух, а по-тюркски, как предположил Н. А. Баскаков, — глагольная основа *qur-taq* (строить) могла быть заимствована в значении «стена» или «постройка»⁷⁸ (*Баскаков Н. А. Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М., 1978. С. 62*). Впрочем, толкование «до куръ» как «до поселений»

⁷⁸ К сожалению, такого тюркского названия стены или постройки нет. Есть *корган*, *курган*, в наборе значений которого имеется и «укрепленное поселение, стена» — но это слово не могло дать раннедревнерусское *куръ*; и есть позднее персидское заимствование в мусульманско-тюркские языки *гюр* «могила», не подходящее по времени и по смыслу. Есть также глагол *кур-* «строить», но от него не зафиксировано подходящих производных.

предложено, исходя из материала кавказских языков, Н. Я. Марром, В. В. Мавродиным и Д. Д. Мальсаговым (*Козырев 1975*. С. 129).

В народных говорах слово «кур» (петух) распространено повсеместно. Вот и в Трубчевске записано: *Да кур ишио фстала* (*Козырев 1975*. Там же).

...великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше.

Хорс — солнечный бог восточных славян (см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянская мифология // Мифы народов мира. М., Т. 2. С. 452–453). То, что Всеслав за ночь из Киева достигает Тмуторокани, при этом волком перебегая путь грозному языческому Солнцу, говорит не только о том, что он наделен сверхъестественными способностями, но и о том, что он, как лютей зверь или как нечистая сила, рыскал по ночам. Еще Ф. И. Буслаев заметил, что это место аukaется с сербскими преданиями о короле Трояне, который в ночи, чтобы не быть застигнутым солнцем, до петухов преодолевал большие расстояния (*Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 385–391).

Представление о волке как оборотне восходит к индоевропейской традиции (см.: *Иванов Вяч. Вс.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34, № 5. С. 399–408).

По поводу этого места у Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина сказано: «Географическая и астрономическая точность описания пути Всеслава столь велика, что оно воспринимается как метафоризированное только современными читателями: Всеслав, двигаясь из Киева в Тмуторокань (с севера на юго-восток), действительно, перебежал дорогу солнцу, двигающемуся с востока на запад» (*Мещерский, Бурькин*. С. 475–476).

Мнение Д. С. Лихачева: «Всеслав действовал “напоследок языческих времен”, в обстановке реакции древнерусского язычества и старого, дофеодального уклада. Это определение, данное автором “Слова”, поражает нас своею историческою точностью. Связь Всеслава Полоцкого с движением смердов и с реакцией язычества выявлена в работе Н. Н. Воронина “Восстание смердов в XI в.”. Напомним те из наблюдений этой работы, которые кажутся нам

убедительными. Полоцкая земля, по сравнению с Киевом, была более отсталой, с более прочно сохранившимся язычеством. Полоцкие князья (“Рогволожи внуки”) принадлежали к местной знати и дорожили своими местными связями. Сам Всеслав никогда не пытался противопоставить себя вечу, и в этом “преимущественно, кажется, и состояла особенная сила Всеслава, несмотря на многие неудачи и несчастья”. Его борьба против Новгорода имеет антицерковный характер. Он грабит в Новгороде Софию и опирается в борьбе против Новгорода на население его периферии — “вожан”. Восстание киевлян 1068 г., благодаря которому Всеслав захватил в Киеве власть, также было отчасти связано с активизацией язычества» (Лихачев. С. 105).

Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Къевѣ звонъ слыша.

Ирония в том, что колокола, прославляющие Всеслава в Полоцке, были, как об этом рассказывает Новгородская первая летопись, сняты им с Новгородской Софии: *Приде Всъславъ и възъ Новгородъ, с женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше бѣда въ часъ тыи; и понекадила съима* (ПСРЛ. Т. III. Лето 6574. С. 17).

Затухающий колокольный звон (передан рифмой: *рано — он/о — звон/о*) князь-оборотень слушает в киевской темнице.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше.

В. Ф. Миллер, А. А. Потебня, А. И. Смирнов, Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и другие комментаторы исправляли это место: *въ друзѣ тѣлѣ* — в дерзком, храбром, смелом теле. Однако Л. А. Булаховский сослался на поэтический оборот скальдов *eigi einhamr* — «у кого больше одной оболочки», то есть у кого два тела. Дословно: «вещая душа в другом теле». Другое тело — это не волчье, а человеческое.

Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути.

Автор, вероятно, приписывает Бояну собственную припевку. Во-первых, имя Игоря звучит в словах «*НИГОРАЗДУ...*». Во-вторых,

«птице горазд» — это как «грамоте горазд»⁷⁹. Волхвов, умеющих читать птичий полет, как книгу, на Руси называли кобниками. Но если учесть, что имя плененного Святославом половецкого хана — *Кобяк*, и этот самый Кобяк «пал в граде Киеве во гриднице Святослава», можно предположить присутствие Кобяка и при исполнении «Слова» в тереме Святослава. (Гипотезу о том, что осенью 1185 г. «Слово» исполнялось в Киеве на съезде князей, высказал в свое время Б. А. Рыбаков. Л. Е. Махновец полагает, что «Слово» читалось в гриднице Святослава 15 августа в день Успения Богородицы, когда Игорь покидал Киев.)

В списке Моления Даниила Заточника, с которым работал И. И. Срезневский (местонахождение списка сегодня неизвестно), читалось: *Поведаху ми, яко той ести суд Божий надо мною, и суда де Божия ни хитру уму ни горазну не минути*. Эту чуть искаженную цитату из «Слова» обнаружил В. Н. Перетц (*ЭСИИ*. Т. 4. С. 84). Еще одну цитату из «Слова» у Даниила Заточника см. на с. 246.

⁷⁹ *ни хитру ни горазду ни птицю горазду* — здесь при предлагаемом чтении следует предполагать дательный от *птиць* — собирательное имя, «птицы». Возможно, стоит остановиться на предлагавшейся конъектуре *пытцю горазду* — считая, что здесь искажено прочтение написания с выноской: *пытцу*.

7.3. О, стонать Русской земле, помянув начальные времена и прежних князей! Того старого Владимира нельзя было приковать к горам Киевским, а ныне встали стяги Рюриковы, и другие, Давыдовы, но в разные стороны их полотнища плещут, не в лад копыа поют.

...помянувшє пръвую годину и пръвыхъ князей. Того старога Владиміра не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ...

«Первые времена и первые князья» — это времена крещения Руси, времена Владимира Святославича. Здесь и прозрачный намек на то, что креститель Руси в бурной своей жизни не во всем подражал тому, кто позволил пригвоздить себя к Голгофе.

«Первый» в значении «прежний» и «давний» зафиксировано с XI в. Так и в народных говорах. В Карачеве записано: *Протиѣ первѣй жызыни щяс ня жызынь, а малина* (Козырев 1975. С. 135).

Однако, разумеется, «первый» может быть и первым по счету.

...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нѣ рози нося имѣ хоботы пашуть, копіа поють.

Это *нѣ рози нося* Н. С. Тихонравов в 1868 г. поправил на *нѣ розьно ся*, и большинство исследователей эту конъектуру приняли.

Поющие «врозь копя» — это свист ветра в копьях скачущих в разные стороны полков.

Хобот

То есть «хвост». Из контекста очевидно, что имеются в виду хвосты стягов (двуххвостых или треугольных, однохвостых). Олонецкое *хобот* — хвост змеи, на Брянщине хоботом называют пустой обмолоченный сноп, его охвостье (Козырев 1975. С. 142).

Перед нами весьма выразительная в своей фундаментальной лаконичности метафора феодальной раздробленности: хвосты стягов могут веять в разные стороны, если полки идут или друг от друга, или друг на друга. Именно так и было, когда летом 1185 г. Рюрик и Святослав пошли на помощь Владимиру Глебовичу Переяславскому, а Давыд Ростиславич Смоленский (брат Рюрика Ростиславича) пошел по Днепру, но остановился у Треполя, сославшись на усталость, а потом и вовсе отправился к Смоленску. Из-за этого Святослав и Рюрик, поджидавшие Давыда, не успели помочь Римову, и город был взят половцами.

ВОСЬМАЯ ПЕСНЬ

8. 1. На Дунае Ярославны голос слышится, зегзицею, незнанный, поутру кычет: «Полечу, — молвит, — зегзицей по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на израненном его теле!» Ярославна рано поутру плачет, в Путивле на стене причитая: «О Ветер-ветрило! Зачем, господин, веешь навстречу? Зачем мчишь хиновские стрелы на легких крылышках на воинов моего лады? Мало ль тебе было вверху под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселие по ковылю развеял?» Ярославна рано утром плачет, в Путивле-городе на стене причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы в земле Половецкой. Ты носил на себе Святославовы ляды до стана Кобяка. Прилелей, господин, моего милого ко мне, чтобы я рано поутру не посылала к нему на море моих слез!» Ярославна рано утром плачет, в Путивле на стене причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и красно! Зачем, владыко, простерло палящие лучи на воинов моего милого? Зачем в поле безводном луки иссушило жаждой, бедой колчаны заткнуло?»

Ярославна

Жена Игоря Святославича, дочь Осмомысла Ярослава Галицкого. Образ Ярославны, плачущей на путивльской стене, если глядеть из контекста событий 1185 г., должен был ассоциироваться с мозаикой в Софии Киевской, которую называют Богородицей Нерушимой Стеной. (Молящаяся Богоматерь, воздев руки, как бы поддерживает своды храма.)

Автор «Слова», видимо, не случайно переносит Ярославну из Новгорода-Северского в Путивль. Напомним, что после Игорева поражения Гзак сжег острог Путивля, но не смог взять кремля, с чьих стен и взывает Ярославна. В это же время Кончак взял город Римов. Но это произошло потому, что обрушились, не выдержав тяжести людей на забрале, две ветхие деревянные городницы. Путивльская стена устояла, и получилось, что ее удержала Ярославна. (Для средневековой авторской европейской поэзии в сравнении прекрасной дамы с Богоматерью нет ничего исключительного: во всяком случае, у трубадуров Прованса эту параллель мы находим именно в XII в.)

Исследователи задавали вопрос, почему Ярославна с путивльской стены плачет лишь по Игорю и не вспоминает о своем сыне Владимире, а, возможно, и о двух своих оставшихся в Поле Половецком детях. Однако поэтическое произведение устроено так, что совершенно не обязано отвечать напрямую даже на корректные вопросы. Достаточно скрытой цитаты или летучей реминисценции. В Евангелии от Матфея (2: 18) цитируется библейский рассказ о Рахили (Иеремия, 31: 15), которая в городе Раме плачет о попавших в плен сыновьях: *Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыдание, и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшиться, яко не суть.* И небесный глас успокаивает Рахиль (цитирую в русском переводе): «Удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез <...> и возвратятся сыновья твои в пределы свои» (Иеремия, 31: 16). Плач Рахили был на Руси любимым библейским мотивом (позднее он зазвучит и в повестях Куликовского цикла). Вот и в этом месте «Слова» явственна реминисценция из плача Рахили. Сравним *Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть... — На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ...; Рахиль плачущися чадъ своихъ... — Ярославна рано плачетъ въ Путивль на забралѣ аркучи...*

Не вина поэта, что вернутся не оба, а лишь один из двух ушедших в Поле сыновей Ярославны.

В. П. Адрианова-Перетц установила, что в летописях княгинь обычно называли лишь по отчеству (так в «Слове» и жена Буй Тура Всеволода названа Глебовной). Первые издатели «Слова» считали, что Ярославну звали Евфросиньей. Л. А. Дмитриев показал, что это имя впервые возникает во вступительной заметке к переводу «Слова» (известна в трех списках XVIII в). В печати имя Евфросинья (Ефросинья) появляется в «Родословнике князей великих и удельных рода Рюрикова» (*Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Часть 5: Родословник князей великих и удельных рода Рюрикова. СПб., 1793. С. 105*). Генеалогия черниговских князей известна по Любецкому синодику (список XVIII в.). Но, как указывает М. Д. Каган (*ЭСИИ. Т. 5. С. 295–297*), там имя Евфросиньи носит жена князя, чье христианское имя Феодосий, а Игорь в крещении Георгий. Если Феодосий — иноческое имя Игоря, тогда и Евфросинья — иноческое.

По екатерининскому «Родословнику» (С. 139–140) Игорь женился на Ярославне в 1184 г. Первоиздатели императрице поверили. Однако современный исследователь М. Д. Каган предположил, что такая трактовка — следствие ошибочного чтения «Истории Российской» В. Н. Татищева, где под 1184 г. повествуется о Владимире Ярославиче Галицком, названном шурином Игоря. Владимир был изгнан из Галича отцом и принят Игорем в Путивле (*Татищев. С. 133*).

Согласимся, но уточним: все это (кроме пометы Татищева «Брак Игоря») есть и в Ипатьевской летописи.

В то лето, когда Святослав пленил Кобяка (по летописи, 30 июля 1183 г.), Игорь с Буй Туром Всеволодом, племянником Святославом Ольговичем Рыльским и сыном Владимиром (тому еще не исполнилось и десяти) разбили половцев за Мерлой (приток Ворсклы). Этот малый ближний поход, ставший репетицией большого похода тех же князей 1185 г., был следствием ревности Игоря к славе Святослава Киевского. (На что весьма осторожно и намекает летопись.) Игорь не пошел против половцев со Святославом (и под его началом), но ему нужна была личная слава, и он затеял свою кампанию.

Далее читаем: *В то же время Володимерь Ярославичь Галичкши шюринь Игоревъ бяшетъ у Игоря (Ипат. Стб. 633)*. Переведем: «В то время Владимир Ярославич Галицкий, Игорев шурина, был у Игоря». В 1183 г. Владимир Ярославич уже живет у Игоря в Путивле. Тут же оговаривается, что до этого он попытался найти

приют у Романа (Волынского), Ингваря (Дорогобужского), Святополка (Туровского), Давыда (Смоленского). Но те, опасаясь гнева Ярослава, его не приняли: *Володимеръ же Галичкыи ни тамо обрѣте собѣ покоя приде к зятю своему Пуутивлю ко Игореву Святославичю той же прия с любовью и положи на немъ честь великою и за двѣ лѣтъ держа и оу себе и на третье лѣто введе и в любовь со отцемъ его и посла с нимъ сына своего зятя Рюрика Святослава* (Ипат. Стб. 633–634).

Итак, все убоились Ярослава, а Игорь будущего тестя почему-то не страшится и принимает его сына-изгоя в Путивле. Не испугался, хотя именно в это время (по версии Екатерины II) как раз и собирается жениться на дочери Ярослава?

Он что, не любит свою невесту и хочет сорвать свадьбу?

Продолжим перевод: «...нигде не найдя пристанища, пришел в Путивль к зятю своему Игорю Святославичю, и тот принял его с любовью и воздал большие почести, и более двух лет держал у себя, а на третье лето примирил с отцом его и послал с ним сына своего Святослава, зятя Рюрика».

Пишется это в 1183 г. и именно в связи с отъездом Владимира Галицкого из Путивля в Галич. Одержав победу за Мерлой (пусть и не столь громкую, как победа Святослава в Лукоморье), Игорь знает, что даже грозный его тесть теперь вынужден с ним считаться.

И за два года до рокового своего похода в Поле Игорь тем и примирил Владимира Галицкого с его отцом, что отправил того в Галич вместе со своим сыном. Разумеется, из этого следует, что родившийся в 1177 г. Святослав — внук Ярослава Осмомысла (зачем деду смотреть на чужого шестилетнего внука?). А, значит, никакой свадьбы Игоря и Ярославны в 1184 г. не было. Историки поверили августейшей комментаторше на слово, а она просто невнимательно прочитала летописное известие. И ошиблась. Как ошибся и Л. А. Дмитриев, приняв на веру версию Л. С. Махновца (*Махновец Л. С.* Про автора «Слова» // Пам'ятники України. Інформаційно-методичний бюлетень Укр. тов-ва охорони пам'яток історії та культури. Київ, 1985. № 3. С. 24–27) о том, что в 1185 г. Владимир Галицкий организывает оборону Путивля от Гзака (*ЭСИИ*. Т. I. С. 213–215).

У Игоря было пять сыновей и одна дочь. Владимир Игоревич родился 8 октября 1173 г. Олег в 1176 г., Святослав в 1177 г. Еще были сын Роман и Ростислав. Если этот тот Роман, который

упоминается в Ипатьевской летописи под 1183 г. (Стб. 629), то можно допустить, что в юности Игорь был женат на другой. Но Владимир, Олег, Святослав — это дети Игоря и Ярославны, которой в 1185 г. около тридцати лет. И Владимир Галицкий нашел приют в Путивле в 1180 г. не потому, что был особо дружен с Игорем, а потому что Путивль был резиденцией его сестры.

В 1205 г. дети Игоря и Ярославны займут Галицкий престол (им помогут другие Ольговичи, половцы и поляки). На какое-то время Игоревичи утвердятся в Галиче. А это, как справедливо полагал А. В. Соловьев, означает, что Ярослав Осмомысл — их дед (*Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве»*. 6: Жена и дети Игоря // *ТОДРЛ*. 1964. Т. 20. С. 378–382).

Братья не жили в мире. Роман, поссорившись с Владимиром, бежал в Венгрию. Вернувшись, он взял Галич, и теперь уже Владимир бежал в Путивль. После долгих перипетий все закончилось трагедией: в 1208 г. Игоревичи казнили 500 галичских бояр. Но те, кто бежал, привели венгерское войско. Игоревичей схватили (лишь Владимир и его сын Изяслав спаслись бегством и ушли от погони). Полагают, что Владимир вернулся в Путивль. Трех Игоревичей галицкие бояре в 1211 г. выкупили у венгров и повесили.

На Дунай Ярославнынъ гласъ слышитъ...

Дунай — здесь символ реки вообще. Дунай — одна из прародин славян, и трудно сказать, попала ли эта река в плач Ярославны как традиционный фольклорный мотив, или, как предположил С. Л. Николаев (устное замечание), поэт здесь использует клише и структуру какой-то неизвестной нам былины Бояна (к примеру, о дунайских походах Святослава Игоревича). Напомним, что и «тропа Трояна» ведет от Дуная через Балканы.

...зегзицею незнаемь⁸⁰ рано кычеть...

Ярославна названа *зегзицей*. Долгое время считалось, что это «кукушка», но кукушка кукует, а не «кычет» (в «Задонщине» именно: «зогзици кокують»). В «Реальном комментарии» к «Слову»

⁸⁰ Видимо, следует читать *незнаемь*, с записью *п* через *ь*, и считать наречием («незнаемо», «неузнанно»).

Н. В. Шарлемань отмечает, что на Десне под Новгородом-Северским «гигичкой», «зигичкой» и даже «зигзичкой» называют чайку или чибиса: «Названия эти звукоподражательные, передающие отчасти крик птицы “ки-ки”, отчасти звуки, слышимые при взмахе ее крыльев во время полета — зиг, зиг». Однако Г. М. Левина обнаружила, что в воронежских говорах зегзицей зовут иволгу (СССПИ. Вып. 6. С. 219). Вот и А. А. Зализняк со ссылкой на «Словарь русских народных говоров» указал, что в курских диалектах *зегзица* — иволга (СПИВЛ. С. 119). И только такая атрибуция подтверждается текстом «Слова». В плаче Ярославны наблюдается сгущение концентрации *ятей*, произносившегося как дифтонг «иэ»⁸¹. В среднем *ять* в этой части «Слова» встречается в 1,3 раза чаще, чем во всем тексте (один *ять* на 24 буквы против одного на 32 буквы), но есть и такое:

...каменьныѣ горы
сквозѣ землю половецкую
ты лелѣяль еси на собѣ...

И еще такое:

...въ путивли на забралѣ а рѣкучи
свѣтълое и тресвѣтълое съльнице
вьсѣмъ тепло...

Добавим сюда *на дунАИ, неznАЕмь, зегъзицЕЮ, кровавЫтъ, вѣЕши* и т. д. вплоть до *веселИЕ, по ковылИЮ развѣЯ, горячЮЮ, жажЕЮ, тугОЮ*. Все эти зияния парных гласных (по большей

⁸¹ Вообще говоря, в разных восточнославянских диалектах *ять* имел различные фонетические выражения. На Севере и на Украине это, по-видимому, был закрытый э, который при дальнейшем изменении дал в современных языках и говорах *и*, в части северных говоров он сохраняется до сих пор как э закрытый, в части действительно дает дифтонг *иэ* или *эи*. В современных псковских и некоторых других «якающих» говорах он, напротив, дает «якающий» эффект, что должно указывать на старое открытое произношение (как в старославянском, ср. рефлекс в современном болгарском типа *лято*; видимо, то же самое было в польском — *lato*). Трудно сказать, что из этого было представлено в произношении Ярославны или автора «Слова». Современные смоленско-полоцкие говоры как будто показывают полное совпадение рефлексов *ъ* и *е*.

части разделенных йотированием) и впрямь похожи на пение иволги или на мяуканье котенка (орнитологи отмечают, что голос иволги ближе всего к голосу флейты, а крик растревоженной иволги напоминает кошачье «мяу»).

Голос иволги — тайная любовь русской поэзии. Недаром же именно в плаче Ярославны встречается, может быть, самая красивая рифма «Слова»: *рукавь бебрянь въ рѣцѣ въ каяль — кровавьт его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ* (впрочем, переписчик не заметил, что тут прорифмовано каждое слово и переставил слова: *бебрянь рукавь въ каяль рѣцѣ*).

Иволгу легко услышать и трудно увидеть. Николай Заболоцкий писал: «Спой мне, иволга, леса отшельница...» А вот «Равноденствие», раннее стихотворение Осипа Мандельштама (лето 1914):

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера,
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурою зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длинноты,
Волы на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты.

...бебрянь рукавь...

Хотя есть значение слова *бебрь* — бобр, «бебряный рукав», которым Ярославна собирается утереть раны мужа, — не «бобровый» и не «рукав с бобровою опушкой» (Н. Заболоцкий), а шелковый. На это указал Н. А. Мещерский (К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 198 (Серия: филологические науки). 1956. Вып. 24. С. 5–6), обнаруживший, что в тексте древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия *бѣбряная* значит «шелковая», а в древнерусском переводе книги «Есфирь» *бебрь* — шелк. Н. А. Мещерский пишет: «Подобное двойное значение слова ведет исследователя на юго-восток. Известно, что в Хазарии одним и тем же термином “хаз” — “каз”

обозначались одновременно как бобровый мех, так и шелк, в частности белый».

Надо полагать, что такая двойственность значений возникла из уводящей нас во времена Гостомысла практики обмена в Ладогере северных мехов на шелковые ткани.

...утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

До обнаружения брянских параллелей к «Слову» *жестоций* переводили как крепкий и сильный. Однако в брянских говорах *жестокий* — горячий. Вот и сербское *жѣсток* — горячий (о человеке). Это же может быть отнесено и к другому месту «Слова»: Святослав Киевский говорит, что сердца Игоря и Всеволода скованы *въ жестоцель харалузь*. Видимо, имеется в виду одновременно и крепкий, и горячий, раскаленный дамасский клинок (см.: *Козырев 1976. С. 97*). *Жестокий* в значении «горячий» зафиксировано и на Тамбовщине (*СРНГ. Т. 9. С. 146*).

...насилъно вѣеши...

Навстречу веешь. *Ветер дуитъ насильна, пряма у лицо; Какой ветир в пирѣт дуит — насильный (брян. по Козыреву и Чагишевой)*. См.: *Козырев 1975. С. 98*.

Чему мычеши хиновскыя стрѣлки...

Эпитет к стрелам автор «Слова» взял из фольклорных плачей или из слав Бояна. Поскольку половцы вряд ли могли пользоваться финскими или венгерскими стрелами, надо полагать, что выражение «хиновские стрелы» стало устойчивым еще в IV–V вв., когда дунайские славяне попали под власть гуннов. К этому же пласту следует отнести «тропу (землю, века) Трояна» и «время Бусово». Другими словами, *хиновские стрелы* — вражеские.

...на моя лады вои...

Лада — муж или жена (один из четы). В других древнерусских памятниках этого слова нет, но В. И. Даль указывает, что оно встречается в народных песнях. Примеры см.: *Козырев 1975. С. 92–93*.

О Днепре Словутицю...

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин пишут: «Этот редкий эпитет Днепра встречается еще раз в «Повести о Сухане», где герой приезжает “ко быст<р>у <Д>непру Слаутицю” (*Мальшев В. И. Повесть о Сухане. М.; Л., 1956. С. 141*). “Днепр Словута” встречается также в украинских думах. Эпитет фиксирует смысловую контаминацию слов “слава”, “слыть” и названия реки Славуты — притока Припяти, впадающей в Днепр» (*Мещерский, Бурькин. С. 478*).

...Святославлл носады...

Считается, что носады (насады) — боевые ладьи с надставленными бортами (см.: *Богородский Б. Л. Об одном термине из «Слова о полку Игореве» (насадъ-носадъ) // Ученые записки Ленинградского государственного Педагогического института им. А. И. Герцена. Кафедра русского языка. 1955. Т. 104. С. 228–254*).

В августе 2001 г. в обрыве берега Десны у древней пристани Вщижа (Брянская область) была обнаружена долбленая ладья, лежавшая на правом борту носом в сторону реки. (Сейчас ее можно увидеть в Брянском краеведческом музее.) Правый борт и часть конструкций не сохранились: утрачена четверть длины некогда двенадцатиметрового судна. Толщина стенок корпуса — 8–10 сантиметров, толщина днища — до 14 сантиметров. Под кромкой борта просверлено шесть пар отверстий для двенадцати весел. Между центральными шпангоутами в борт вбит изнутри вертикальный ряд из трех кованых гвоздей с загнутыми Т-образными шляпками. Это крепление мачты и такелажа. На таких ладьях-однодеревках русь ходила на Царьград (см. свидетельство Константина Багрянородного в его сочинении «О росах, отправляющихся с моносилами из России в Константинополь»), в такой ладье Святослав Киевский поспешал летом 1185 г. по той же Десне из Карачева. Никаких «надставленных бортов» на вщижской ладье не обнаружено. Радиоуглеродная экспертиза, проведенная в Институте истории материальной культуры РАН Г. И. Зайцевой, показала, что метровый в диаметре дуб был срублен в 1247–1279 гг. (95 % вероятности). Считается, что ладья развалилась в процессе постройки (на том основании, что внутренняя обожженная поверхность оставалась покрытой сажей). Но эта версия, принятая

сегодня археологами, маловероятно: у недостроенной ладьи не может быть ни шпангоута, ни такелажа. Логичнее предположить, что обнаружена некогда стоявшая у пристани ладья вщижского князя, которая затонула, когда ее правый борт прогорел. Гибель ладьи, видимо, надо отнести к 1238 г. В этом году Батый сжег Вщиж. Ошибка в дате на одно десятилетие — лишь мелкая (и в иных случаях волне приемлемая) погрешность радиоуглеродной датировки.

Только археологическое исследование места находки может прояснить ситуацию.

В русских говорах носад — большая лодка, судно с гребцами (*новг., олон, калуж., иркут.*; см.: *Козырев 1975. С. 132*). А «надставленные борта» (сверху на борт и впрямь могла насаживаться доска) видимо, повлияли на то, что в ряде говоров носады стали называть насадами.

...а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано.

Ярославна посылает свои слезы, как весточки. Тут в скрытом виде присутствует та же метафора, что и во сне Святослава, которому «поганые толковины сыпают на грудь крупный жемчуг». С той лишь разницей, что во сне великого князя табуировано слово «слезы» (оно прозвучит позже, в начале «Злата слова»), а в плаче Ярославны не объяснено, как можно посылать слезы в речной воде да еще «на море». Разгадка заключается в метафоре «слезы — жемчуг» (речной жемчуг весьма ценился в Древней Руси)⁸².

⁸² Чтобы принять эту метафору в данном случае, следовало бы выяснить, водится ли в Сейме речная жемчужница.

8.2. Плеснуло море в полночи. Тучи идут во мгле. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отцовскому злату престолу. Погасли вечерние зори. Игорь спит — Игорь бодрствует, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Уже коня в полночи Овлур свистнул за рекой, дает князю знак. Князя Игоря и кликать не надо⁸³. Стукнула земля, воспумела трава, шатры половецкие отпрянули.

⁸³ *Князю Игорю не быть кликну* — князю Игорю будто крикнул (в том смысле, что свист в действительности был их условным знаком). О *небыть* «будто» см.: Булаховский. С. 478.

Прысну море полунощи, идуць сморци мглами...

А. А. Зимин полагал, что слово *сморцы* (смерчи), было взято фальсификатором из украинского языка. Однако в 1985 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота XII в. (№ 663), в которой обнаружено отчество *Сморочьва*, произведенное от прозвища *Смъръчь* (см.: *СПИВЛ.* С. 123–124).

Сморок — туча, темное облако (*брян., пск.*). См.: *Козырев 1975.* С. 110.

Овлуръ свисну за рѣкою...

Овлур — половец, помогший Игорю бежать. Мать Овлура была русской. О его судьбе на Руси рассказывает В. Н. Татищев: Овлура назвали Лавром, женили, сделали боярином.

8.3. А Игорь-князь бросился горностаем к тростнику и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и спрыгнул с него быстрым волком, и метнулся к пойме Донца, и полетел соколом под тучами, побивая гусей и лебедей на завтрак, и обед, и ужин. Если Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал. Отрясая студеную росу, загнали своих борзых коней.

А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣвржеся на брѣзь комонь и скочи съ него босымъ вълкомъ...

Гоголь — нырковая утка, которая, как отмечает Н. В. Шарлемань, «одна из наиболее осторожных птиц: держась на открытой воде, гоголь еще издали замечает человека и улетает». Не случайно в диалоге с Донцом Игорь скажет, что тот стерег (охранял, предупреждал) его «гоголем на воде».

Замечательно, что в горностая Игорь обращается по созвучию: «а **ИГОРЬ** князь поскочи**ИГОРЬ**настаемъ къ тростию...» По Ипатьевской летописи, Лавр (Овлур) ждал Игоря с конями на другом берегу реки Тор. Вероятно, не является случайностью и звучащий здесь глагол «*преТЪРгоста*».

Босой волк (а не «бусый», то есть серый, как иногда правят это место) — в брянских говорах именно перелинявший после зимы⁸⁴, голодный, быстрый, «босой» волк (в переносном смысле — удачливый): *Босый волк — када шэрсть тиряит <...> Ну пабех, как босый волк, и ни дагониш, он абляхчил, ажывлённый дельщица вясною, бегить быстрея.* (Козырев 1976. С. 95). О неподкованном коне еще и в XVIII в. также могли сказать: «босый конь». Выражение «босый волк» зафиксировано на Псковщине в Новоржевском и Опочецком уездах. В одной из здешних сказок босый волк — волшебный оборотень (СССПИ. Вып. 1. С. 64–65). Обратим внимание и на то, как свистит рассекаемая конскими крупами тяжелая от студеной росы высокая степная трава (роса в конечном счете и убивает взмысленных коней):

коли игорь соколомъ полетѣ
тогда вълуръ вълкомъ потече
ТРУСЯ СОбою СТУденую РОСУ
преТ/О/РгоСТА БО Своя Б/О/РЗая комоня

А. А. Потенбя приводит украинскую песню (СССПИ. Вып. 6. С. 71):

⁸⁴ Почему волк после весенней линьки должен называться босым? Ведь он не меняет при линьке когти. Босой конь, действительно, — необутый, без подков. Высказывалась правдоподобная идея, что это волк со светлыми лапами, как *укр. босий* — «белоногий».

КОММЕНТАРИИ

Ой, ты соловец, ранняя пташечка,
Ты не щибечи рано на зорі,
Да не обтрусил раньней росі...

Первая строка этой песни (в каком-то ее древнем варианте), вероятно, повлияла на автора «Задонщины», а последняя словно списана из «Слова».

ДЕВЯТАЯ ПЕСНЬ

9. 1. Донец говорит: «О, князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку ненависти, а Русской земле веселья!» Игорь говорит: «О, Донец! Не мало величия тебе, который лелеял князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого древа, стерег его гоголем на воде, чайками на стремнинах, чернедми на ветрах... Не так ли, — сказал он, — река Стugna, тощая струя, пожрала чужие ручьи и потоки, раздвоилась к устью и юношу князя Ростислава затворила [на дне у темного берега]? На днепровском темном берегу плачет мать Ростислава по юноше князю Ростиславу. Поникли погребальные цветы, и Древо в тоске к земле склонилось».

Донецъ рече...

Северский Донец, отмечают многие путешественники, — коварная река. У него песчаное русло, и за один сезон он способен до неузнаваемости изменить очертания береговой линии, смыть или намыть новую отмель. Кроме того, в русле хватает коряг и топляков (см.: *Воронов Ю. Б.* 100 избранных маршрутов для путешествий на байдарке. М., 1993). В среднем течении берега и в самом деле «серебряные»: высокий правый берег состоит из меловых отложений. Эти берега из эпизода побега Игоря запали в душу автору «Задонщины», но он, видимо, не слишком хорошо запомнил сам эпитет и превратил серебряные берега в «харалужные» (одного этого достаточно, чтобы осознать, кто кому подражает — автор «Слова» автору «Задонщины» или наоборот).

Традиционно диалог Игоря и Донца воспринимался как обмен взаимными величаниями. И частица «ли» в словах *Не тако ли, рече, рѣка Стугна...* понималась как усилительная или правилась на частицу «ти» (ведь). Почти два века никому не представлялось странным, что «Малый Донец» Игорь называет «великим». Место казалось совершенно ясным, а логика такой: Донец хвалит Игоря, Игорь хвалит Донец и противопоставляет ему, «великому», тощую малую Стугну (приток Днепра), которая в 1093 г. утопила двадцатитрехлетнего Ростислава Всеволодича.

Ростислав вместе с братом Владимиром Мономахом отправился помогать великому князю Святополку Изяславичу против половцев, но, потерпев поражение, русские князья бежали. Во время переправы через Стугну, которая, по свидетельству летописца, в то время «*наводнилася вельми*», Ростислав стал тонуть на глазах брата. И спасти его Владимиру не удалось. Произошло это 26 мая в праздник Вознесения Господня. По этому поводу в «Повести временных лет» сказано: *И плакася по немъ мати его и вси людѣ <...> уности его ради.*

Иное чтение этого фрагмента «Слова» предложил сибирский поэт Геннадий Карпунин. Не правя текст, он прочел его следующим образом: «Не так ли, — говорит, — река Стугна...» Карпунин пишет: «Какую же взаимосвязь устанавливают комментаторы между Донцом и Стугной? По какой ассоциации, по их мнению, автор привлекает образы реки Стугны и юного князя Ростислава? Автор, говорят комментаторы, противопоставляет любезному

и приветливому Донцу нелюбезную и неприветливую реку Стугну: ты, Донец, — молодец, а вот река Стугна не такая... Странная и не совсем обязательная ассоциация» (*Карпунин Г. Жемчуг «Слова»*, или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 201).

Согласимся: какая-либо «ассоциация» при традиционном чтении этого места вообще отсутствует. И вряд ли кто-нибудь сможет указать еще хотя бы один случай в «Слове», где мотивировки поступков или речей героев строятся по принципу в огороде бузина, а в Киеве дядька.

Продолжим чтение карпунинской версии: «Игорь бежит из плена. Донец — последнее препятствие на пути князя: за Донцом — Русская земля. Донец не хочет отпускать князя Игоря. Он пытается удержать его всяческими соблазнами: лелеет князя на волнах, стелет ему зеленую траву на своих серебряных берегах, окутывает его теплою мглой под сенью зеленого дерева...». Карпунин, конечно, прав: именно так в новгородской былине морской царь Поддонишко удерживает в плену купца Садко. Да и в поэтике «Слова» образ подстилания зеленой травы на берегу реки обещает герою смерть. (Вспомним *зеленый плащ*, который на Канине ручье «слава» расстелила смертельно раненому Борису Вячеславичу.) Коварство реки и есть та ассоциация, которая заставляет Игоря, величая Малый Донец, вспомнить о *тощей* и *худой* Стугне, напитавшейся у своего устья чужими ручьями и утопившей Ростислава.

Цитируя здесь летопись, поэт рассчитывает на понимание современников. Но у этой истории есть еще один подводный поворот: в Киево-Печерском патерике сообщается, что перед своей гибелью Ростислав приезжал молиться в Печерский монастырь. На берегу Днепра Ростиславу и его воинам попался шедший за водой монах Григорий. Спутники Ростислава стали насмехаться над чернецом, а тот сказал, что они сами в воде и потонут. На это Ростислав воскликнул: «Мне ли, умеющему ходить по воде, пророчишь гибель от воды?» и приказал Григория утопить. Принимая во внимание этот эпизод, полагаю, что текст первого издания *...уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпръ темнѣ березѣ плачется мати Ростиславя по уноши князи Ростиславъ...* содержит лакуну. Переписчик (или первоиздатель) отредактировали фразу, приняв игру смыслами за механический повтор. В стиховой записи этот фрагмент должен выглядеть так:

...уношоу князю ростиславу затвори
дънѣ при темнѣ березѣ.
Дънѣпри темнѣ березѣ
плачется мати Ростислав^Ля...

Мать Ростислава и оплакивала сына в Киеве, на том самом «темном» в судьбе Ростислава днепровском берегу. То есть там, где он утопил инока Григория. Но Стугна, «затворившая Ростислава на дне при темном берегу», и впадает в Днепр. Для Ростислава «худая Стугна» стала «морем».

...стрешаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ.

Сразу же отметим, что эта фраза должна была звучать *стрешаше его гоголемъ на водѣ*, но, видимо, переписчику показалось, что три подряд *го* — это уже чересчур, и он избавился от нескромного гоготания.

Чернедь, как и гоголь, — вид нырковой утки. Н. В. Шарлемань замечает, что гоголь, речная чайка и чернедь — одни из самых осторожных птиц, которые при приближении человека сразу же оглашают окрестность криками. Смысл этих слов Игоря в том, что птицы охраняли сон Игоря во время многодневного его пути вдоль берега Донца и лучше любой стражи могли предупредить об опасности.

В. А. Козырев пишет: «Слово *чаица* отсутствует в других памятниках письменности, а также неизвестно ни одному славянскому языку... В русских народных говорах (преимущественно в брянских) нами обнаружено слово *чаица*, обозначающее птицу *Vanellus capella*, то есть чибиса, или пигалицу. Например, в брянских говорах: *Чаица — аны сидять, где кочичька; рѣзливаица луг, аны ж вясной прилѣтъвьють, тѣ где вѣт бугарок, чяицы ужэ там садяца* (Козырев 1976. С. 101). Исследователь, отмечая, что чибисы не менее пугливы, чем чайки, ссылается на А. Э. Брема: «Чибис избегает человека, потому очень редко селится поблизости его жилья... Это положительно умная птица. Ее осторожность, приводящая в негодование всех охотников, делает ей честь; она прекрасно знает, какому человеку можно доверять и кого следует избегать» (Брэм А. Э. Жизнь животных: В 3 томах. Т. II: Птицы. М., 1992. С. 215).

Но если речь о чибисе, то в триаде *вода–струи–ветры* второй член должен относиться не к водной, а к воздушной среде, а, значит, автор «Слова» играет на двух значениях слова «струя» — струя воды и струя ветра. Полагают, что во втором значении это слово в древнерусском языке не употреблялось, но любая метафора — чье-нибудь поэтическое открытие, а подчас и вполне материальное изобретение. Сотрудник ГИМ В. В. Ардент, писал: «Среди многочисленных приемов закалки нам известен и древний способ закаливания клинка в «буйной» струе холодного воздуха. Раскаленный клинок вручался всаднику, пускавшему коня в галоп. Клинок, поставленный вертикально, лезвием вперед, закалялся ураганной струей воздуха. Этот простейший прием давал, тем не менее, довольно удовлетворительный эффект, закаляя (как и требовалось) сильнее лезвие, слабее обух» (*Ардент В. В.* К вопросу о мечех харалужных «Слова о полку Игореве» // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 340–341). Впрочем, и в древнерусской прозе находим: *Отъ нетьльньна текуще потока духовьна благодатьньна струя* (1095 г.). И еще: *Подобает беспрестани умом възбраняти языку и въздержати струя его* (XIII в.) (*СССПИ*. Вып. 5. С. 241)

В «Слове» встречается и оборот «копья поют» (имеется в виду свист ветра при скачке в вертикально поднятых копьях; см. с. 281). Следовательно, древние знали, что струя может быть как водная, так и воздушная.

...рострена къ усту...

А. В. Дыбо заметила, что, судя по употребленному здесь глаголу, Стугна должна была расходиться на две протоки⁸⁵ (*растреный* — «перепиленный пополам»). И действительно, современная карта свидетельствует, что близ устья Стугна разделяется на два рукава и образует дельту. Но при начале дельты эта река разливается озером, а из него выходит двумя рукавами и впадает в Днепр.

⁸⁵ Конечно, если принимать такое слововедение, а не альтернативное *рострена кусту* — что-то вроде «раздавила о береговые кусты».

9.2. То не сороки стрекочут — едут по следу Игоря Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, — полозы переползали⁸⁶. Только дятлы перестуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Молвит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, мы расстреляем соколенка нашими золочеными стрелами!» Сказал Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, мы опутаем соколика красною девицею!» И вот так сказал Гзак Кончаку: «Если его опутаем красною девицею, не будет нам ни соколика, ни красной девицы. И начнут нас птицы бить в Поле Половецком!»

⁸⁶ Вариант перевода: «сороки не стрекотали, по ветвям жались». — А. Ч.

...сороки не трескоташа...

В. П. Адрианова-Перетц была уверена, что «сопоставление крика сорок с треском дерева — находка автора “Слова”» (см.: *Адрианова-Перетц*. С. 184). Однако это выражение обнаружено в брянских, псковских и тверских говорах: *Сароки как пачьнуть тръскатать, тѣк божэ мой* (*Козырев 1975*. С. 110–111).

...полозю ползоша только...

Полозы — неядовитые змеи. Узорчатый полоз широко распространен от Дальнего Востока до Левобережной Украины и Закавказья. Длина его около метра.

Сравнение кочевников со змеями традиционно для древнерусского мировосприятия и встречается в летописи уже в XII в.: *...побѣжени быша иноплемьеници кумани, рекше половци*. Это о походе Святослава Киевского на Кобяка. А пленивший Кобяка Владимир Глебович Переяславский говорит: *и сокруши главы змиевыя* (*Лавр*. Л. 134).

В Екатерининской копии «Слова», впрочем, читаем: *по лозию ползаша* (по ветвям ползали). Но сама звукопись *ПОЛОЗие ПОЛЗОша* подсказывает, что речь идет не о жмущихся к ветвям сороках, а о струящихся по скрипучей поверхности «безводного поля» крупных змеях. Полозы — лазающие змеи. Потому-то птицы их боятся и умолкают. Однако слово *только* из этой фразы следует исключить (см. ниже).

Возможно, в *полозие ползоша* скрыт и каламбур, ведь путь из Тмуторакани на Русь в XII столетии назывался *Залозным путем* (собственно, по нему и ползут в Посемье и на Киевщину змеи-половцы).

Биолог Г. В. Сумаруков, находя поведение зверей и птиц в «Слове» не вполне естественным, считал, что под птицами тут разумеются разные половецкие племена, у каждого из которых был, по мнению исследователя, свой животный тотем. Если смотреть с этой точки зрения, то выходит, что половецкие «тотемы дятлов и соловьев» помогают Игорю бежать из плена. По Сумарукову, беглецы не таятся в степи от погони, но с боями (!) пробиваются через половецкие становища. На мой взгляд, столь линейного к ней подхода ткань «Слова» не выдерживает.

...ТОЛЬКО ДЯТЛОВЕ ТЕКТОМЪ...

Как указал Н. В. Шарлемань, в степи лесá (так называемые байрачные) растут по дну балок, широких оврагов, которые затопляются водой лишь в паводок. По балке всегда можно выйти к реке, поэтому по перестуку дятлов можно определить местонахождение реки. Такой способ ориентировки особенно актуален в темное время суток. Традиционно знаки в этом фрагменте расставляются так: *...полозію ползоша только. Дятлове тектомъ...* Это еще одна ошибка, возникающая из игнорирования стиховой природы текста (в 1909 г. ее исправил Ф. Е. Корш, но на это просто не обратили внимания). Чтобы услышать здесь стук дятла, надо расставить знаки по-иному:

...тогда врани не граяхуть,
 галици помълкоша,
 сорокы не троскоташа,
 полозие пълзоша.
 Только дятълове тектъомъ
 путь къ рѣцѣ кажють,
 соловии веселыми пѣснѣми
 свѣтъ повѣдають.

(«ТОЛ/Е/КО ...Т/Е/Л... ТЕК/О/Т/О/... ...Т/Е К/О ... КА... Т/Е...»). Впрочем, и весь этот фрагмент текста удивителен с точки зрения фонетической живописи. Помимо перестука дятлов в нем звучит стрекот сорок (*а не сорокы вътроскоташа*) и грай воронов (*тогда врани не граяхуть*). В диалоге Гзака с Кончаком слышен свист стрел (*соколича рострѣляевѣ своиМИ злаченыМИ стрѣлаМИ*), происходит трехкратное магическое опутывание слушателей арканом звукового повтора (*...А ВѢ сокольца опутАЕВѢ красною дѢВИцею...*).

Соловиі веселыми пѣс<н>ыми свѣтъ повѣдають.

По «Словарю» Даля, «поведать/поведовать» — возвещать, объявлять, говорить, оглашать, рассказать, объяснить, изъяснить. На Брянщине «ведать» — предвещать, предсказывать, а «поведать» — предвестить, предсказать. В Трубчевске записано: *Ластѣчки литають к дожджу, дож ведають* (Козырев 1975. С. 133).

И рекъ Гзакъ къ Кончакови...

Так в Екатерининской копии. В издании 1800 г. поправлено на более благозвучное *и рече*... Но это не спасает положения, потому как стык трех «к» остается.

Гзак с Кончаком рассуждают о грядущей судьбе Владимира Игоревича. И если мы вспомним, что «ъ» должен читаться как короткое «о», то от непроизносимости этой строки не останется и следа: *И реК/О Г/О/заК/О К/О КОнъчаКОВи*.... Видимо, шестикратное «ко/го» имитирует «тараторящую» речь «лебедян» (половцев), как *его гоголем* имитировало гоготение утки. Впрочем, может быть, дело не в «лебедином», а в «гусином» языке, ведь гогочут именно гуси. Как указал Н. А. Баскаков (со ссылкой на И. Н. Березину), тюркское *qaz* — гусь (см.: *Баскаков Н. А. Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М., 1978. С. 64*)⁸⁷.

⁸⁷ Вообще-то имя *Гза* (*Къза*) должно быть заимствовано отнюдь не из тюрк. *каз* (с *a* долгим!), а из чего-то вроде *къза*. К. Г. Менгес связывает его с шорским *quza* «род ястреба» (*Менгес. С. 114–116*). Как имя собственное, оно может вводиться также, например, к др.-тюрк. *quza* — «кузнечный горн» или к другому производному от глагола *quz-* «раскаляться докрасна».

9.3. Сказали Боян и Ходына⁸⁸, оба песнотворцы Свято-славовы, воспевшие старое время Ярославово и Олегово, два государевых любимца: «Тяжело голове без плеч, худо и телу без головы. Так и Русской земле — без Игоря». Солнце светит на небесах — Игорь-князь в Русской земле! Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь съезжает по Боричеву взвозу к святой Богородице Пирогощей. Сёла рады, города веселы. Спели мы песнь старым князьям, а после молодым петь славу Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Да пребудут здравы князья и дружина, вставшие за христиан против поганых полков! Князей восславим, а дружину помянем. Аминь.

⁸⁸ Ср. топоним Ходынка, ср. также у Веселовского: Ходыка, Ходырь. Среди антропонимов в *ДНД* к подобному словообразовательному типу относятся Лбына, Медына, Бельна, Шеломына, Тетьна (*ДНД*. С. 835).

Рекъ Боянъ и Ходына⁸⁹, Святъславля пѣстворьца, старого времени Ярослава [п] Ольгова, коганя хоти...

Здесь в третьем лице вслед за именем Бояна названо прозвище или поэтическое имя самого автора «Слова» (подробнее см.: Чернов. С. 171 и след.).

...тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы...

Украинский филолог Л. Е. Махновец предположил, что это двустишие было сочинено Бояном о гибели в 972 г. на Днепровских порогах Святослава Игоревича, из черепа которого, как сообщает «Повесть временных лет», печенежский князь Куря сделал чашу (*ЭСПи*. Т. 3. С. 226).

С этого места начинается акростих, обнаруженный в 1980-х московским инженером Арсеном Арсеновичем Гогешвили (*Гогешвили А. А.* Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М., 1991. С. 101–110).

— **ТЯЖЬКО** ти головѣ кромѣ плечю,
ЗЬЛО ти тѣлу кромѣ головы, —

РУської земли без Игоря!
СОлныце свѣтиться на небесѣ —
ИГОрь кнѣзь въ Руськой земли.

ДЬвици поють на Дунаи —
ВЬються голоси чрес море до Києва.

⁸⁹ *Рекъ Боянъ и Ходына...* Если не делать необъяснимых конъектур, затруднение вызывает синтаксис фразы. В принципе, возможно, что Боян и есть Ходына (а *и* — *и* изъяснительное, ср. *жене моей и Федосьи*. — см.: *ДНД*. С. 198). В этом случае более оправдано ед. число рекъ (*ш*-причастие м.р., допустимо в качестве самостоятельного сказуемого — см.: *ДНД*. С. 182), и не нужна конъектура *рекоста*. Но в этом случае не объясняется следующее двойственное число. Может быть, согласование предиката только с первым из однородных подлежащих? Возможно также постепенное «нанизывание» членов ситуации. По смыслу немного странно — после всех уже высказанных оценок поведения Игоря — идея о том, что Руси тяжело без Игоря, как телу без головы — может быть, весь пассаж все же надо считать изложением идей Бояна или идеологически сходного княжеского певца?

Игорь ѳдеть по Боричеву
КЪ Святѣи Богородици Пирогощеи.
 Страны ради, гради весели.
 Пѣвъше пѣснь старымъ кнѣземъ,
 А по томъ молодымъ пѣти:
 Славу Игоря **СВЯТЬСЛАВЛИЧА**

Икос — строфа акафиста, чередующаяся с кондаком. (Потому возможно и другое чтение: *Дѣви в/ѣ икъс/ѣ* — Деве в икос.)

Становится понятно, почему этот фрагмент поэмы написан словно бы другой рукой, почему в этом месте каждая стиховая строка (за единственным исключением) равна одному предложению. Кроме того, получает объяснение грамматическая несогласованность стиха в издании 1800 г. «слава Игорю Святъславлича» (это не опечатка, поскольку в Екатерининской копии также не «Святъславличу», а «Святъславличъ»). Вероятно, можно оспорить первую половину прочитанного исследователем акростиха, но вторая (*Дѣви в/ѣ/ икъс/ѣ/*: *спаси Святъславлича*) представляется надежной.

Подобные древнерусские надписи (*Помози рабу Твоему... или Спаси...*) и теперь сохраняются на стенах домонгольских храмов. Как нетрудно догадаться, речь в них довольно часто идет о самих авторах этих граффити. И если уж автор несколькими строками выше назвал себя «Святославовым песнотворцем», то здесь, видимо, мы вновь имеем дело с игрой поэта на переосмыслении и игровой переадресовке отчества «Святославич» (см. с. 209). Обращенная к Пирогощей Богородице и вписанная в текст «краегранесием» (так в Древней Руси называли акростихи) молитва *Спаси Святославича* фиксирует отчество (реальное, или метафорическое) самого поэта.

Игорь ѳдеть по Боричеву къ Святѣи Богородици Пирогощеи.

Боричев взвоз (современный Андреевский спуск) — дорога, которая ведет с «Киевских гор» на Подол, к Днепру, где и стоит церковь Пирогощей Богородицы (Успения Богоматери), заложенная в 1131 г. Мстиславом, сыном Владимира Мономаха для привезенной из Константинополя Пирогощей иконы. (Подробно об ее атрибуции как иконы Покрова Богородицы см.: *Чернов*. С. 321–338.)

Как убедительно показал Б. А. Рыбаков, Игорь едет от берега Святослава на поклонение к Богородице. Именно этому и радуется Русь. И именно поэтому солнце, чьим предупреждением преоберег Игорь в начале похода, вновь «светится в небесах».

Страны ради, гради весели.

В летописи говорится о радости, с которой встречали вернувшегося Игоря: *...иде во свои Новгородъ, и обрадовашася ему. Из Новгорода иде ко брату Ярославу к Чернигову помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему да обьща. Игорь же оттолъ тѣха ко Киеву к великому князю Святъславу и радъ бысть ему Святославъ, такъ же и Рюрикъ свать его (Ипат. Стб. 651).*

Из комментария Д. С. Лихачева: «Роль Киева как центра Русской земли особенно отчетливо выступает в заключительной части “Слова о полку Игореве”. Согласно летописи, Игорь по возвращении из плена в Новгород-Северский едет в Чернигов, а затем уже из Чернигова отправляется в Киев к Святославу Всеволодовичу. Но «Слово о полку Игореве» не упоминает ни о его пребывании в Новгороде-Северском, ни о его пребывании в Чернигове. Игорь — русский князь прежде всего, важно его возвращение в Киев, а не в Новгород-Северский. Славу ему поют не в Новгороде или Путивле, а на Дунае — в отдаленных русских поселениях, отрезанных от остальной Руси половцами, ибо радость по поводу его возвращения общерусская, а не какая-либо местная. Возвращение Игоря встречает отклик во всех русских селениях, даже и тех, которые были заброшены на крайний юго-запад. При этом пение девиц на Дунае достигает именно Киева. Итак, единство Русской земли мыслится автором “Слова” с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем, рисующимся ему в чертах сильного и грозного князя» (Лихачев. С. 127).

Владимир Игоревич

Сын Игоря Святославича, родился 8 октября 1173 г. (так в *Ипат.* Стб. 562; в посвященной ему статье во II томе *ЭСИИ* Г. М. Прохоров вслед за А. В. Соловьевым сдвигает дату на 1170 г.). Крещен Петром. В походы ходил со своим отцом с 1183 г. Вернулся из половецкого плена в 1187 г. По Ипатьевской летописи:

...приде Володимѣрь ис половѣць с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорь сынови своему и вѣнча его и с дѣтьтѣмь (Стб. 659). Видимо, в то же время пришел из Поля и Всеволод.

Заметим, что о возвращении Владимира и Буй Тура Всеволода в «Слове» ничего не сказано. Вероятно, оно еще не состоялось, хотя и ожидается в ближайшем будущем. На это указывает то, что слава молодым князьям лишь обещается, она оставлена *на потом*: «Петь песнь старым князьям, а потом молодым петь...» Когда настанет это «потом» и подразумеваются ли под «молодыми» сами князья, или речь о еще зеленом (*мо–мо–мо*) молодом поколении песнотворцев, которые когда-нибудь споют славу Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду и женившемуся в половецком плену Владимиру Игоревичу — поэт не уточняет.

В 1191 г. Игорь с Всеволодом вновь ходили в Поле. Они предприняли две попытки: с первой захватили скот и коней. В следующем походе, в котором участвовал и сын Святослава Киевского Владимир, русские князья, встретив готовых к отпору половцев, ночью повернули назад и сумели оторваться от погони.

Очевидно, 1185 г. научил Игоря и Всеволода осторожности. Но слава, восхваляющая ратный труд Игоря и Всеволода, так и не будет сложена.

Всеволод умер в 1196 г. и был похоронен в церкви Святой Богородицы в Чернигове. Игорь пережил брата на шесть лет.

Княземъ слава, а дружинѣ аминь.

Последнюю фразу «Слова» первоиздатели поняли так: «Князьям слава, а дружине аминь». В большинстве современных изданий оговаривается, что союз «а» мог быть и соединительным, поэтому читать и переводить надо: «Слава князьям и дружине. Аминь». Однако здесь мы вновь должны вспомнить о «темном стиле» как о смыслообразующей доминанте всего текста. Чтение первоиздателей подкрепляется рифмой *А дружИН/ИЕ — АМИН/Е* и древней традицией народного понимания слова «аминь». Восклицание «Аминь!» (в переводе с греческого — «истинно, верно, подлинно») завершало церковные службы, поэтому «задать аминя» — порешить, а «тут ему и аминь» — тут ему и конец. «Сколько ни петь, а аминем вершить», — читаем в «Словаре» В. И. Даля. Можно привести и книжную параллель: *...створи пред сущими ту послѣднюю молитву, и рѣкъ* (Иоанн) *обычное слово: “Слава Богу*

ДЕВЯТАЯ ПЕСНЬ

о всем”, запечатлѣвъ воистину послѣднее “аминь” <...> *успе блаженым сном и неизреченнымъ* («Великие Четы минеи». Цитирую по: ССПИ. Вып. 1. С. 38).

По законам «темного стиля» и эту фразу надо понимать двояко: слава князьям и дружине, но князьям слава, а дружине — аминь.

ОБ АВТОРЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
(АТРИБУЦИОННАЯ СПРАВКА)

Проблема атрибуции «Слова» не ставилась академической наукой, поскольку считалась неразрешимой (логическая ошибка, спровоцированная негативным опытом многочисленных попыток *угадать* имя Автора). Однако авторское начало столь полно запечатлено в поэме, что требует поставить вопрос и об авторстве.

Что мы знаем об Авторе из самого текста «Слова о полку Игореве»?

Он поэт и духовный наследник дружинного песнотворца Бояна.

Он воин: у него обширные познания в вооружении и доспехах разных народов, ему известны тонкости воинского дела.

Круг его чувств — круг чувств молодого человека.

Поэма дышит земными страстями и земной любовью. Автор рассказывает о любви Буй Тура Всеволода и его «милрой жены красной Глебовны», он восхищен любовью Ярославны к Игорю. Нам слышен плач русских жен, пение дунайских дев и «готских красных девиц», мы видим «красных девок половецких» и красную-девицу Кончаковну. Князь-волхв Всеслав бросает жребий «на девицу, ему полюбившуюся». Не без любования написана даже плещущая лебедиными крылами «дева Обида».

Стремительность поэтической реакции на историческое событие («Слово» написано не позже 1186 года) и постоянное «выворачивание» поэтом устойчивых летописных клише тоже указывают на молодость поэта.

Это очень смелый поэт. В XII веке никто не решался восстать против убогих и сделать убийственный для правящего класса вывод: «в княжеских крамолах жизни людские сократились».

Он равно жалеет и пахаря, и князя, и всю землю Русскую.

Он книжник: цитирует летопись и Ветхий Завет, переиначивает клише из «Иудейской войны» Иосифа Флавия и «Слова о князьях». Он знаком с греческими авторами, русским фольклором, знает скальдическую традицию, хорошо представляет географию ойкумены (в том числе и политическую).

Он христианин, цитирует Евангелие и церковную службу, но не стесняется ссылаться на древних славянских богов, относясь к ним или как к предкам, или как к поэтическим образам седой старины (при этом его языческий Олимп не восточнославянский, а, скорее, — дунайский).

Он тесно связан с Киевом (упоминаются «Киевские горы», Боричев взвоз, неизвестный летописям «Плесенск на болони»), но внимательно

читал не киевские, а новгородские летописи (по ним он рассказывает о похоронах Изяслава Ярославича в Софии Киевской).

Как установил Д. С. Лихачев, поэт цитирует новгородские предания, упоминает новгородскую денежную систему — ногату, резану, белу (мелкие серебряные монеты).

Он вырос или долгое время жил на Брянщине: подавляющее большинство редких и уникальных слов поэмы обнаружены в брянских говорах (34 слова). При этом часть из этого списка (чуть более трети) встречается еще и в смежных с брянским смоленском и псковском диалектах. Но двенадцать уникальных параллелей к «Слову» — целиком брянские.

Автор не чужой в «Жизни Всеславовой», то есть в Полоцкой земле (одна из песен целиком посвящена полоцким князьям) он знает окрестности Чернигова (упомянута небольшая речка Канина), перечисляет нигде более не встречающиеся имена родов или племен черниговских тюрков, трижды под «отцовым золатым престолом» имеется в виду черниговский стол.

Поэт близок к Святославу Киевскому, которого явно идеализирует, но поэма направлена против прошлой политики самого Святослава: до 1181 года он не раз приглашал половцев на Русь, вместе с ними брал русские и полоцкие города. Но когда разбивший его и союзных ему половцев Буй Рюрик уступает ему киевский престол, Святослав становится последовательным противником степняков и организатором нескольких общерусских походов в Поле. (Однако память прошлого столь свежа, что в «Золотом слове» нет ни одного призыва Святослава не приводить половцев на Русь; здесь эта наиболее болезненная для Руси тема просто не затрагивается.)

Многократно отмечалось, что кругозор Автора — кругозор не дружинника, а князя. Как писал Л. А. Дмитриев, «отличное знание междукняжеских отношений» говорит о принадлежности поэта к высшему сословию.

Автор «Слова» мыслит масштабами страны и всей средневековой Европы (от Венеции и Византии до Волжской Болгарии). У него иерархическое мышление, поэтому в «Золотом слове» Святослав обращается к князьям строго по поколениям. Автор на равных обращается сразу ко всем Рюриковичам («Ярославовы и все внуки Всеславовы...»). Он обличает всю феодальную верхушку Руси, но при этом использует обращение «братие».

Пристрастие к соколиной охоте и упоминание об охоте с гепардами (две княжеских забавы) вновь выдает человека высшего сословия. Но соколиная охота нужна автору, чтобы описать манеру Бояна, а с гепардами, как с гончими, охотились только князья. Гепардов привозили из Средней Азии, и если половцы рыщут по Руси, *акы пардуше гнъздо*, значит, они действуют отнюдь не самостоятельно. (Сегодня это звучало бы: рыщут, как стая гончих псов.)

Автора «Слова» следует искать среди тех князей, которые никогда не похищали чужих престолов, не принимали участия в «княжеских крамолах» и не приводили половцев на Русь.

Автор не был участником похода Игоря: во-первых, он говорит о битве на Каяле, находясь где-то в стороне от нее: «Что мне шумит, что мне звенит давеча рано пред зорями...», во-вторых, считает, что ветер был юго-западным («с моря») и одновременно дул «с Дона», — с востока. (Меж тем, он представляет, что относительно Каялы «море» и Дон находятся в разных направлениях: «Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон...».) Автор знает, что судьбу последнего двухдневного сражения решил ветер, который сам нес стрелы на русичей, пробивающихся к Донцу по скалистому берегу Каялы, но не знает, что в Нижнем Подонцовье весной дуют постоянные восточные ветры.

Игоря и Всеволода поэт осуждает за попытку «похитить прошлую славу» (славу Святослава Киевского) и «поделить грядущую». О том же он говорит и устами киевского князя: «...ибо без чести кровь поганую проливали». Но тогда откуда такая симпатия к этим «крамольникам»? И почему с такой теплотой поэт пишет о Буй Туре Всеволоде, который правит в Трубчевске (тоже территория брянских говоров)?

Наиболее сложные отношения у поэта с Всеволодом Большое Гнездо (в адрес этого князя летит слишком много язвительных стрел).

Практически все описанные прямо или отраженные в «Слове» реминисценциями события новейшей истории укладываются в период с 1158 по 1185 год. Почему? И почему поэт выделяет и награждает эпитетом «Буй» молодого и мало кому еще известного Романа Вольнского?

Наконец, надо ответить на вопрос, откуда поэт знает, что в то лето Ярославна находилась не в Новгороде-Северском, а в Путивле, городе, который после поражения Игоря был осажден, но не взят Гзаком (тот пожег острог «окольного» града, а от стен деревянного кремля отступил).

Проверив *сумму этих условий и указаний* на соответствие тому, что известно об исторических лицах конца XII века, убеждаемся, что автором «Слова о полку Игореве» был молодой черниговский князь Владимир Святославич Вщижский (ок. 1160–1201), второй сын центрального героя «Слова» Святослава Всеволодича Киевского и Марии Васильковны.

Его мать была полоцкой княжной, а одна из песен посвящена не имеющим никакого отношения к событиям лета 1185 года полоцким князьям и гибели даже не упомянутого в летописях Изяслава, брата (или дяди) Марии Полоцкой. Лингвист Анна Дыбо усматривает в языке «Слова» полоцкие элементы. Вероятное место рождения Владимира — Новгород-Северский, где его отец правил с 1158 по 1164 год.

С 1167-го по август 1180 года (и, вероятно, с конца 1181-го по 1201 год) Владимир сидит на столе во Вщиже (город на Десне в ста верстах выше Трубчевска, где сидит ближайший сосед Владимира Святославича —

столь любимый им Буй Тур Всеволод). Это территория современной Брянщины, и понятно, откуда в «Слове» столь мощный пласт брянских диалектизмов. (Брянск в XII веке — небольшой городок в удельном Вщижском княжестве.)

Владимир Вщижский был женат на двоюродной сестре Ярославны (по одной из церковных версий — это будущая святая Евфросиния Суздальская); Игорь Святославич приходится ему двоюродным дядей.

Итак, события новейшей истории укладываются в «Слове» в период с 1158 по 1185 год. Если опустить первую дату (захват Киева Ярославом Осмомыслом), то практически всегда это именно те исторические перипетии, в которых принимал непосредственное участие Владимир Святославич, и отношение Автора к участникам этих событий обусловлено взаимоотношениями Владимира с его родичами, друзьями и врагами.

В «Золотом слове» отсутствуют обращения Святослава к Ольговичам (за исключением Ярослава Черниговского) встать на защиту Русской земли. Меж тем, по Ипатьевской летописи, двое из них, Олег и Владимир, сыновья самого Святослава, первыми откликнулись на призыв киевского князя и летом 1185 года изгнали Гзака из Посемья. Однако Татищевская летопись уточняет, что Олег встретился с одним из отрядов Гзака где-то в Посемье и уже после того, как Путивль устоял. Сопоставление свидетельств Ипатьевской и Татищевской летописей методом исключенного третьего (Владимир у Татищева даже не упомянут) доказывает, что оборону Путивля организовал Владимир Святославич. И только он видел плачущую на опаленной путивльской стене Ярославну, которая ждала мужа из похода не в Новгороде-Северском, а в Путивле, поскольку тот на два дня пути ближе к Полю.

Владимир более года княжил в Новгороде, а Автор упоминает о новгородской «славе Ярослава» и о трех новгородских мелких монетах. Кроме того, он знает новгородские летописи лучше, чем киевские.

Авторское «я» звучит в поэме лишь однажды: Игорь не сумел остановить бегущие полки, и его стяги пали. Эта ситуация — эхо «нового чуда Богородицы на Белеховом поле», первого ратного подвига Владимира Святославича, который сначала потерял стяг, а после одолел Мстислава Безокого, даже не обнажив меча. Со слов черниговского летописца (тот, очевидно, записывает рассказ самого Владимира) мы знаем, что Мстислав ударил из-за холма, причем его дружинники были «все в броне, как во льду». (Эта метафора цельнометаллического доспеха найдет развитие в «Слове», где земля треснет от «железных подкрылков» Буй Романа и Мстислава.)

Битва на Белеховом поле 15 июня 1176 года произошла близ древнего капища Велеса. В 1180 году, когда умирает Мстислав Храбрый, новгородцы зовут Владимира на княжение и, видимо, в честь его подвига в диаконнике старолadoжской Георгиевской церкви написана фреска,

на которой святой Георгий едет без меча и копыя, но со щитом и красным стягом, а змея-Велеса ведет на пояске дева Елисава.

Из трех старших сыновей Святослава только Владимир отвечает тому образу поэта, который возникает из текста: он никогда не затевал усобиц и никогда не приводил половцев на Русь, а в 1180 году удержал свою новгородскую дружину от участия в разорении его отцом и половцами городов в устье Тверцы (по Новгородской летописи, в этом походе ни один новгородец даже не был ранен).

Друзей поэт воспевает. Это относится к Буй Туру Всеволоду (князь-соседи, видимо, дружили) и к мало кому известному в 1185 году Роману Вольнскому, которого автор «Слова» также награждает эпитетом «Буй». Но судьбы Владимира и Романа зеркальны: оба стали героями двух ратных чудес Богородицы, оба в юности были новгородскими князьями, и оба из-за интриг владимирских князей недолго продержались в Новгороде. (Политические идеи и даже метафоры «Слова» в 1203 году откликнутся в проекте конституционной реформы Буй Романа, выписки из которого приводит В. Н. Татищев.) А с Владимиром Глебовичем Переяславским, о чьих полученных летом 1185 года тяжких ранах кручинится поэт, Владимир Вщижский плечом к плечу дрался на Колакше и вместе взял в плен Мстислава Безокого.

Из Мономашичей эпитета «Буй» удостоены лишь Роман Вольнский и Рюрик. Рюрик заслужил это тем, что проявил великодушие и смирение: победив Святослава, он уступил ему (как старшему) Киевский стол.

Всеволод Большое Гнездо был то другом, то врагом Владимира Вщижского. Он и его брат Михаил получили Владимирский престол благодаря Белеховскому чуду (то есть ратному подвигу Владимира). Всеволод женил Владимира на дочери покойного своего брата, но вскоре по вине Всеволода (и по воле Святослава, отца поэта) Владимиру пришлось с ним сражаться. Всеволод пустил «живых шереширов» (рязанских Глебовичей) сжечь обозы Святослава и Владимира на реке Влене. Поэт поминает это в тот момент, когда «шерешеры» восстали против самого Всеволода. Столь же язвительно он напоминает Всеволоду о его походе на Волжскую Болгарию, участником которого был и сам, и о новгородской монетке ногате, за которую якобы можно было купить раба-половца, если б Всеволод пришел на помощь. Но все помнят, что когда новгородцы в 1170 году под предводительством Буй Романа разбили суздальцев, именно последних продавали по две ногаты (а Всеволод — князь владимирский и суздальский).

В конце поэмы есть обращенный к Богородице угловой акростих ...*Спаси Святославлич*, в котором речь, очевидно, идет не об Игоре, а о самом поэте. Спасенному Игорю здесь же поется (или обещается в грядущем) слава.

Автор «Слова» в начале поэмы сообщает, что будет петь «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но заканчивает повествование именем

сына Игоря — Владимира: то есть начал с Владимира, Владимиром и закончил. Но Владимир — это имя самого Автора, а это значит, что перед нами еще одна сфрагида поэта.

Средневековая летописная история — это прежде всего история княжеская, и у нас практически не было бы шансов атрибутировать текст, если б его автор не принадлежал к высшему сословию. (Так, мы вряд ли скоро узнаем что-то новое о скоморохе-дружиннике Данииле Заточнике или премудром книжнике Тимофее.) Будем считать, что в случае с Владимиром Вщижским нам просто повезло*.

А. Чернов

* Я не ставил себе целью *угадать Автора*, поскольку, как и большинство моих коллег, полагал, что это неблагоприятное (а отчасти и неблагоприятное) занятие, род гадания на кофейной гуще.

Угадать — значило назвать имя, исходя не из текста «Слова», а исключительно из предположения, что известный нам по другим источникам имярек мог быть Автором. Наиболее основательную попытку такой «угадайки» предпринял Б. А. Рыбаков (*Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве»*. М., 1991). Стоит вспомнить и версию украинского исследователя Л. С. Махновца, приписавшего «Слово» Владимиру Галицкому, брату Ярославны (см. статью Л. А. Дмитриева «Владимир Ярославич» в *ЭСИ*, т. 1, с. 210–215). Но дело даже не в том, что боярин Петр Бориславич был предателем киевлян и виновником одного из самых страшных разгромов Киева, а Владимир Галицкий — противник Святослава Киевского, авантюрист и себялюбец, который, нарушив крестное целование, мог обманом занять галицкий престол и *гдѣ улюбивъ жену или чюю дочерь поймаешь насильемъ* (*Ипат.* Стб. 660). Дело в том, что ничто в тексте самой поэмы не указывает на предложенного в качестве Автора боярина Петра Бориславича или князя Владимира Галицкого.

То, что «Слово о полку Игореве» написал Владимир Святославич Вщижский, — вывод, сделанный мною из самого «Слова», из того многообразия связей поэтического текста, которые становятся семантически осмысленными, если именно этот князь, на коего до сих пор не обращали внимания ни историки, ни филологи, становится авторским центром поэмы.

Более подробно см.: *Чернов. С. 192–251.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ТРИ ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ
О РУССКО-ПОЛОВЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1183–1185 ГОДОВ**

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Перевод Наталии Введенской и Андрея Чернова

В год 6691 (1183) месяца февраля в двадцать третий день, в первую неделю поста, пришли воевать на Русь к Дмитрову измалитяне безбожные половцы с окаянным Кончаком и с Глебом Тириевичем, но Божьим заступничеством вреда не причинили. Князь же Святослав Всеволодич сговорился со сватом своим Рюриком и пошел против половцев. И остановились у села Ольжичи, ожидая Ярослава, который шел из Чернигова. Встретил их Ярослав и сказал: «Ныне, братья, не ходите, но условимся о времени, и если Бог даст, пойдем на них летом». Святослав же и Рюрик, послушавшись его, возвратились. Святослав послал полем сыновей своих с полками своими к Игорю, велел ему ехать вместо себя, а Рюрик послал со своими полками Владимира Глебовича. А Владимир Глебович послал к Игорю, прося разрешения выступить впереди его полков, ибо князья русские обещали ему, что пойдет впереди. Но Игорь не согласился на это. Владимир разгневался и возвратился. И идя оттуда, напал на города северские и захватил большую добычу. Игорь же повернул назад киевские полки и поставил над ними Олега и своего племянника Святослава, чтобы довели они войско без потерь, а сам поехал, взяв с собой брата своего Всеволода и Всеволода Святославича*, и Андрея с Романом, и некоторое число воинов из черных клобуков с Куддирем и с Кунтувдеем. И пришли они к реке Хирие. И было той ночью тепло, шел сильный дождь, и поднялась

* Всеволод Черемный, средний сын Святослава Киевского. — *Здесь и далее примеч. переводчиков.*

вода, и не нашли брода, а половцы, которые успели переправиться со своими вежами — спаслись, а какие не переправились, тех полонили. Говорили, что во время этой рати немало вежей, и коней, и скота утонуло в Хирие, когда бежали от руси. <...>.

В тот же год Бог побудил Святослава, князя Киевского, и великого князя Рюрика Ростиславича пойти на половцев. И послали они к соседним князьям, и присоединились к ним Мстислав и Глеб Святославичи, и Владимир Глебович из Переяславля, Всеволод Ярославич из Лучска с братом Мстиславом, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович и Мстислав Городенский, Ярослав, князь Пинский, с братом Глебом, и из Галича от Ярослава пришла помощь, а свои братья не пришли, говоря: «Далеко нам идти к низовьям Днепра, не можем свою землю без защиты оставить, но если пойдешь через Переяславль, то присоединимся к тебе на Суле». Святослав же, рассердившись на своих братьев, поспешил в путь, ведомый Божьим промыслом; потому-то старшие его сыновья и не успели из Черниговщины*. Идя вдоль Днепра, достиг места, которое зовется Инжир-брод, и тут перешел на чужой берег Днепра и пять дней искал половцев. Тогда отрядил младших князей вперед полков своих; отрядил Владимира Переяславского, и Глеба, и Мстислава, сына своего**, и Мстислава Романовича, и Глеба Юрьевича, князя Дубровицкого, и Мстислава Владимировича. И берендеев было с ним две тысячи сто. Половцы же, увидев смело идущие на них полки Владимира, побежали, гонимые гневом Божьим и Святой Богородицы. Русские гнались за ними, но не догнав, возвратились и встали в месте, называемом Орель, которое на Руси зовется Угол.

Половецкий же князь Кобяк, полагая, что это и есть все русское войско, возвратился и стал преследовать русь. Когда половцы догнали русские полки, началась перестрелка через реку и хотели отогнать друг друга, и так продолжалось немалое время. Узнав об

* Олег Лопасненский и Владимир Вщижский.

** Глеб и Мстислав — младшие сыновья Святослава.

этом, Святослав и Рюрик послали им на помощь большую рать, а сами, поспешая, пошли за ними. Когда половцы увидели пришедшие на помощь полки, то решили, что это Святослав и Рюрик, и тотчас ускакали. Русские, утвердившись Божьей помощью, начали сечь половцев и брать в плен. Так явил Господь милость свою христианам, и в тот день Бог возвеличил Святослава и Рюрика за веру их.

И взяли в плен Кобыка Карлыевича с двумя его сыновьями, Изая Билоковича, и Товлыя с сыном, и брата его Бокмиша, Осалюка, Барака, Тарха, Данила и Содвака Кулобичского. Взяли Корязя Калотановича и тут же убили его и Тарсука, а прочих — без счета. Даровал Бог победу эту месяца июля в тридцатый день, в понедельник, в день памяти святого Ивана Воинника. А великий князь Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич, прияв от Бога победу над погаными, возвратились домой со славой и с честью великой.

В тот же год Игорь Святославич, услышав, что Святослав пошел на половцев, призвал к себе брата своего Всеволода, и племянника Святослава, и сына своего Владимира и обратился к братии своей и ко всей дружине: «Половцы ополчились против русских князей, а мы в отсутствие их нападем на их вежи». И когда перешли Мерлу, встретились с половцами, ибо ехал Обовлы Костукович с четырьмястами воинами воевать на Русь. И тотчас поскакали им навстречу. Половцы же, Божьим повелением бежали, а русь погналась за ними, и победила их, и возвратилась восвояси.

В это же время Владимир Ярославич Галицкий, шурин Игоря, жил у Игоря, ибо был изгнан отцом своим из Галича. Тот Владимир прежде всего отправился во Владимир к Роману, но Роман, убоясь отца его, не дозволил поселиться у себя. Оттуда ушел к Ингварю в Дорогобуж, но и тот, убоясь отца его, не принял Владимира. И оттуда поехал к Святополку в Туров, и тот также не пустил его, и Давыд в Смоленске его не пустил, и ушел Владимир Галицкий в Суздаль к Всеволоду, дяде своему. Но и там не обрел покоя и пришел к зятю своему Игорю Святославичу в Путивль. Тот же встретил его с любовью и великими почестями и два года держал у себя,

а на третий год помирил его с отцом и послал с ним сына своего Святослава, зятя Рюрикава. <...>

В год 6692 (1185). Пошел окаянный и безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь, желая захватить и пожечь огнем города русские, ибо был у него некий басурманин, который стрелял живым огнем. Были у них такие луки-самострелы, что и пятьдесят мужей едва могли натянуть их. Но всемилостивый Господь Бог гордым противится и козни их разрушает. Кончак же, придя, стал на Хороле и послал к Ярославу Всеволодовичу, коварно предлагая ему замириться. Ярослав же, не подозревая обмана, направил к половцам мужа своего Ольстина Олексича. А Святослав Всеволодович послал к Ярославу, говоря: «Брат, не верь им и своего мужа не посылай, а я пойду против них». Святослав же Всеволодович и Рюрик Ростиславич со всеми своими полками сразу же вышли против половцев. Рюрик и Святослав отрядили Владимира Глебовича и Мстислава Романовича, а сами Рюрик и Святослав пошли следом. По пути встретились им купцы, шедшие из Половецкой земли, и сказали, что половцы стоят на Хороле. Святослав и Рюрик, услышав об этом, обрадовались и пошли туда. А Владимир и Мстислав, узнав о том, пришли на указанное купцами место. Но когда пришли туда, где стояли половцы, то не увидели никого, ибо половцы перешли на другое место возле Хорола. Передовой же полк, переправившись через Хорол, поднялся на Шеломя, чтобы узреть их. Кончак же стоял внизу. И ехавшие по Шеломени разминулись с ним, а другие заметили и напали на него. Кончак же, увидев это, бежал на ту сторону дороги, а наложницу его взяли и того басурманина захватили, у которого был живой огонь. И доставили его к Святославу с его машиной, прочих же воинов кого перебили, а кого полонили, захватив множество коней и оружия.

В год 6691 (1185). Даровал Господь избавление — дал победу князьям русским Святославу Всеволодовичу и великому князю Рюрику Ростиславичу, месяца марта в первый день. Узнав, что Кончак бежал, послали за ним Кунтугдыя с шестью тысячами воинов. Но тот не смог догнать, ибо помешала распутица за Хоролом.

Святослав же и великий князь Рюрик одержали победу молитвами святых мучеников Бориса и Глеба и пошли каждый восвосяси, слава Бога во Троице — Отца, и Сына, и Святого Духа.

Князь же Ярослав Черниговский не пошел с братом своим Святославом, сказав: «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича, и потому пойти не могу». И тем оправдался перед своим братом Святославом. Игорь же сказал мужам Святославовым: «Не дай бог отказаться идти на поганых: они — наш общий враг!» Потом стал гадать Игорь с дружиной: каким бы путем поехать, чтобы перегнать полки Святослава. Сказала ему дружина: «Князь, не можешь ты лететь, как птица: в четверг приехал к тебе муж от Святослава, а если сам он вышел из Киева в воскресенье, то как ты сможешь догнать его?» Игорю не любы были слова дружины, хотел он ехать полем напрямик за Сулу. Но была такая непогода, что воины и днем не видели дороги. И потому не могли ехать за Святославом.

Той же весной князь Святослав послал Романа Нездиловича с берендеями на поганых половцев. С Божьей помощью захватили вежи половецкие, взяв много пленных и коней двадцать первого апреля, на самую Пасху.

В ту пору князь Святослав отправился по своим делам в землю вятичей, к Карачеву.

В то же время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода* месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил в помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так шли они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел солнце, стоящее словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Разумеете ли, что значит знамение сие?» Они же

* Имеется в виду Новгород-Северский.

узрели и все головами поникли. И сказали: «Князь! Не к добру сие знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны Божьей никто не ведает, а знамению творец Бог, как и всему миру своему. А что нам Бог даст — на благо ли, на беду — то и увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода, ибо тот шел иным путем из Курска. И оттуда пошли к Сальнице. Здесь приехали к ним их разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали: «Встретились с ратными, ратники их во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвращайтесь домой: не наше сейчас время». Игорь же сказал братии своей: «Если мы без битвы возвратимся, то срам хуже смерти; но пусть будет, как Бог даст». И, так рассудив, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в час обедни, встретились с полками половецкими, которые вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, встали на противоположном берегу реки Сюурлий. А наши построили шесть полков: Игорев полк посередине, а по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, спереди полк Владимира, сына Игоря, и другой полк, Ярославов, — ковуи с Ольстином, а третий полк впереди всех — стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И сказал Игорь братии своей: «Братья! Того мы и искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, уповая на Бога. И когда приблизились к реке Сюурлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успела русь переправиться через Сюурлий, как обратились в бегство даже те половецкие полки, которые стояли далеко за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями и стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые русские избивали половцев и брали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили полон. А другие с пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрали всю добычу, обратился Игорь к братии своей и к мужам

своим: «Это Бог силою своей даровал нам победу и честь, и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие — а все ли половцы уже собрались? Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится нас преследовать, то не все догонят: лишь лучшие из половецких конников переправятся [через реку], а сами мы — как Бог даст». И сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». И поддержал его Всеволод, и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Да не трудно, братья, догадаться, что и умрем здесь». И заночевали на том месте.

Когда же рассвело в субботу, то проступили полки половецкие, стоявшие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать — так много было половцев. И сказал Игорь: «Ведаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если укачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а то будет грех перед Богом, коли уйдем, а их выдадим. Но либо умрем, либо все вместе живы будем». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда Божьим попусшением ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И была печаль великая в полку его: был у них воевода, а ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Настала субботняя ночь, но все еще шли они, сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения и бежали ковуи. Игорь в то время сидел на коне, ибо ранен был, и поспешил к ним, желая возвратить их. Но заметив, что он слишком удалился от своих, сняв шлем, погнался вновь за бегущими, чтобы те узнали князя и вернулись. Но не возвратился никто, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями из простых воинов да детей боярских немногие бежали, ведь все сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, перехватили его на расстоянии

полета стрелы от полка его. И схваченный Игорь видел брата своего Всеволода, крепко бьющегося, и просил для себя смерти, чтобы не видеть гибели брата своего. Всеволод же так бился, что не успевал менять [ломавшегося] оружия. И сражались, обходя озеро.

И так в день святого воскресения навел на нас Господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья — на горе на реке Каяле. Говорят, что воскликнул тогда Игорь: «Вспомнил я грехи свои перед Господом Богом моим, ибо немало кровопролития сотворил на земле христианской: как не пощадил я христиан, но взял на щит город Глебов у Переяславля. Тогда немало зла приняли безвинные христиане: разлучаемы были отцы от чад своих, брат от брата, друг от своего друга, и жены от мужей своих, и дочери от матерей своих, и подруга от подруги своей. И все порушено пленом и скорбью: живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, огнем очистились. Старцев убивали, юношей ранили жестоко, мужей рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, — воскликнул Игорь, — и недостоин я жить! А теперь вижу отмщение от Господа Бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где мое чадо? где бояре мудрые? где мужи храбрые? где строй полков моих? Где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишился я? И связанного предал меня Господь в руки беззаконным. Воздал мне Господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились теперь грехи мои на голову мою. Истинен Господь, и праведен суд его. И не для меня участь живых. Ныне вижу, что другие принимают венец мученический, но почему я, один во всем повинный, не нашел смерти? Но, Владыка Господь Бог мой, не отринь меня навсегда, но какова воля твоя, Господи, такова и милость к нам, рабам твоим».

И как окончилась битва, и полки [половцев] разведены были, пошли каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев, а Всеволода, брата его, взял Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И мало кто смог

спасти по случайности, нельзя было убежать даже тем, кто бежал — словно стенами крепкими огорожены были полками половецкими. Из русских пятнадцать мужей убежало, ковуев и того меньше, а прочие в море утонули.

В то время великий князь Святослав Всеволодович шел в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь идти на половцев к Дону на все лето. Когда же возвращался Святослав, у Новгорода-Северского услышал о братьях своих, что пошли на половцев втайне от него, и было это ему не мило. Святослав шел на ладьях и пришел к Чернигову. Тогда и прибежал туда Беловод Просович и поведал Святославу о случившемся в земле Половецкой. Святослав, узнав об этом, вздохнул горестно, утер слезы и сказал: «О дорогие мои братья, и сыновья, и мужи земли Русской! Дал мне Бог усмирить поганых, а вы, не сдержав юности, отворили ворота на Русскую землю. Да будет во всем воля Господня, но, как давеча досадовал я на Игоря, так ныне сокрушаюсь я по Игорю, брату моему».

После этого послал Святослав сына своего Олега и [сына своего] Владимира в Посемье, ибо слышал, что взбунтовались города Посемские, и была скорбь и тута лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и по всей волости Черниговской; князья отняты, и дружина отнята, перебита, люди мечутся, как в ловушке, в городах мятежи, и не мило каждому ближнее свое, но многие с душами своими расстались, о князьях своих сокрушаясь*. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Сговаривались мы идти на половцев на все лето на Дон, а теперь половцы победили Игоря, с братом его и сыном; приезжай же, брат, стеречь землю Русскую». Давыд же приплыл к ним по Днепру, пришли и другие на помощь, и встали у Треполя, а Ярослав, собрав полки, стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, возгордились и собрали все племена свои на Русскую землю. И был у них спор;

* Смысл, очевидно, такой: начались мятежи и грабежи, но многие погибли, защищая княжеское имущество.

молвил Кончак: «Пойдем на киевскую сторону, где перебиты были братья наши и великий князь наш Боняк». А Кза промолвил: «Пойдем на Сейм, где остались их жены и дети: там уже собран нам готовый полон, возьмем города без опаски». И так разделились: Кончак пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. В Переяславле княжил тогда Владимир Глебович. Был он дерзок и крепок в бою. Выехал он из города и пошел на врагов с немногими из дерзнувших дружинников. И бился крепко, и окружило его множество половцев. Тогда оставшиеся, видя князя своего крепко бьющегося, ринулись из города и отбили князя своего, раненного тремя копьями. Тот славный Владимир, тяжко раненный, въехал в город свой и отер пот свой мужественный, за отчину пролитый. Владимир послал к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду, говоря: «Половцы у меня, помогите же мне». Святослав же послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смолянами. Смоляне же собрали вече и так сказали: «Мы пошли на защиту Киева, и когда была бы там рать, то и бились бы, а другой рати искать не можем, и так уж изнемогли».

Святослав с Рюриком и иными помощниками, пошли по Днепру на половцев, Давыд же со своими смолянами ушел [в Смоленск]. Узнав об этом, половцы отступили от Переяславля. И, проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи же затворились в городе и полезли на забрала. И тут, Божьим судом, обрушились две городницы с людьми. Тогда на ратников и на прочих горожан нашел страх. Которые горожане вышли из города и бились, и ушли по Римовскому болоту, те избежали плена, а кто остался в городе, те все взяты были. Владимир же вновь послал к Святославу Всеволодичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давыда со смолянами. И так опоздали князья русские и половцев не догнали. Половцы же, взяв город Римов, отправились с полоном восвосяи, а князья возвратились по домам, печалась о сыне своем Владимире Глебовиче, смертельно раненном, и о христианах, попавших в плен к поганым.

Так Бог, казня нас за грехи наши, навел на нас поганых, не их жалуя, но нас казня и обращая к покаянию, дабы отрелись мы от злых своих дел. И казнит нас набегами поганых, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли со злого пути.

А другие половцы пошли по другой стороне к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности и села пожег. Сожгли половцы и острог путивльский и вернулись восвоися.

Игорь же Святославич в то время был у половцев и говорит: «Не доблесть поганых сломила силу рабов твоих, Владыка Господь, а за дела мои повержен я по воле твоей. Готов я за злодеяния свои принять все, что назначишь, как уже и принял». Половцы же, робея перед ним, не чинили ему зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не стеснили его: куда хотел, туда ездил, и с ястребом охотился, а своих слуг пятеро или шестеро с ним ездило. Сторожа его слушались и почитали, а если посылал он кого, то, не прекослова, исполняли волю его. И попа со святою службой призвал к себе из Руси, ибо не ведал Божьего промысла, но готовился долго еще там пробывать. Однако избавил его Господь за молитву христианскую, ибо многие печалились о нем и слезы проливали.

Когда же был он в земле Половецкой, то нашелся там некий муж, родом половец, именем Лавр*. И восприял он мысль благою и сказал Игорю: «Пойду с тобой в Русь». Игорь же сначала не верил ему, но лелеял по юности своей дерзкую мысль, задумав вместе со мужами своими бежать в Русь. И говорил: «Я славы ради не бросил дружину, и ныне бесславным путем не пойду». С Игорем были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали его, говоря: «Иди, князь, в землю Русскую, и если захочет Бог, — вызволит тебя». Но все не было случая, какого он ждал. Но как мы уже сказывали, должны были вернуться половцы от Переяславля, и сказали тут Игорю советчики его: «Носишь в себе мысль дерзкую и не угодную Господу:

* Автор «Слова» называет его половецкое имя — Овлур.

ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а про то не думаешь, что приедут половцы из похода. Слышали мы, собираются перебить они и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет ни славы тебе, ни жизни»*. Запал князю Игорю в сердце совет их, и, опасаясь возвращения половцев, он решил бежать.

Но нельзя было убежать ни днем, ни ночью, ибо крепко стерегли его, но только на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, велел сказать ему: «Перейди на тот берег Тора с оседланным конем», ибо решил бежать на Русь с Лавром. А в то время половцы напились кумыса. И вечером пришел конюший и сказал князю своему Игорю, что Лавр ждет его. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу Божьему и кресту честному, молвив: «Господь-сердцевидец! Спасешь ли недостойного меня, Владыка?» И, возложив на себя крест и икону, поднял стену [шатра] и полез вон. Стражи его в то время играли и веселились, полагая, что князь спит**. Он же, пойдя к реке, перебрался [на другой берег], сел на коня, и так поехали вдвоем через вежи.

Даровал ему Господь избавление это в пятницу вечером. И шел пешком*** до города Донца одиннадцать дней, а оттуда — в свой Новгород, и там обрадовались ему. Из Новгорода пошел к брату Ярославу в Чернигов, помощи прося для Посемья. Ярослав же обрадовался ему и обещал помочь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его.

* Анонимный советчик Игоря не включает себя в круг тех, кого могут убить половцы. А поскольку их монолог начинается с христианского наставления, вероятно, совет бежать в одиночку дают Игорю пришедшие из Руси священники (пленниками не являющиеся и расправы над собой не ожидающие).

** См. в «Слове»: «Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля измеряет...»

*** В некоторых списках Ипатьевской летописи слово «пешком» опущено, ведь ранее сказано, что у беглецов были кони. Объяснение находим в «Слове»: «...загнали своих борзых коней».

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Перевод Наталии Введенской и Андрея Чернова

В год 6693* (1183). В то лето вложил Бог мысль в сердце князьям русским — ходили все князья русские на половцев: Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич и Галичская помощь, и Владимирская, и Лучская. И, объединившись, пошли на половцев; и перешли реку Угол, и пять дней их искали. Владимир же Глебович, внук Юрия, ехал впереди в сторожевом полку с переяславцами, и берендеев было с ним две тысячи сто.

Половцы же, услышав, что русь пришла на них, рады были, уповая на силу свою, и говорили: «Бог предал князей русских с полками их в руки наши». И устремились в бой, не ведая реченного: «Ни мужество, ни хитрость не помогут, если Бог воспротивится». Пошли они против Владимира с кличем, словно пожрать его хотели. Владимир же с помощью Бога и Святой Богородицы, укрепляем молитвой деда своего и отца своего, пошел против них, отпросившись у Святослава, сказав тому: «Волость моя разорена половцами, пусти меня, отец Святослав, с полком сторожевым вперед». А князья русские не успели за Владимиром. Половцы же, увидев полк Владимира, храбро на них идущий, побежали, гонимые гневом Божиим и Святой Богородицы. А наши их погнали, и рубили, и семь тысяч полонили, одних князей половецких было четыреста семнадцать, и схватили Кюбяка, Осолука, Барака, Тарга, Данилу,

* В Лаврентьевской летописи даты сдвинуты на один год.

Башкорта, Тарсука, Изу, Глеба Тириевича, Ексна, Алака и Толгья, тестя Давыдова, с сыном, Тетия с сыном, Кобякова тестя Турундая. И помогли Бог со Святой Богородицей Владимиру месяца июля в тридцать первый день, в понедельник, на память святого Евдокима Нового.

Даровал Господь спасенье великое князьям нашим и воинам их, и победу над врагами нашими. Побеждены были иноплеменики куманы, называемые половцами. И сказал Владимир: «В сей день, данный нам Господом, возрадуемся и возвеселимся, ибо Господь избавил нас от врагов наших и поверг врагов наших под ноги наши, и сокрушил головы змиевы». И была радость великая: дружина ополонила, и повели колодников, оружие добыли и коней, и возвратились домой, славя Бога и Святую Богородицу, скорую помощницу роду христианскому.

В год 6694 (1185). Месяца мая в первый день, на память святого пророка Иеремии, в среду, под вечер было знамение в солнце, и стало так темно, что людям можно было звезды увидеть, и в глазах зелено было, и солнце как бы в месяц превратилось, а из рогов его словно уголья горящие исходили.

Страшно видеть людям знамение Божие. <...>

В том же году задумали Ольговы внуки пойти на половцев, поскольку не ходили в прошлом году со всеми князьями, но теперь сами по себе пошли, говоря: «Разве не князья себе? Пойдем так же и добудем себе хвалу!» И встретились у Переяславля* Игорь с двумя сыновьями из Новгорода-Северского, брат его Всеволод из Трубчевска, Святослав Ольгович из Рыльска и черниговская помощь. И вошли в землю их. Половцы же, услышав о том, пошли, говоря: «Братия и отцы наши перебиты, иные же в плену, а теперь вот и на нас идут». Послали весть по всей земле своей, а сами вышли навстречу и дожидались войск своих. А наши шли к кочевьям их. Половцы же не подпустили к вежам, а встретили,

* Речь идет не о самом городе Переяславле, а о восточных границах Переяславского княжества.

не дожидаясь подкрепления и сошлись в битве. И побеждены были половцы, и гнали их до веж, и взяли много пленных — жен и детей, и стояли три дня на вежах, веселясь и говоря: «Братия наши ходили со Святославом, великим князем, и бились у Переяславля, когда половцы сами к ним пришли, а в землю Половецкую пойти не посмели. А мы в самой земле их избили их, и жен полонили, и дети их у нас. А теперь пойдем за ними за Дон и перебьем их всех. Если и тут победим, пойдем за ними и в Лукоморье, куда и деды наши не хаживали, а славу и честь всю себе возьмем»*.

Но не ведали Божьего промысла.

А остатки битых тех бежали к войскам своим, куда прежде весть посылали, и поведали им о погибели своей. Те же, услышав, пришли к ним, и за другими послали. И сошлись стрельцы, и перестреливались три дня, а в копий не преломляли, ожидая подкрепления. А к воде не давали им [русским] подойти.

И подошло к ним [половцам] все их огромное войско. Наши же, увидев их, ужаснулись и похвальбу свою забыли, ибо не ведали сказанного пророком: «Вотще и мудрость, и мужество, и хитрость, если Бог противится». От жажды и кони, и сами изнемогли. По зною и в отчаянье немногие пробились наконец к воде, а то ведь три дня их к воде не подпускали**. Видя то, устремились на них враги и к воде прижали.

И крепко бились, и лютая была битва.

Меняли коней своих, а у наших кони изнемогли. И были побеждены наши гневом Божьим. Князей всех полонили, а бояр, и вельмож, и всю дружину перебили, а которые в плен попали, те ранены. И возвратились половцы с великой победой, а о наших по грехам нашим не было кому и весть принести.

* Тот же мотив в «Слове»: «прошлую славу сами похитим, а грядущую сами поделим».

** Из этого мотива трехдневной битвы и трехдневной жажды, очевидно, и возник не подтверждающийся текстом Ипатьевской летописи рассказ о трехдневном веселье на захваченных половецких вежах.

Где радость была — теперь стенанье и плач повсюду. Исайя же пророк говорит: «Господи, в печали вспомнил тебя...»

И проходил мимо купец, и половцы велели ему передать [русским]: «Приходите за своими братьями, или мы к вам придем за своими». Князья же возопили, слыша о таком несчастье с братьями и боярами их, и повсюду стояли плач и стенания: у одних братья, у других отцы или близкие погибли, или в плен попали. А князь Святослав послал к сыновьям своим и ко всем князьям. И собрались у него в Киеве, и выступили к Каневу. А половцы, узнав, что идет на них вся земля Русская, бежали за Дон. Святослав же, услышав о том, возвратился со всеми князьями к Киеву, и разошлись по землям своим.

А половцы, узнав, что они отошли, напали вдруг на Переяславль, и взяли все города по Суле, и бились весь день у Переяславля. Владимир же Глебович, видя, что берут острог, выехал из города с малой дружиной и напал на них, и бился крепко. И обступили князя враги. И узрели горожане, что изнемогают свои, и ринулись из города, и бились, и едва отняли князя, пронзенного тремя копьями. И из дружины многие погибли. А оставшиеся вбежали в город, и затворились. Половцы же с большим полоном возвратились к кочевьям своим.

Вскоре ускакал князь Игорь от половцев, ибо не оставит Господь праведника в руках грешников. Устремлены очи Господни на боящихся Его, а слух — к молитвам их. Гнались за Игорем, и не догнали. Так Саул гнался за Давидом, но Бог его избавил, так и Игоря избавил Бог от рук поганых. А остальных строго держали и стерегли, оковав и подвергая мучениям*.

* Переводы Ипатьевского списка Ипатьевской летописи и Лаврентьевской летописи сделаны с учетом перевода О. В. Творогова (Летописные повести о походе князя Игоря / Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 230–253).

ИЗ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» ВАСИЛИЯ ТАТИЩЕВА*

Игорь, князь северский, завидуя чести, полученной Святославом, возвратясь в Новгород, недолго медля, собрал войска и призвал из Трубчевска брата Всеволода, из Рыльска сыновца Святослава Ольговича, из Путимля сына Владимира и у Ярослава Всеволодича черниговского выпросил в помочь войско с Олстином Олешичем, внуком Прохоровым. И пошел из Новаграда апреля 13 дня, идучи тихо, сжидався с войски, а паче видя, что кони были тучны, берег, чтоб не сделать оных без ног. И тако продолжал путь свой к Донцу. На вечер же маиа 1-го дня увидели затмение солнечное, которго осталась часть, яко луна трех дней. В рогах его яко угль горящий был, и звезды были видимы, и в очах было зелено. И сказал вельможам своим: «Видите ли сие?». Они же, ужаснись, опустили головы и сказали ему: «Сие знамение не на добро есть». На что им Игорь отвечал: «Тайны Божия неисповедимы, и никто знать его определения может, он бо Творец есть мира, солнца и знамения сего, яко же и нас всех, что хочет, то и творит, добро или зло. Мы определения его применить не можем. Не весте ли, яко без знамения кого хочет наказует, и знамения такая многократно никакого зла не приносят. И кто ведает, для нас или для других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и народах». И то сказав, перешел Донец, пошел к реке Осколу и тут ожидал брата Всеволода 2 дни, которой шел из Курска другим путем, и совокупясь, пришли к реке Салнице. Тут приехали к ним скоуеди**. Тогда посланные наперед для взятыя

* *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 134–139.

** У Татищева это место испорчено: скоуеди (далее коуеди) — ковуи, половцы, перешедшие на службу к Ярославу Черниговскому, которых тот под предводительством Олстина дал в помощь Игорю. — *Примеч. А. Чернова.*

языков, приехав, сказали, что видели половцов ездячих в доспехах. Того ради советовали некоторые возвратиться, представляя, что половцы, видимо, весть имея, приготовились, и может их быть великое множество. А воеводы разсуждали: «Возвращаться в стыд великий, которое тяжчае, нежели смерть, но лучше, положась на волю Божию, итти на них». Тако согласясь, пошли к ним чрез всю ночь и наутрие в пяток, около обеда, увидели половцов в собрании, которые, убирая станы своя отступили назад далее, а руские стояли за рекою Суурли и устроили войска свои на шесть полков: Игорев полк в середине, направе брат его Всеволод, налеве сыновец их Святослав, напереди сын Игорев Владимир с двумя полками, а Ярославль полк с Олстином и коуди назади, дабы могли помогать, где будут ослабевать. Стрельцов же, собрав, учинили третий полк впереди. Тако устроив Игорь полки своя и видя их печальных, созвал князей и воевод, говорил им: «Мы сюда пришли, желая сыскать неприятелей, которых ныне видим пред нами, но дивлюся вельми, что вижу многих печальных и прежде времени ослабевающих. Того ради надобно разсудить, что здесь нужно вооружиться крепко на брань, и положась на Бога, с честью умереть или победить. Если же кому не мило биться, то лучше оному отойти, и других не смущать, на что есть время. А я не могу уже со стыдом бежать, но предаюся в волю Божию». И велел оное во все войско объявить. И хотя многие желали бы от объявшаго их страха возвратиться, но за стыд никто себя не явил. И того ж дня пришел к реке Суурли. Тут встретили их стрельцы от полков половецких и, пустя по стреле, побежали вспять. Воеводы же, видя их побежавших, не веря им в том, но видя их войско великое и что сами далеко за реки зашли, говорили, чтобы за ними не гнать. Но молодые князи, не слушая совета старых, желающече честь прежде времени приобрести, не ведая, что к тому многое искусство потребно, Святослав Ольгович и Владимир Игоревич, да с ними Олстин, воевода черниговский, не взяв повеления от старших, пошли за реку к половцам. Что Игорь видя, пошел за ними помалу, не распусчая полков, а половцы отступили от реки за гору. Передние ж, напав на половцов, предних

разбили, несколько побили и в плен брали. Дошедши же до станов половецких, много полона побрали, и ночью некоторых привели к полкам Игоревым, а сами с полками, не возвратясь, остановились на том месте. Игорь, слыша, что половцев множество в собрании, посылал к ним, чтобы шли назад, но они сказали, что их кони утомились, надобно отдохнуть. Игорь, созвав князей и воевод, говорил: «Ныне довольно видим на неприятелей наших победу, а нашу честь, от Бога данную, сохраненну; видим же половцов множество, собравшееся на нас, не можем противо их стать. Того ради пойдем прочь чрез всю ночь и оставим назади на лучших конях». Святослав же Ольгович, по принуждению к полкам возвратясь, говорил стрьем своим, что он далеко гонялся за половцами и, коней утомя, не может за ними поспеть, если сейчас идти. Которому и Всеволод согласовал, хотя протчие все советовали отступать, дабы дойти до реки. Но послушав Святослава, дал оным отдохнуть, а пошли уже пред днем все, совокупясь, к Донцу. Поутру рано половцы со всею силою напали на чистом поле на полки Игоревы и объехали кругом. Тогда многие начали на Игоря нарекать, что завел их в пустыню погубить, что ему весьма прискорбно слышать было. И говорил им: «Шли ведаючи на неприятеля, не исча несчастья, но кто о том мог ведать, чтоб такое множество половцов собраться могли, что Кончаки Казимирович и Тускобич к ним пришли. Ныне же нет иной надежды, кроме Бога и своих рук. Нарекание же на меня есть безумно, которым не токмо себе не поможете, но паче, смутя войско, вред и погибель учините. Того ради нужно стать всем единодушно». И разсудя, что на конех биться не можно, все спешась шли, надеясь к Донцу дойти, ибо князи хотя могли коньми уйти, но Игорь сказал: «Я не могу разлучиться, но со всеми обеще добро или зло мне приключится, ибо если я уйду с воеводы, то простых воинов конечно предам в руки иноплеменником. Тогда какой ответ дам пред Богом, но большую во веки казнь, нежели смерть, приму». И тако шли совокупно неколико времени. Но Божиим гневом ранили Игоря в левую руку так тяжко, что он не мог ею владеть. Сие большую печаль и уныние в войске учинило. И тот день весь,

бився крепко, шли до вечера. Многие от русских побиты были, ибо поганые, наскакивая, стрелы, яко град, пусчали, а немало саблями и копиями, въезжая, убивали. Хотя и их много оставалось, но им от великаго множества был упадок не виден. Також чрез всю ночь субботную шли и бились. В неделю же на разсвете смялся полк коуев и побежали. Игорь тогда ехал на коне и поскакал к ним, чтоб их возвратить. Но видя их отдалившихся, хотел назад возвратиться, скинул с себя для тягости шелом и скакал. Но половцы, усмотря, что от полков к нему никто не идет, бросясь, <об>ехали его за перестрел от полку его и взяли жива. Тогда Всеволод, брат его, немало мужества показал, но не мог никоей помочи брату своему учинить и вельми опечался, говоря, что лучше мне умереть, нежели брата в плене оставить, бился с нечестивыми, идя подле озера так долго, как уже ни единыя стрелы ему не осталось и копие переломилось. Тогда половцы, видя главнаго предводителя в руках своих, жестоко напали, стреляя из тмочисленных луков и самострелов. Также с копыи и сабли, въехав в утомленные полки руские, многих порубили, а достальных с князи разобрали по рукам более 5000. Так кончися сей несчастливый бой во вторую неделю Пасхи, и бысть печаль и плачь в Руской, паче же Северной, земли. Потом половцы разделили князей: Игоря взяли Торгов воевода Гилбук, Всеволода — Роман князь, Святослава Ольговича — Елдучок Барчевич, Владимира — Куптивул Шекчевич. Но Кончак, видя Игоря раненаго, взял его на свои поруки. Протчих же всех воевод и простых воинов русских разделили в разные роды. И невозможно было никому уйти, понеже отвсюду были объеханы. Токмо 215 человек русских, пробився сквозь половцов в последнее нападение, пришли в Русь. А коуев хотя и много ушло, но мало спаслося, ибо множество их в мори потонули.

В то время Святослав Всеволодич пошел в Корачев и, собрав войска верховых земель, хотел идти паки на половцов. И как пришел к Новугородку, услыша, что Игорь с братиею, не объявля ему, пошел, не похвалил им того, что от него помосчи не просили. И оттуду идучи на низ по Десне в лодиях к Чернигову, тогда прибежав

Беловод, возвестил ему несчастье Игореву и всех полков русских. Святослав, слыша, горько плакал о сей погибели, говоря: «О любимые братия и воины руские! Бог мне дал половцев довольно победить и в страх привести, но вы невоздержною младостию своею посрамили все победы руския, ободрили боящихся нас нечестивых, и отворили им врата в Рускую землю. О, младость неразумная! Мнят бо и надеются единой своей храбрости, еже они под предводительством старейших и искуснейших видели, не мня, что к тому много разума и искусства в военных делах потребно, ибо не столько сила, сколько смысл искусных неприятели побеждает. Но ныне тако уже учинилось, в том буди воля Божия». Вельми же сожалел паче всех о Игоре, братаниче своем, котораго паче роднаго брата любил.

Половцы, возгордяся сею небывалою победою, прислали к Святославу купцов русских с объявлением, чтоб князи руские шли к ним выручать братьев своих, или они по достальных придут. При том прислали роспись, колико за кого окупа прислать, положи цену несносную. И хотя Святослав Игоря хотел выкупить, но половцы его не отдавали прежде, как все молодшие князи и воеводы заплачены будут. Токмо Ярослав, имея много приятелей в половцах, собирая половецких пленников, оными своих черниговских, також и княгиня Всеволодова, многих выменяли.

Князи руские, получа ведомость о таком великом несчастьи, все сожалели, паче же в Северной земле по всем градам был плач неутешимый. Князь великий Святослав послал по всех князей и сынов своих, чтоб собрались с войски к Киеву, и немедля сына своего Ольга отправил в Северскую землю, велел ему стать с войски в Посемье [подле реки Семи], ибо тамо от страха люди пришли в смятение, бояся половцов, чтоб, пришед на них, яко безглавных, вконец не разорили, и городов не побрали, где хотя людей есче довольно могло быть, но распоряжать кому не было. Потом послал к Давиду в Смоленск, объявля ему о сем, и что они прежде согласились было идти на половцов и все лето быть около Донца, но ныне нужно своих земель охранять, чтоб для того с войски прийти не

умедлил. По которому Давид немедленно пришел по Днепру в лодиях. И другие войска, собрався, стали у Триполя, а Ярослав совокупя черниговские войска, стал по Десне, поставя стражи к степи.

Половцы, победа Игоря с братиею, совокупили всех своих родов войска на Рускую землю, но Божиим милосердием учинилась в них распря. Кончак говорил идти на Киевскую область, отмстить кровь побитых та<м> многих князей половецких, а паче князя Боняка, а Кзя князь советовал идти в Северскую землю, представляя, что «тамо ни войск, ни воевод нет, остались токмо жены и дети, где нам пленников довольно готово». И тако разделяся, пошли Кончак к Переяславлю. И пришед, оступя град, бились весь день. Владимир, выехав из града, напал на них и, многих порубя, загнался в середину полков их, но с ним людей было мало, ибо, не осмотрясь, разделились в бою натрое. Половцы, видя Владимира малолюдна, объехали кругом. Из града же, видя, что князь их остушен бьется крепко, выбежав, напали на половцов, яко звери лютии, билися за князя своего. Владимир же, погубя коня, бился пешком. И едва Бог помог, вышедшие из града смяли половцов и дошли до князя, вельми уже истомленного и тяжело тремя копия раненаго, взяв его на коня, свезли во град. На сем бою половцев весьма много побито, и принуждены они отступити от града за день езды, где ожидали к себе есче войск.

Владимир, опасаясь паки от половцов нападения, второе послал ко Святославу просить о помосчи, чтоб не отдать Переяславля в руки поганых. Святослав тотчас послал к Давиду, которой со смоляны стоял у Триполя, чтоб пошел к Переяславлю. Но смоляне стали советы народные делать и сказали: «Мы пошли только до Киева. И если бы пришел сюда неприятель, то бы мы билися, а дале неприятеля искать не можем, понеже мы, и так далече идучи, устали и всем издержались». Святослав же с Рюриком и другими полками перешли за Днепр и пошли противо половцев, а Давид возвратился в Смоленск. Половцы, услышав, что Святослав и Рюрик идут, отступили прочь и пошли к Римову. Римовцы же, укрепяся, мужественно оборонялись, но два городничие, собрав людей, вышли из

града* и, бияся, перешли за болото и тако спаслися. Половцы, видя, что часть немала войска из града ушли, жестоко стали приступать. И хотя много своих потеряли, но множеством град взяли, людей пленили и потом оной, ограбя, сожгли, и возвратились в свои жилища, не столько русских пленя, сколько своих потеряли. Також и князи, оставя Владимира в тяжких ранах, весьма о нем скорбя, возвратились.

С другую сторону Кзя, князь половецкий, с великим войском пошел к Путимлю, и многия волости пожег, и, к Путимлю жестоко приступая, острог сжег. И потерял много людей, а паче знатных, не взяв града, отступил и послал в Посемье 5000 тамо жечь и разорять. Но Олег Святославич с воеводою Тудором, которой во многих боях храбростию и разумом прославился, учинили со оными бой об реку. Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли чрез реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед в лес меж болота, разделился: Ольга с половиною оставил противо половцов, а сам, обошед, сзади напал. И так их, смявши, порубил, что едва 100 их назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатных и подлых пленено. Сын же и зять князя Кзи побиты. Гзя, о том уздав, с великою злобою и горестию возвратился. Тако половцам обую равная удача была, и один пред другим не мог похвалиться, разве большею потерею своих.

Игорь Святославич, будучи в плене во всяком довольствии содержан, и никакой ему обиды и досады половцы не делали, токмо крепко стерегли, приставя к нему 15 человек и 5 знатных отцов сыновей, которые давали ему волю ездить куда хотел и, почитая, его слушали, куда кого посылал. Он же привел к себе попа и несколько одежд для себя и служителей, якоже довольство от запасов и денег для нужд. Не ведая о себе Божия промысла, чаял долго у них пробывать и, хотя у оных большую ласку приобрести, многих богато

* Ошибка переписчика. Речь о двух ветхих городнищах, обрушившихся вместе с людьми. См. с. 336. — *Примеч. А. Чернова.*

дарил, не мог бо окупа заплатить, понеже за него просили 2000, за протчих князей по 1000, а за воевод по 200 и по сту гривен. Но Божиим милосердием сыскался един муж, родом половчин, имянем Лавер, которой, пришед ко Игорю, говорил, если он хочет в дом ехать, обещаваяся ему здрава проводить. Но Игорь, не смея ему поверить, сказал, что он охоты к тому не имеет и не хочет своим порукам неверным быть, говоря ему: «Я, не хотя чести моей потерять, с бою имея возможность уйти, не бежал и ныне безчестным путем идти не хочу». С ним же был конюший его и сын тысяцкого. Те услыша о сем и разсмотря довольно состояние человека того, что был муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же была его руская из области Игорева, те понуждали Игоря идти, но он, не приняв их совета, запретил более о том говорить. Тысецкого сын, уведав от жены князя Туглия, с которою любовь имел, что половцы положили, если им в войне не удастся, Игоря убить, что он сказал конюшему. И тотчас оба, паки пришед к Игорю, говорили ему: «Почто, княже, не соглашаешься с мужем сим, или ждешь как половцы с войны возвратятся, которые, если им не удастся, положили тебя убить. Тогда что твоя гордость и славолюбие может, но паче погубиши жизнь со славою». Сим ужасшися, Игорь советовал с ними, как то учинить. Но тогда было ему учинить неудобно, однако ж велел им онаго Лавра довольно уверить. По малом времени, разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинил пир, на котором приставников подчивал довольно медом и дарил. И как оные довольно пьяни были, на заходе солнца послал конюшего по Лавра. И как оной пришел, сказал ему, чтоб он по заходе солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки. Конюшей, пришед, сказал Игорю, что кони готовы. Он же, встав с трепетом, бояся, чтоб его не поймали, и призвав других своих служителей, велел пред шатром своим играть и пить. И вышед вон, видя, что приставники все с его служители играли и веселились, думая, что Игорь уже спит. Он же, не говоря им ничего, пошел к реке, оную перебрел. И седши на кони, поехали сквозь жилисча половецкия сам пят. И ту ночь,

миновав все их обиталища, поехали чрез степь, и ехали 11 дней до рускаго города, оттуда пошел в свой Новград и, не доехав [меньше полуднища] верст за 20, споткнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе святаго Михаила остановиться и ночевать. В тот час прибежал в Новград крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал. И хотя долго тому не верили, но княгиня, не могши более терпеть, тотчас вседши на кони, поехала к нему. Граждане, слыша то, все обрадовались и за княгинею поехали. Множество же, не имея близко коней, пеши пошли. Княгиня пришед, так друг другу обрадовались, что обнявсь плакали, и говорить от радости и слез ничего не могли, и едва могли престать от слез. Игорь, целовав всех вельмож своих, немедля поехал во град. Люди же с женами и детьми все вышли в стретение его и так многолюдно, что во граде разве кто крайней немощи ради остался. И была в Новеграде и по всей Северской земли радость неописанная. Радовались же немало и во всей Руской земле, зане сей князь своего ради постоянства и тихости любим у всех был.

По прибытии своем Игорь немедленно послал ко всем князем, а паче к Ярославу и Святославу, объявить о себе и благодарить за учиненное охранение земель его. Потом, не могши оставить половцев без отмечения и чтоб пленных выручить, положил намерение, выпрося у других помось, паки на них идти. И едва мог от своего труда и болезни отдохнуть, поехал сам в Чернигов к Ярославу просить у него помочи. Которой, с радостно и любовию его приняв, обещал довольное войско в помочь ему дать. Потом поехал в Киев ко Святославу и в Белград к Рюрику. Оные вельми ему обрадовались и обещали все как возможно ему помочь учинить и сами намерялись идти со всеми их войски. И тако Игорь с надеждою возвратился в свой Новград. Лавра же учинил вельможею, и крестя его, выдал за него дочь тысяцкого Рагуила, и многим именем наградил, котораго дети ныне суть вельможами в Северской земли.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абаев* — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958–1995. Т. I–V.
- Адрианова-Перетц* — *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968.
- Булаховский* — *Булаховский Л. А.* Избранные труды в пяти томах. Т. 3: Славистика. Русский язык. Киев, 1983.
- ГИМ* — Государственный исторический музей (Москва).
- ДНД* — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004.
- Ек.* — Екатерининская копия «Слова о полку Игореве» (см.: *Симони П. К.* «Слово о полку Игореве» // Древности: Труды Московского археологического общества. Т. XIII. № 2 [1890]. С. 34–46).
- Ипат.* — Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Козырев 1975* — *Козырев В. А.* Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры. Вып. III. Л., 1975.
- Козырев 1976* — *Козырев В. А.* Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // *ТОДРЛ*. Л., 1976. Т. XXXI.
- Лавр.* — Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1–3: Лаврентьевская летопись. М., 1962.
- Лихачев* — *Лихачев Д. С.* «Слово о Полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
- Менгес* — *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Мещерский, Бурыкин* — *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 440–483. (Адрес в Интернете: www.infofolio.asf.ru/Rlit/Drl)
- НПЛ* — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

- И.* — [Первое издание «Слова о полку Игореве»:] Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800.
- ПВЛ* — Повесть временных лет. СПб., 1999.
- ПСРЛ* — Полное собрание русских летописей.
- Рыбаков — Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- ДДЛ* — Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1981.
- Слов. XI–XVII* — Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. I– . М., 1975– .
- Смол.* — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.
- СПИ* — Слово о полку Игореве.
- СПИВЛ* — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004.
- Срезневский — Срезневский И. И.* Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1: А–К. СПб., 1893; Т. 2: Л–П. СПб., 1902; Т. 3: Р–**Ѧ** и Дополнения. СПб., 1912.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров. Вып. 1– . М.; Л., 1965– .
- СССПИ* — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.; Л., 1965, 1967, 1969, 1973, 1978, 1984.
- Татищев — Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. 3. М.; Л., 1964.
- ТОДРЛ* — Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР.
- Успенский — Успенский Б. А.* Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968.
- Фасмер — Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Чернов — Чернов А.* Хроники изнаночного времени. СПб., 2006. *Книга готовится к печати.*
- ЭСИ* — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.
- ЭССЯ* — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1– . М., 1974– .
- ЭСТЯ* — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. I–III. М., 1974–1980; [*Севортян Э. В., Левитская Л. С.*] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989; [*Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.*] Этимологический словарь тюркских

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». М., 1997; [Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». М., 2000.

Clauson EDT – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. С. Лихачев. «Слово о походе Игоревом»</i>	15
---	----

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Реконструкция древнерусского текста (<i>А. В. Дыбо</i>) и стихотворный перевод (<i>А. Ю. Чернов</i>)	22
Комментированный прозаический перевод (<i>А. Ю. Чернов,</i> <i>примечания А. В. Дыбо</i>)	119
<i>А. Ю. Чернов. Об авторе «Слова о полку Игореве»</i> (атрибуционная справка)	318

ПРИЛОЖЕНИЕ

Три летописные повести о русско-половецкой войне 1183–1185 годов	
Из Ипатьевской летописи (<i>перевод Н. М. Введенской</i> <i>и А. Ю. Чернова</i>)	327
Из Лаврентьевской летописи (<i>перевод Н. М. Введенской</i> <i>и А. Ю. Чернова</i>)	339
Из «Истории Российской» Василия Татищева	343
Список сокращений	353
О художнике этой книги	356